

МОРСКОЙ ЧУЛЕК

Санкт-Петербург | 2007
Издательство Государственного Эрмитажа

Irina Zasetskaya, Mikhail Kazansky,
Ilya Akhmedov and Rafael Minasian

MORSKOY CHULEK

Burials of the Nobility from the Sea
of Azov Region and Their Place
in the History of Tribes from the North
Black Sea Coast in the Post-Hun Epoch

И. П. Засецкая, М. М. Казанский,
И. Р. Ахмедов, Р. С. Минасян

МОРСКОЙ ЧУЛЕК

Погребения знати из Приазовья
и их место в истории племен
Северного Причерноморья
в постгуннскую эпоху

УДК 930.26 (471.61)
ББК (Т)63.4
З 36

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.
З-36 Морской Чулак: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен
Северного Причерноморья в постпуннскую эпоху / Государственный Эрмитаж.
– СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. – 212 с.: ил.

ISBN 978-5-93572-294-4

Книга посвящена двум погребальным памятникам, относящимся к «смутному» периоду в истории Понтийских степей, который наступил после распада гуннского племенного союза в середине V в. В литературе этот период известен как постпуннская эпоха (вторая половина V–VI вв.). В это время степи Северного Причерноморья превратились в «сквозной коридор», через который устремились на Запад различные народы восточного происхождения. Бесконечная смена племен разрушила стабильную обстановку в Северном Причерноморье, что нашло отражение в археологических памятниках. Вот почему отождествление каждого памятника (комплекса) той эпохи с тем или иным кочевым народом, находившимся в контакте как с Западом, так и с Востоком, представляет большой научный интерес.

В погребениях, обнаруженных на реке Морской Чулак, находились золотые украшения и дорогие наборы конского снаряжения византийского происхождения, что дало основание авторам связать этот памятник с представителями знати племен оногуров, обитавших на этой территории во второй половине V в.

УДК 930.26 (471.61)
ББК (Т)63.4

На обложке: Золотая цепь с медальоном из погребения 2 Морского Чулака

ISBN 978-5-93572-294-4

© Засецкая И. П., Казанский М. М.,
Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007
© Государственный Эрмитаж, 2007
© Ворончихина И. М.: макет, верстка, оформление обложки

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ НАХОДКИ	
<i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	9
Глава 1	
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ	12
Погребение 1 <i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	12
Серьги или височные подвески	12
Цепь – нагрудное украшение	28
Кольца-перстни	33
Браслеты	33
Пряжка и каменный кружок	33
Погребение 2	
Цепь – нагрудное украшение <i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	35
Перстни <i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	40
Серьги-подвески <i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	46
Браслеты <i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	48
Украшения конской упряжи <i>И. Р. Ахмедов, И. П. Засецкая,</i> <i>М. М. Казанский</i>	60
Набор № 1 византийского происхождения	60
Набор № 2 азиатского (?) происхождения	75
Глава 2	
ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МОРСКОГО ЧУЛЕКА	
<i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	83
Глава 3	
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ВЕЩЕЙ И РАНГ	
ИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ <i>М. М. Казанский, И. Р. Ахмедов</i>	92

Заключение	
МОРСКОЙ ЧУЛЕК И ИСТОРИЯ ПОНТИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ПОСТГУННСКУЮ ЭПОХУ	
<i>И. П. Засецкая, М. М. Казанский</i>	101
Приложение 1.	
РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ МЕЧИ С ИНКРУСТИРОВАННОЙ ГАРДОЙ	
<i>М. М. Казанский</i>	122
Приложение 2.	
КЛАССИФИКАЦИЯ ОБКЛАДОК ЛЕНЧИКОВ СЕДЛА	
V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. <i>И. П. Засецкая</i>	142
Приложение 3.	
ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ	
ИЗ МОРСКОГО ЧУЛЕКА <i>Р. С. Минасян</i>	147
Каталог предметов из погребений Морского Чулека	
<i>И. Р. Ахмедов, И. П. Засецкая, М. М. Казанский, Р. С. Минасян</i>	
Погребение 1	159
Погребение 2	161
Библиография	176
Summary	208
Список сокращений	211

CONTENTS

Introduction	
HISTORY OF THE DISCOVERY AND STUDY OF THE BURIALS	
<i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	9
Part 1	
CHARACTERISTICS OF THE BURIALS' CONTENTS	12
Burial 1 <i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	12
Earrings or Temple Pendants	12
Chain, a Chest Ornament	28
Rings	33
Bracelets	33
Buckle and Stone Round Piece	33
Burial 2	
Chain, a Chest Ornament <i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	35

Rings <i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	40
Earrings-pendants <i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	46
Bracelets <i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	48
Decoration of the Horse Harness <i>Ilya Akhmedov, Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	60
Set of the Byzantine Origin	60
Set of the Asian (?) Origin	75
Part 2	
CHRONOLOGY OF THE MORSKOY CHULEK BURIALS	
<i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	83
Part 3	
ORIGIN OF THE BYZANTINE OBJECTS AND THE RANK OF THEIR OWNERS	
<i>Mikhail Kazansky and Ilya Akhmedov</i>	92
Conclusion	
MORSKOY CHULEK AND THE HISTORY OF THE PONTIC STEPPES IN THE POST-HUN EPOCH	
<i>Irina Zasetskaya and Mikhail Kazansky</i>	101
Appendix 1.	
EARLY BYZANTINE SWORDS WITH GUARDS DECORATED WITH INLAY WORK <i>Mikhail Kazansky</i>	122
Appendix 2.	
CLASSIFICATION OF THE PLATES OF THE SADDLE FROM THE 5TH – FIRST HALF OF THE 6TH CENTURY <i>Irina Zasetskaya</i>	142
Appendix 3.	
TECHNICAL CHARACTERISTICS OF THE JEWELLERY FROM THE MORSKOY CHULEK <i>Rafael Minasian</i>	147
Catalogue of the Objects from the Morskoy Chulek Burials	
<i>Ilya Akhmedov, Irina Zasetskaya, Mikhail Kazansky and Rafael Minasian</i>	
Burial 1	159
Burial 2	161
Bibliography	176
Summary	208
List of Abbreviations	211

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ НАХОДКИ

После распада гуннского племенного союза в середине V в. н. э.¹ степи Северного Причерноморья превратились в сквозной коридор, через который устремились на запад различные племена и народы, в том числе и угро-тюркского происхождения. Как сообщают письменные источники, к 463 г. сарагуры, уроги, оногуры вытеснили господствовавшее здесь племя акациров; сами же они были изгнаны из «родной земли» савирами, а те в свою очередь аварами, последние же бежали «от народа, жившего на побережье океана» (Приск. 30). Позднее появляются болгары, кутригуры и другие народы, боровшиеся за господство в понтийских степях. Таким образом, до Хазарского каганата гуннский племенной союз фактически был последним крупным политическим объединением кочевников, создавшим сравнительно стабильную обстановку в Северном Причерноморье для развития культуры как самих кочевников, так и населения оседло-земледельческих и ремесленных центров. Вот почему постгуннское время, характеризующееся бесконечной сменой племен, сопровождавшейся постоянными войнами, так небогато археологическими находками. Поэтому отождествление каждого нового или старого памятника с этим периодом представляет немалый научный интерес.

К подобного рода находкам относятся и два погребения, обнаруженные в 1868 г. на р. Морской Чулек при строительных работах у хутора Синявский, станицы Елизаветовская, между Таганрогом и Ростовом-на-Дону². Из архивных данных известно, что оба погребения находились «почти» в одном и том же месте, но на разной глубине: первое – на глубине 1 и 1/2 аршина, что соответствует 1 м, второе – на глубине 3 аршин и 5 вершков, т. е. 2,4 м. Захоронения были совершены в грунтовых могилах без признаков курганной насыпи (Архив ИИМК. Ф. 1. № 4/1868).

Первое погребение – определенно женское, о чем свидетельствует набор золотых украшений, представленный парой серег, парой браслетов небольшого диаметра, шейной цепью и тремя кольцами со вставками граната, на одном из которых вырезано изображение дельфина (кат. 1–6; табл. I). Кроме

¹ В дальнейшем специально оговариваются только даты до н. э.

² Запись в деле Археологической комиссии: «Речка Морской Чулек находится между Ростовом и Таганрогом и 30 верстах от последнего, где она впадает в устье Донских тирь».

того, в этом же погребении, как следует из записи архивного дела, были найдены серебряная пряжка, каменный кружок (рис. 10), а также кости разрушенного человеческого скелета, в частности остатки черепа (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 4/1868. С. 5).

Во втором погребении был зафиксирован целый человеческий скелет (в Археологическую комиссию был доставлен череп³), на котором *in situ* лежали следующие предметы: на шее золотая цепь с тремя подвесками, на руках по одному браслету, один из них с латинской надписью, на больших пальцах правой и левой рук по два перстня (кат. 7–14; табл. II, III). На расстоянии одного аршина (71,12 см) от ног погребенного находились украшения конской сбруи, состоявшие из золотых круглых и пятиугольных блях, а также двух цилиндрических пронизей со вставками граната в технике перегородчатой инкрустации (кат. 15–18; табл. IV–VII; рис. 20). Кроме того, здесь же были найдены два золотых кружка, семь бронзовых гвоздей с золотыми головками со вставками сердолика (кат. 19–21; табл. VIII, 1–3; рис. 28), а также «искрошившиеся бронзовые позолоченные бляхи, небольшой серебряный набалдашник, четыре бронзовых позолоченных лошадиных украшения и девятнадцать отчасти поломанных пряжек» (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 4/1868. С. 10, 11).

Обе находки в 1869 г. были переданы в Эрмитаж, где и хранятся до сих пор. Однако некоторые вещи не поступили в музей. Это – серебряная пряжка и каменный кружок из первого погребения и часть конского снаряжения из второго погребения, в частности, бронзовые позолоченные детали конской сбруи, неизвестного назначения серебряный набалдашник и все серебряные пряжки.

Первая публикация памятника появилась в 1890 г. в третьем выпуске «Русских древностей». Авторы И. И. Толстой и Н. П. Кондаков отнесли его к эпохе переселения народов, не предложив какой-либо конкретной датировки. Более того, в публикации вещи представлены единым списком, без указания их принадлежности разным погребениям, и иллюстрированы лишь шестью фотографиями (Толстой, Кондаков 1890. С. 140–143. Рис. 166–171). После этого находки из долины р. Морской Чулек были на долгие годы незаслуженно забыты. Впоследствии в литературе мы встречаем лишь краткие упоминания о данном комплексе. Так, М. И. Ростовцев в книге «Скифия и Боспор» сопоставляет древности Морского Чулека с более ранними находками сарматской эпохи (Ростовцев 1925. С. 586). В 1962 г. М. И. Артамонов включил в свою фундаментальную работу о хазарах фотографию вещей из Морского Чулека в качестве иллюстрации памятников VI в. (Артамонов 1962. С. 77). Однако в тексте нет никаких объяснений на этот счет. Затем в 1981 г. А. К. Амброз, перечисляя памятники четвертой хронологической группы степных древностей

³ Интересно заметить, что Е. В. Жиров в 1940 г. отмечал присутствие в Музее антропологии и этнографии (Ленинград) черепа со следами искусственной деформации, происходящего, как он указывал, «из богатого погребения 3 в.», найденного на р. Морской Чулек (Жиров 1940. С. 85). Не идет ли речь о черепе из погребения 2?

(по его периодизации), которые он датирует второй половиной VII – первой половиной VIII в., пишет, что, вероятно, и находки из Морского Чулека относятся к этому же времени (Амброз 1981. С. 18). К точке зрения А. К. Амброза присоединился А. В. Комар. По его мнению, украшения из Морского Чулека на основании того, что на них имеются крупная зернь и перегородчатая инкрустация, относятся к эпохе Перещепина – Вознесенки (Комар 2000. С. 139).

Близкая датировка была предложена и Р. Рашевым, который отнес погребения из Морского Чулека ко второй половине – концу VI – началу – первой половине VII в. Никакой аргументации своих датировок Р. Рашев не приводит. Он объединяет в одну группу грунтовых ямных могил находки из Морского Чулека, Новопокровки, Михаэльсфельда, Уфы (см. ниже). По мнению Рашева, эти памятники характеризуют периферийное население, проживавшее на окраинах степи (Рашев 2004. С. 37). Однако такая характеристика мало подходит к чулекским погребениям, расположенным в центральной части азовских степей. Две другие отличительные черты, отмеченные автором, – изолированное положение этих могил и богатые золотые украшения в инвентаре – свидетельствуют в первую очередь об их особом социальном статусе. Р. Рашев полагает, что речь идет о погребениях кочевнической знати, этническую принадлежность которой определить трудно (Рашев 2004. С. 137, 138).

В 1989 г. несколько вещей из приазовских погребений экспонировались на выставке в Болгарии, посвященной истории хана Куврата. В каталоге выставки, в краткой аннотации, возражая А. К. Амброзу, И. П. Засецкая определила дату обоих погребений Морского Чулека как вторая половина V – начало VI в. Однако в силу популярного характера издания она не имела возможности привести доказательства, подтверждающие данную точку зрения (Съкровище на хан Кубрат 1989. С. 19–21). Позднее к такому же выводу пришли некоторые западноевропейские исследователи, основываясь в первую очередь на очевидных параллелях чулекскому конскому убору в древностях «княжеского» горизонта Блучина-Апахида-Турнэ второй половины V в. (Kazanski, Mastykova, Périn 2002. S. 181), а также на датировке инкрустационного стиля вещей, характерного для этого же времени (Adams 2000. P. 40).

Но в целом находка из Морского Чулека в настоящее время остается фактически неопубликованной и неисследованной. В данной работе мы планируем дать полную публикацию всех вещей из Морского Чулека, находящихся в собрании Государственного Эрмитажа, сопроводив ее каталогом с подробными описаниями стилистических и технологических особенностей каждого предмета. Задачей нашего исследования является также определение места данного памятника в истории кочевых племен эпохи великого переселения народов. Для решения этой проблемы первостепенное значение приобретает уточнение хронологии погребального комплекса, что в свою очередь возможно лишь при условии подробного изучения составляющих его отдельных категорий вещей.

ГЛАВА 1

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ

Среди предметов, обнаруженных в погребениях Морского Чудека, по функциональному значению можно выделить две группы изделий: украшения костюма – серьги, подвески, нагрудные цепи, кольца, перстни, браслеты – и украшения конской упряжи – сбруйные и уздечные фалары, ворворки, гвозди от обивки седла (?).

ПОГРЕБЕНИЕ 1 | Кат. 1–6 |

Серьги или височные подвески | Кат. 1. Табл. 1, 1, 2 |

Из погребения 1 происходит пара золотых серег в виде калачика с двумя проволочными петельками. С лицевой и оборотной сторон серьги украшены рядами зерни. Подобные находки встречаются достаточно редко и обнаружены исключительно среди древностей Северного Причерноморья. Так, например, в 1905 г. пара аналогичных серег была найдена местным жителем в юрте станицы Верхне-Курмоярская 2-го Войско-Донского округа. На одной из них сохранилась дужка, продетая сквозь петли, указывающая на способ ношения данного вида украшения (рис. 1, 1, 2; 2, 2). Серьги вместе с другими предметами – серебряной пряжкой и монетами VIII и XIV вв., найденными здесь же, были отправлены в Санкт-Петербург, в Институт археологии, откуда они поступили в Археологическую комиссию. Затем золотые серьги и серебряная пряжка были переданы на хранение в Эрмитаж, где находятся и по сей день (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 40/1905; ОАК за 1905 г. С. 101. Рис. 134, 135). Пряжка относится к одной из самых многочисленных серий подобных находок, бытовавших на всей территории Евразии с конца IV до середины V в. (рис. 1, 3). К сожалению, в архивных документах нет никаких данных, указывающих на условия находок перечисленных выше предметов. Поэтому такой важный для нас вопрос, были ли серьги и пряжка найдены вместе, остается без ответа. В то время как положительный ответ мог бы служить веским доказательством в определении даты погребения 1 Морского Чудека.

В этом же районе в 1892–1893 гг., у хутора Красноярский, близ станицы Верхне-Курмоярская, в размытой водой части холма или кургана была найдена, также случайно, еще одна пара серег в виде калачика, которые позднее, в 1902 г., была приобретена Донским музеем Новочеркаска (Попов. С. 143. Табл. XI, 6, 7). Кроме того, один экземпляр такого типа серег, происходящий из

Рис. 1. Серьги и пряжка из случайной находки у станицы Верхне-Курмовская, Ростовская область. 1-2 – пара золотых серег; 3 – сребряная пряжка

Поднепровья, находился в коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе (Мельник 1893. С. 96. Табл. 10, 281). И, наконец, аналогичная золотая серьга была найдена в 1980-х гг. в одном из погребений урочища Лисья Могила на Херсонщине. Как пишут авторы публикации, это было впускное погребение с конем, сопровождавшееся бронзовой поясной гарнитурой (Ратнер, Костюк 1989. С. 77, 78. Рис. на с. 77). Однако, что представляет собой бронзовая гарнитура, остается не ясным. Состоит ли она только из пряжки и наконечников пояса или из целого набора фигурных накладок? В публикации на этот счет нет никаких указаний, так же как нет и никакого иллюстративного материала, относящегося к гарнитуре. Таким образом, ни одна из находок серег-калачиков не дает основания для датировки этой категории украшений.

Следует, впрочем, заметить, что такого рода серьги никогда не встречаются ни в памятниках гуннской эпохи последней четверти IV – первой половины V в., ни в погребениях кочевников южнорусских степей и Подунавья (см. Засецкая 1994; Alfoldi 1932; Werner 1956; Anke 1998; Vona 2002), ни в европейских захоронениях горизонта Унтерзибенбрунн или периода D2 (380/400–440/450) по «варварской» хронологии (см. Tejral 1988; Tejral 1997). Этот вид серег, вероятно, появляется в постгуннское время и открывает новую серию украшений, которые получают дальнейшее развитие в ювелирных изделиях VI в. Подобное предположение было высказано еще И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым при описании колты из с. Кайбалы Самарской области (Толстой, Кондаков 1890. С. 144). При этом от своих прототипов колты отличаются более сложной конструкцией, сравнительно крупными размерами и, главным образом, декором, который становится значительно богаче и разнообразнее (рис. 2).

Золотые колты, или височные подвески, калачикообразной формы вроде кайбалинского состоят из двух полых половин, соединенных напаянной

фигурной лентой, вырезанной из золотого тонкого листа, образующей гнезда-ячейки для вставок. Обе части одинаковой конструкции украшены аналогичным орнаментом. В центре калачика имеется углубление, в котором расположено гнездо в виде лунницы, образованное двумя напаянными на ребро узкими полосками. Внутри гнездо разделено фигурными перегородками на ячейки для вставок. Выше лунницы, в углублении, еще одно или несколько отдельно напаянных гнезд. Остальная поверхность колтов с лицевой и оборотной сторон украшена декором из крупной и мелкой зерни в виде параллельно расположенных поясков, пирамидок, «подвесок» и треугольников, а также вставками альмадина и цветного стекла. Сверху колты имеют две высокие петли, согнутые из пластины, для подвешивания их к головному убору. Полое пространство внутри височных подвесок заполнено беловатосерой массой, служившей каркасом, сохраняющим форму изделия от помятости, а, кроме того, на массе закреплялись плоские вставки.

В настоящее время нам известно девять находок подобных колтов – височных подвесок. Некоторые из них происходят из погребений, другие были найдены случайно. Несмотря на то, что все эти изделия по своим конструктивным, технологическим и стилистическим свойствам несомненно относятся к одному типу украшений, они не абсолютно идентичны и различаются, прежде всего, в деталях декора и по размерам. По величине можно условно выделить три группы изделий: малые колты – 3,8 x 3,0 x 0,5; 4,2 x 3,2 x 0,5; средние – 6,4 x 4,5 x 0,7; 6,6 x 5,7 x 0,76; 7,3 x 5,5 x 1,0; большие – 9,5 x 8,8 x 2,1¹.

Малые колты представлены тремя экземплярами и происходят из случайных находок, обнаруженных в Керчи, Подонье и Прикубанье (Попов. Новочеркасск. С. 143. Табл. IX, 8, № 1895; Кондаков 1896. С. 200. Рис. 113; Синай, Византия, Русь 2000. С. 57. Кат. В-16). Они отличаются не только своими небольшими размерами, но и более простым орнаментом, иногда ограниченным лишь двумя рядами некрупной зерни. Судя по керченской находке, для них характерны боковые фигурные «ленты» в виде зигзагообразной линии (рис. 2, 3).

К средним колтам относятся четыре находки, для которых характерна более нарядная орнаментация из двух или трех рядов крупной зерни и расположенных между ними треугольников, пирамидок и фигурок, имитирующая подвески, выполненные из мелкой зерни. Кроме того, некоторые колты по краю украшены ободками из зерни или филигранной проволоки. Отличительными признаками средних колтов являются также наличие орнаментального мотива в виде петлеобразной «ленты», образующей боковые стороны изделия, и более сложная композиция фигурных гнезд-ячеек в центральном гнезде-луннице (рис. 2, 5). К ним относятся два колта из случайных находок, обнаруженных в Самарской и Симбирской губерниях, и два непарных колта из погребения у с. Михаэльсфельд (ныне с. Джигинское) около Анапы (Тол-

¹ Размеры колтов здесь и далее даны в сантиметрах в следующем порядке: высота, ширина и ширина боковой фигурно изогнутой пластины, соединяющей два полушария колтов.

стой, Кондаков 1890. С. 144. Рис. 174; 1897. С. 141, 142. Рис. 201; Кондаков 1896. С. 200–203. Рис. 115, 116, 118, 119; Синай, Византия, Русь 2000. С. 57. Кат. В-16).

Кроме того, пара колтов происходит из захоронения, обнаруженного в 1995 г. на бывшем античном поселении у с. Новопокровка, в Восточном Крыму (рис. 3, 3, 4). Эти колты – как по размерам (5,5 x 4,4 x 0,7), так и по элементам орнамента – занимают промежуточное положение между малыми и средними изделиями. Например, зигзагообразный орнамент на боковых сторонах сближает их с малыми колтами, в то же время декор на лицевой и оборотной сторонах аналогичен средним колтам (рис. 2, 4) (Гаврилов 1996. С. 111–113. Рис. 2, 3, 4; Айбабин 2003. С. 56. Табл. 29, 16, 17).

И, наконец, большие колты представлены двумя непарными изделиями, найденными в женском погребении, обнаруженном при строительных работах в центре г. Уфы. Они отличаются не только большими размерами (9,5 x 8,8 x 2,0), но и некоторыми признаками конструктивного и орнаментального характера, а также формой. Малые и средние колты состоят из двух выпуклых, одинаковых с обеих сторон половин, уфимские же экземпляры представляют собой, как отмечает автор публикации, овальную коробочку (Ахмеров 1951. С. 126–128. Рис. 36, 1–3). При этом лицевая сторона колтов богато декорирована орнаментами из крупной и мелкой зерни или филигранной проволоки, оборотная же – гладкая и украшена только двумя рядами крупной зерни. Также отличается своеобразием боковая полоса, состоящая из спаянных между собой колесообразных кружков диаметром 2,0 см (рис. 2, 6).

Все указанные выше специфические особенности рассматриваемых нами колтов, а также даты некоторых комплексов, из которых происходят украшения, позволяют проследить их развитие во времени.

Остановимся сначала на находке из погребального комплекса у с. Новопокровка. Погребение не было ограблено, и потому все вещи лежали на месте нетронутыми, в том числе и золотые колты, которые находились справа и слева от шейных позвонков погребенной (рис. 3, А, 3, 4). Благодаря этому здесь впервые сохранилась главная деталь застежки, представляющая собой серебряный стержень с круглой шляпкой, продетый сквозь петли височных подвесок. Кроме колтов в этом захоронении были найдены круглая бляха из бронзовой пластины, обтянутая золотым листом и украшенная вставками альмандина и ободком-«плетенкой» (судя по положению на костяке, имитация броши) (рис. 3, 7), зеркало из беловатого сплава (рис. 3, 5), бронзовый пинцет (рис. 3, 6), три небольших янтарных бусины (рис. 3, 8), железный нож и фрагменты железной иглы или шила (рис. 3, 1, 2). А. В. Гаврилов, автор публикации этого комплекса, датирует его VII в., не приводя фактически никаких доказательств. Такой же точки зрения придерживается и А. И. Айбабин, опираясь на аналогичные находки из погребений у с. Михаэльсфельд и г. Уфа, которые он безоговорочно относит к VII в. (Айбабин 2003. С. 56. Табл. 29, 16, 17). При этом А. И. Айбабин рассматривает комплекс из Новопокровки как хазарское погребение (Aibabin 1999. S. 151, 152. Abb. 170). По мнению С. А. Плетневой,

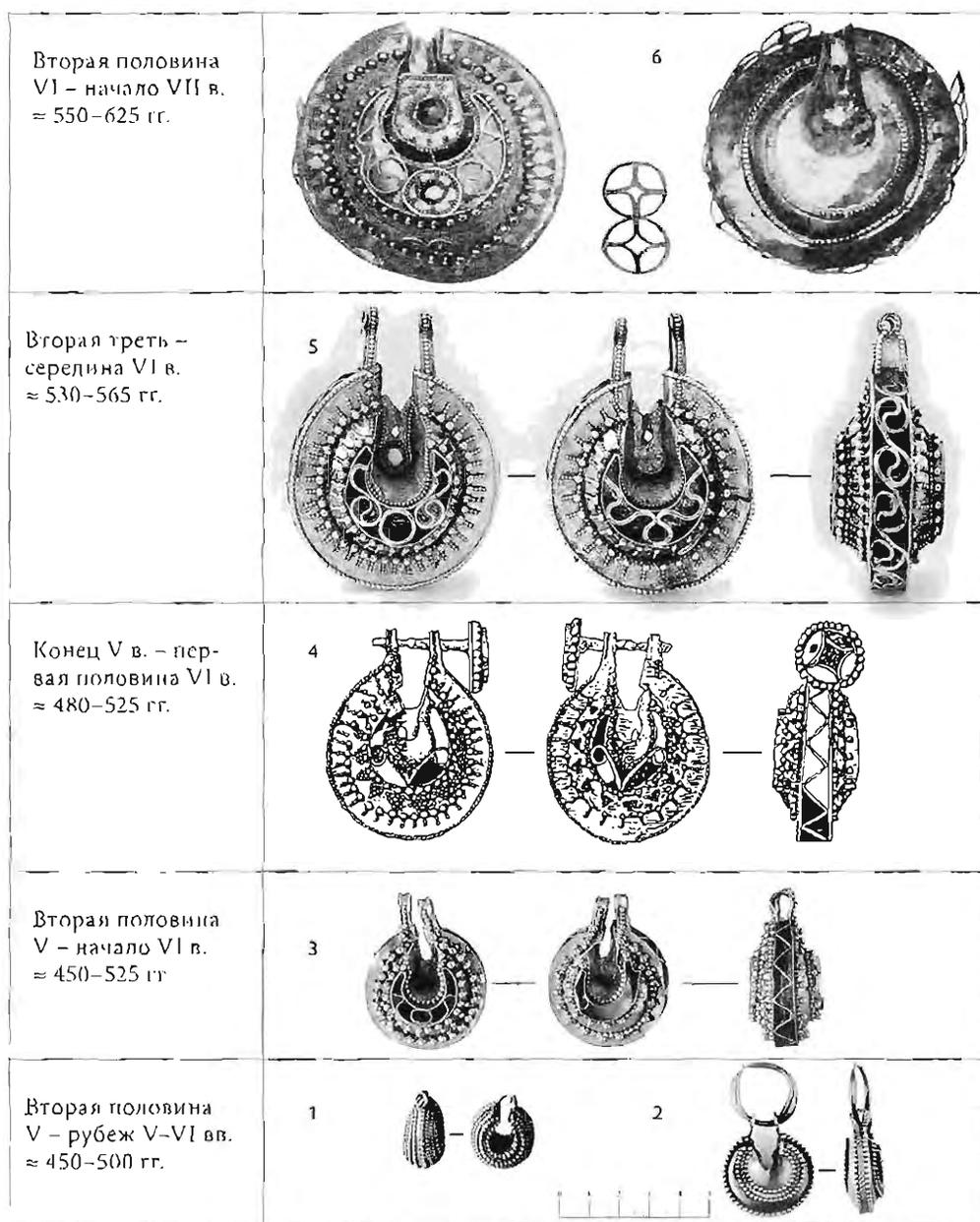

Рис. 2. Золотые колты – эволюция и хронология

1 – серьги из погребения 1, Морской Чулек; 2 – серьги из случайной находки у станции Верхне-Курмолрская, Ростовская область; 3 – «малый» колт из Керчи, точное место находки неизвестно; 4 – колт от пары из погребения у с. Новопокровка, Восточный Крым; 5 – «средний» колт из разрушенного погребения у с. Михайльсфельд, Северо-Восточное Причерноморье; 6 – «большой» колт из погребения в Уфе

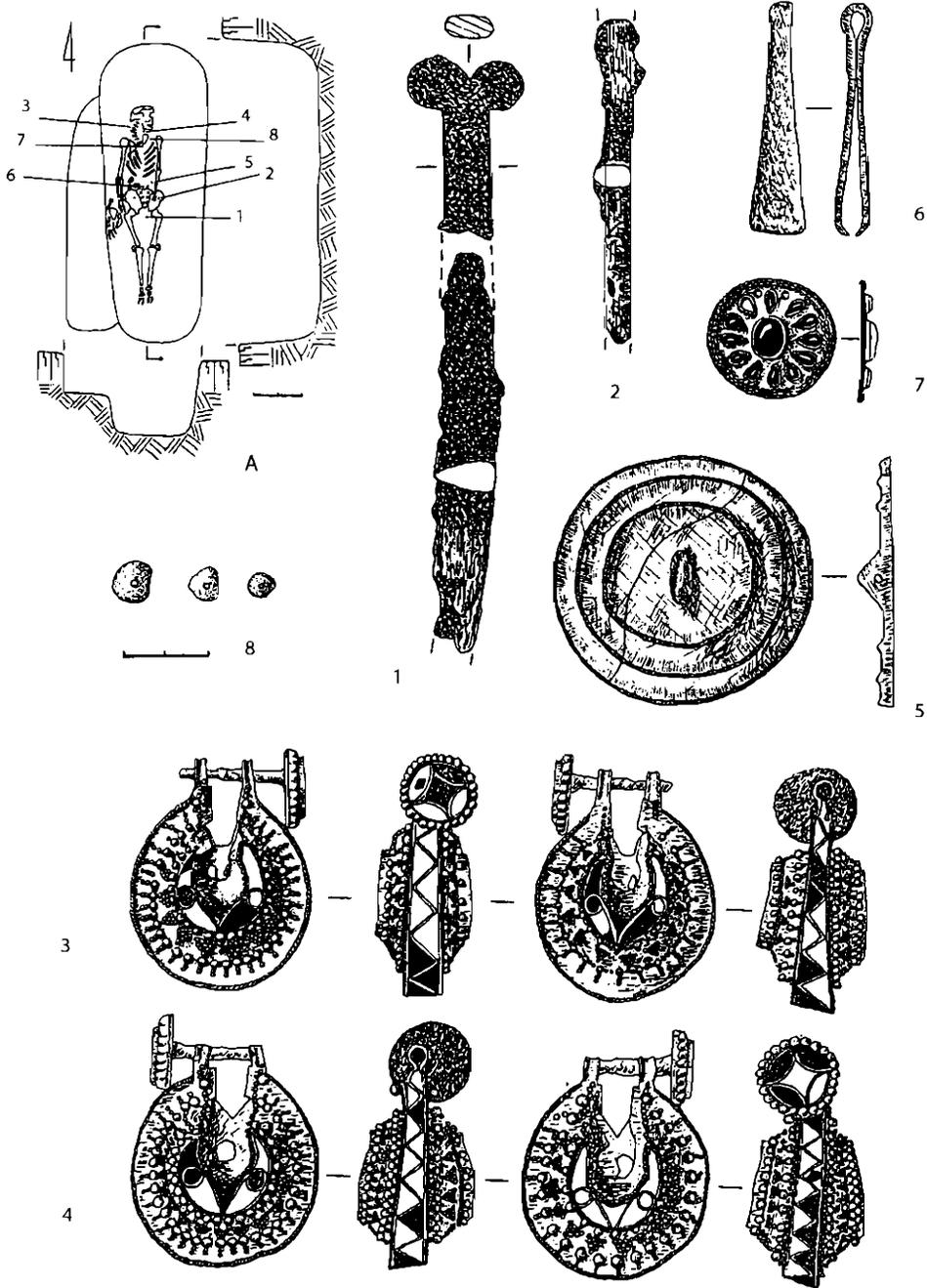

Рис. 3. Находки из погребения у с. Новопокровка, Восточный Крым

А - план погребения; 1 - железный нож; 2 - железный предмет; 3-4 - золотые колты; 5 - зеркало из «белого сплава»; 6 - бронзовые щипчики; 7 - бронзовая, обтянутая золотым листком бляшка со вставками граната; 8 - янтарные бусины (по Гаврилову 1996. Рис. 2)

Новопокровка представляет собой, скорее, болгарское погребение хазарского времени (Плетнева 2003. С. 32).

Вместе с тем, можно с полной уверенностью сказать, что в данном погребении нет ни одной вещи, достоверно относящейся именно к VII в. И, напротив, найденные здесь предметы – круглая бляха, зеркало и пинцет – характерны для памятников V–VI вв., что, кстати, отмечает и сам автор упомянутой первой публикации.

Например, круглые бляхи, подобные находке из Новопокровки (рис. 3, 7), в основном происходят из памятников конца IV – V вв., преимущественно расположенных на территории Северного Кавказа (Уварова 1900. С. 236. Табл. CI, 4, 5; Засецкая 1975. С. 52. Кат. 33; Охонько, Отюцкий 1982. Рис. 1, 5; Абрамова 1997. Рис. 57, 4, 5, 10, 12; 75, 17–19, 22; Казанский, Мастыкова 1998. Рис. 7, 5; Gercen, Maczynska 2000, Abb. 9, 3, 4; 12, 1–4; Айбабин 2001. Рис. 6, 3).

Не меньшее значение для датировки новопокровского комплекса имеет находка бронзового зеркала (рис. 3, 5), которое относится к многочисленной группе зеркал, характеризующихся наличием на оборотной стороне петельки-ушка в центре и расположенного вокруг нее рельефного геометрического орнамента в виде концентрических кругов, радиально расходящихся и пересекающихся линий, зигзагообразных и звездообразных узоров и т.д.

Такого рода зеркала появляются еще во II–III вв. в памятниках позднесарматской культуры – тип X по классификации А. М. Хазанова (Хазанов 1963. Рис. 1). Ареал их очень широк – Нижнее Поволжье, Подонье, Северное Причерноморье, Прикубанье, Средняя Азия, а позднее, в IV–V вв. и Центральная Европа (Скрипкин 1990. С. 148, 149; Werner 1956. S. 19–24, Taf. 44, 8, 10; 45, 1–8). Продолжают они бытовать и далее, вплоть до XIII в.

Однако, несмотря на общность этих изделий, на определенном этапе их существования с учетом регионов распространения они различаются особыми, специфическими признаками, главным образом, декоративным оформлением, но также и размерами, и материалом. Их размеры варьируются в пределах 5–10 см в диаметре, в качестве материала используются бронза и так называемый «белый металл», который, как показала техническая экспертиза, является высокохудожественной оловянистой бронзой². Все зеркала исполнены в технике литья.

Исследования отдельных аналогичных или синхронных между собой серий зеркал позволяют увидеть существенные отличия, прежде всего, в орнаменте, отражающие как культурные местные традиции, так и временную принадлежность изделий.

В частности, интересные наблюдения в этом отношении можно сделать и по зеркалам подобным новопокровскому, для которых характерным признаком является наличие орнамента из трех равно расположенных концентри-

² Экспертиза проведена старшим научным сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным. Пользуемся случаем поблагодарить С. В. Хаврина за помощь в изучении древних зеркал.

ческих кругов (рис. 4, 1). Поиски прямых аналогий показывают, что зеркала такого вида, в основном, бытуют в пределах гуннской и постгуннской эпохи (конец IV – середина VI в.) и происходят, главным образом, из памятников Боспора и его ближайшей периферии, а также Тамани, Нижнего Подонья и Северо-Восточного Причерноморья. Всего нами учтено 34 экземпляра, происходящих из 17 памятников (табл. 1, 3–22). Наибольшее число подобных зеркал обнаружено в погребениях могильника Дюрсо – 8 экземпляров. Возможно, к этому же времени относятся несколько находок, встреченных в Тананисе, которые, как отмечает Т. Н. Книпович, были найдены в разграбленных

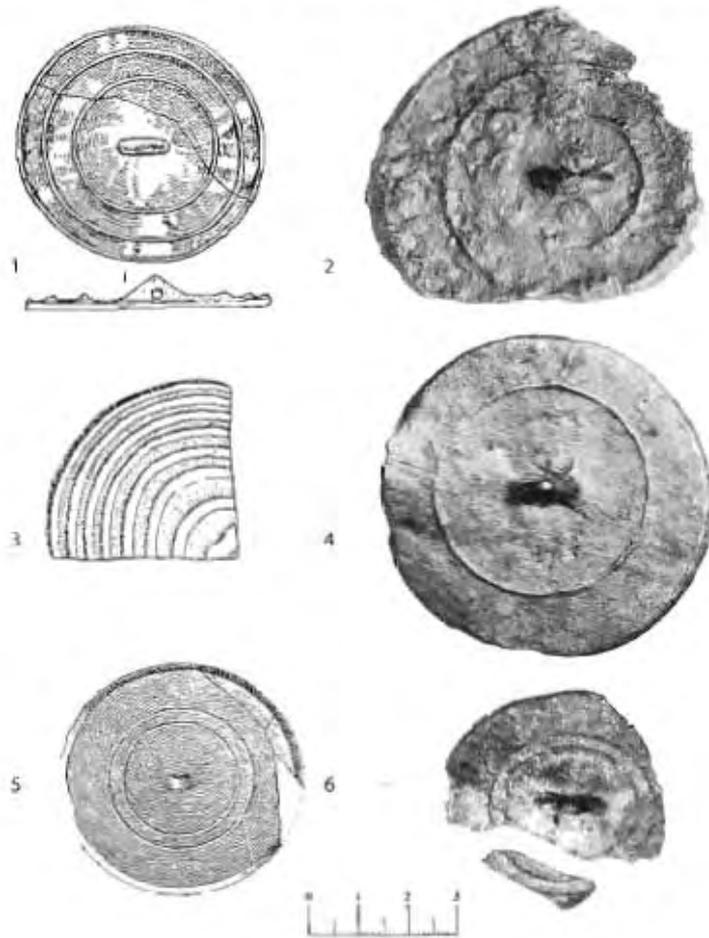

Рис. 4. Зеркала с орнаментом из концентрических кругов

1 – зеркало из погребения у с. Новопокровка, Восточный Крым (по Гаврилову 1996); 2 – зеркала из погребения у с. Михаэльсфельд, Северо-Восточное Причерноморье; 3 – фрагмент зеркала из погребения 57 некрополя Сан-Сюльпис, Швейцария (по Werner 1956); 4 – зеркало из погребения 14 Борисовского могильника, Северо-Восточное Причерноморье; 5–6 – зеркало из могилы 91 Суук-Су, Крым (5 по Реликову 1906, Рис. 68)

могилах не античной эпохи, а, скорее всего, относящихся к раннему средневековью (Книпович 1949. Рис. 15 а). Наконец, к V–VI вв. отнесены и находки таких зеркал вне комплексов у аула Таухабль и на Ново-Вочнпшийском могильнике в Среднем Закубанье (Носкова 2002. С. 173, 175. Рис. 3, 9; 7, 3). Однако мы были бы не точны, если бы не упомянули о находках подобных зеркал в ряде комплексов другого времени. Три происходят из двух погребений Северного Кавказа, которые датируются авторами публикаций III в. (табл. 1, 1, 2), еще десять найдены в восьми памятниках Северного Кавказа, Нижнего Подонья, Северного Донца, относящихся к VIII–IX вв. (табл. 1, 23–30).

Таким образом, приведенная таблица зеркал, список которых может увеличиться в будущем, тем не менее, подтвердила определенную закономерность, показав, что зеркала с тремя рельефными кружками распространяются неравномерно как во времени, так и в пространстве. Появившись еще в III в. в комплексах Северного Кавказа, они становятся господствующей формой для V – середины VI в. и сосредотачиваются в основном в Северном и Северо-Восточном Причерноморье. Затем они вновь возрождаются в салтово-маяцкой и хазарской культурах VIII–IX вв. (табл. 1, 23–30).

Несомненно, зеркало из погребения у с. Новопокровка относится к основной группе зеркал V – середины VI в., а не к III и не к VIII–IX вв. В данном случае его датировка не противоречит всему комплексу находок в погребении.

Вместе с тем, в раннесредневековых погребениях Северного Кавказа второй половины VI–VII вв. наряду с зеркалами, орнаментированными разнообразными сложными композициями геометрического стиля (Ковалевская 1981. Рис. 62), имеется небольшая группа зеркал с простейшим орнаментом в виде двух концентрических кругов. Их можно рассматривать как один из вариантов зеркал новопокровского типа. От последних они отличаются наличием не трех, а двух концентрических кругов, сильно скошенными краями и покрытием бронзовой основы слоем белого металлического сплава³ (рис. 4, 4). Такие зеркала найдены, в частности, в погребениях Борисовского и Агойского могильников, расположенных на Северо-Восточном побережье Черного моря (Миллер 1909. Рис. 22, 8; Саханев 1914. Табл. 2, 5; Гавритухин, Пьянков 2003. С. 193–195). Отдельные экземпляры этих зеркал, также как и зеркала с тремя кругами, встречаются в упомянутых выше памятниках VIII–IX вв. (Niezabitowska 2004, Nrn. 1, 3, 6, 18, 19).

Что же касается проникновения зеркал с тремя или двумя кружками на Запад, то они там представлены единичными находками и происходят из комплексов второй половины V в. И. Вернер в своей монографии, посвященной памятникам эпохи правления гуннского вождя Аттилы, один из параграфов

³ Зеркала из Борисовского могильника (инв. № ГЭ 1108/122, 187), как показала экспертиза, отлиты из оловянистой бронзы. Количество олова в сплаве составляет более 20%. Другим легирующим элементом сплава является свинец, его содержание в зеркалах составляет 4–8%. На поверхности количество олова значительно выше – 30%. Анализ сделан старшим научным сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным.

посвятил исследованию зеркал с петелькой на оборотной стороне, рассматривая их как один из элементов восточной кочевнической культуры. Основываясь на различии орнаментальных мотивов, он выделяет несколько типов зеркал, в том числе и так называемый тип Карповка – Сан-Сюльпис (с. Карповка, или аул Агойский). В этот тип И. Вернер включил зеркала V–VI вв. с рельефными концентрическими кругами независимо от их количества. Из западных находок им были учтены только два экземпляра: один из гепидского захоронения на Дунае, второй из погребения 57 бургундского некрополя Сан-Сюльпис в Швейцарии (Werner 1956. S.118, Nrn 15, 16; Marti 1991, Taf. 15, 7).

Позднее в фундаментальной работе о культуре кочевников IV–V вв. Б. Анке вновь обращается к рассмотрению зеркал с петелькой на оборотной стороне и выделяет отдельные типологические группы, также опираясь на специфику орнамента. Зеркала с рельефными кругами объединены в тип IV и представлены пятью экземплярами. При этом автор, как и И. Вернер, не делает различия между зеркалами с разным количеством кругов (Anke 1998. Taf. 11, 12, 15, 16). В то время как, например, три зеркала, воспроизведенные на таблице 11, могут рассматриваться как самостоятельные варианты одного типа изделий. Судя по рисункам, одно из них имеет два кружка, другое четыре и у третьего вся поверхность покрыта рельефными концентрическими валиками. Последнее происходит из уже упомянутого швейцарского некрополя Сан-Сюльпис и не может служить прямой аналогией для исследуемых нами зеркал (рис. 4, 3).

Таблица 1

Список зеркал с тремя концентрическими кругами на оборотной стороне

№ п/п	Место находки	Кол-во	Материал	Датировка	Публикация
1 +	с. Кобань, погребение 3. Северный Кавказ	1	Бронза	III в.	Абрамова 1974. Рис. 9, 1
2 +	Некрополь Дербент (Нарын-Кола), погребения 2 и 3. Северный Кавказ	2	Бронза	III в.	Кудрявцев, Гаджиев 1991. Рис. 5, 1; 9, 70
3 +	Боспорский некрополь, склеп 165. Керчь	1	Бронза	Конец IV – середина V в.	Засацкая 1993. Табл. 54, 297
4 +	с. Заморское, погребение 22. Южное Приазовье	1	Бронза	Конец IV – начало V в.	Корпусова 1973. Рис. 4, 22

5 +	Совхоз 10 (Севастопольский), склеп 8, погребение 1. Крым	1	Бронза	Конец IV – первая половина V в.	Высотская 1998. Рис. 5, 25
6 +	с. Старожилово, склеп 5/5. Крымское Приазовье	1	Бронза	V – первая треть VI в.	Масленников 1997. Рис. 12, 13
7 +	Сиреневая бухта, склеп 15/3. Крымское Приазовье	1	Бронза	V – вторая треть VI в.	Масленников 1997. Рис. 33, 3
8 +	Сиреневая бухта, склеп 13/1. Крымское Приазовье	1	Бронза	Первая половина – середина V в.	Масленников 1997. Рис. 29, 9
9 +	Боспорский некрополь, склеп 78, погребения 4 и 9. Керчь.	3	Бронза	Вторая половина V – первая треть VI в.	Засецкая 1998. Табл. 14, 7,8; 16, 13
10 +	с. Новопокровка, погребение. Восточный Крым	1	«Белый сплав»	Вторая половина V – первая половина VI в.	Гаврилов 1996. Рис. 2, 5
11 +	Фанагория, могила 94. Тамань	1	Бронза	Вторая половина V в.	Блаватский 1951. Рис. 9, 7; Паромов 2003. Табл. 64, 27
12 +	Дюрсо, погребения: 259, 298, 300, 306, 410, 483, 500, 516. Северо-Восточное Причерноморье	8	Бронза	Вторая половина V – первая треть VI в.	Дмитриев 1982. С. 81. Рис. 6, 26, 47; 8, 8; 9, 14, 37; Казанский 2001. Рис. 2, 16; 5, 27; 6, 22, 30; 7, 16; 9, 13, 28
13 +	Михаэльсфельд (Джигинское), погребение. Северо-Восточное Причерноморье	1	Бронза	Вторая треть – середина VI в.	Гавритухин, Пьянков 2003. Табл. 73, 36
14	Фанагория, погребения 62 и 72. 1978. Тамань	1	Бронза	Гуннская эпоха	По информации И. Гавритухина

15 +	Мушино, Верхний Дон	1	Бронза	Вторая четверть V в.	Земцов 2003. Рис. 212
16 +	Терны, могила. Нижний Дон	1	Бронза	V в.	Гудименко 1990. Рис.1, 6
17 +	Ильичевское городище. Тамань	1	Бронза	V – середина VI в.	Гавритухин, Паромов 2003. Табл. 61, 61
18 +	Могильник в урочище Сопино, погребения 3 и 11. Черноморское побережье Кавказа	2	Бронза	V–VI вв.	Анфимов 1980. Рис. 13, 2; Niezabitowska 2004. Nr. 30
19 +	Бжид 1, погребение 57. Краснодарский край	1	«Белый сплав»	Последняя треть V – начало VI в.	Пьянков 2002. Рис. 3, 1
20 +	Пашковский могильник, погребения 1.1949, 5.1949. Краснодарский край	2	Бронза	V–VI вв.	Смирнов 1951. Рис. 50 б, 10; Амброз 1989. Рис. 21, 6; Niezabitowska 2004. Nr. 25.
21 +	Мешоко, погребения 5 и 7/р.III и 3/р.V. Адыгея, Северный Кавказ	3	«Белый сплав»	V–VI вв.	Дитлер 1995. С. 144–145, 151, 191–193. Табл. 32, 1, 3
22	Скалистое погребение 413. Южный Крым	1	Бронза	Вторая половина V – первая половина VI в.	Веймарн, Айбабин 1993. Рис. 68, 10
23	Дмитриевский могильник, погребения 86, 87, 154. Северский Донец	3	Бронза	VIII–IX вв.	Плетнева 1989. Рис. 51
24	Саркел. Нижний Дон	1	Бронза	IX–X вв.	Артамонова, Плетнева 1997. Рис. 25, 2487; Niezabitowska 2004, Nr. 27
25	Зеленчук, Церковная гора. Северный Кавказ	1	Бронза	VIII–IX вв.	Niezabitowska 2004, Nr. 2

26	Кривая 2, погребение 7. Северный Кавказ	1	Бронза	VIII–IX вв.	Niezabitowska 2004, № 18
27	Могильник Эшканон, погребение 5. Карачаево-Черкессия	1	Бронза	Конец VII – IX вв.	Рунич 1975. Рис. 4, 16; Niezabitowska 2004, № 7
28 +	Мокрая Балка, катакомба 101. Северный Кавказ	1	Бронза	Первая поло- вина VIII в.	Афанасьев, Рунич 2001. Рис. 112, 4
29	Больше-Тарханский могильник. Среднее Поволжье	1	Бронза	VIII–IX вв.	Плетнева 1980. Рис. 52, 55
30	Маяцкое, катакомба 1. Воронежская область	1	Бронза	IX в.	Винников, Афана- сьев 1991. Рис. 38, 17

Таким образом, возвращаясь к вопросу о датировке погребального комплекса из Новопокровки, мы можем сделать следующий вывод. Судя по находкам там круглой бляхи конца IV – V вв., зеркала, типичного для V – середины VI в., и золотых колтов постгуннского времени, дата комплекса в целом определяется, скорее всего, в пределах последней четверти V – первой половины VI в.

Два других непарных колта были найдены в разрушенном погребении у с. Михаэльсфельд (Съкровице на хан Кубрат 1989. Кат. 33, 34) (рис. 5). От предыдущих экземпляров они отличаются большим размером и орнаментальными мотивами (рис. 2, 5). Из этого же погребения происходит золотая нагрудная цепь, в замковую часть которой вставлен золотой солид императоров Юстина I и Юстиниана I 526–527 гг. (Кондаков 1896. С. 195. Рис. 106; Искусство Византии 1977, I. Кат. 159; Съкровице на хан Кубрат 1989. Кат. 36; Синай, Византия, Русь 2000. С. 58. Кат. В-18) (рис. 12, 1, 2). Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о том, что данное украшение не могло быть изготовлено ранее указанной даты, но с другой – позволяет предположить, что цепь, тем не менее, была сделана в эпоху царствования Юстиниана I (527–565). На это же косвенно указывает и то обстоятельство, что украшение, несомненно византийской работы, было найдено в могиле представительницы местной варварской знати. Эпоха царствования императора Юстиниана ознаменована достаточно тесными связями Византии с варварами, населяв-

Рис. 5. Золотые колты из погребения у с. Михаэльсфельд, Северо-Восточное Причерноморье

шими степи Северного Причерноморья и Прикубанья, которые часто выступали на стороне византийской армии в войне Византии с Ираном. Общеизвестна история гуннского князя Грода, византийского союзника, перешедшего в христианство в 528 г., то есть ставшего вассалом Империи (Артамонов 1962. С. 89–91). Его орда локализовалась где-то на границах Боспора Киммерийского, скорее всего на его восточном рубеже (Артамонов 1962. С. 91), то есть там, где была найдена могила в Михаэльсфельде. Примерно в это же время, в 527 г., в союз с Византией вступает могущественная царица северокавказских савиров Боарикс (Артамонов 1962. С. 71).

Золотые цепи как один из символов высокого социального статуса входили в число императорских даров (см. гл. 3). Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем дело с подобным явлением. Разумеется, византийские вещи попадали к кочевникам и позже, например в VII в., но они имели совсем другой облик, как показывают известные находки из Перещепина, Келегеев, Вознесенки и т. д. Подобные вещи не представлены ни в новопокровской, ни в михаэльсфельдской находках.

Наличие в погребении у Михаэльсфельда украшения, датировка которого вряд ли может быть отнесена ко времени позднее середины VI в., позволяет предположить, что захоронение могло произойти и в середине, и во второй трети VI в. Не противоречит этому и находка бронзового зеркала, аналогичного зеркалу из Новопокровского комплекса (рис. 4, 2). Таким образом, найденные в Михаэльсфельде колты – височные подвески, с учетом того, что они какое-то время до погребения носились в качестве украшения костюма, также, скорее всего, должны датироваться серединой VI в. На это же указывают и некоторые элементы орнамента, в частности – кружок с вихревой линией и петлеобразная «лента», отмеченные на кинжале середины VI в. из Керим-ло в Южной Корее (Zaseckaja 1993. P. 439; Anazawa, Manome 1980. P. 275)

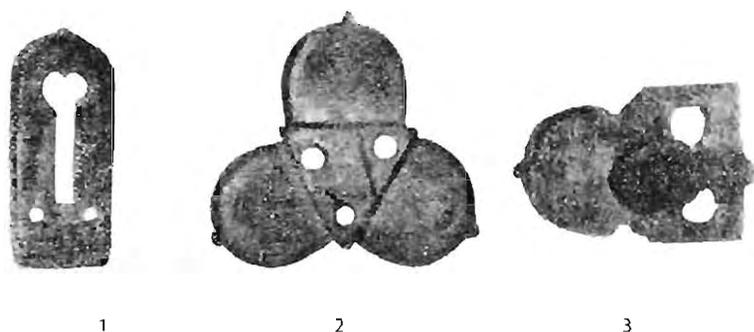

Рис. 6. Бронзовые накладки от пояса из погребения в Уфе
1 – наконечник; 2 – фигурная накладка; 3 – пряжка (по Ахмерову 1951)

Последний комплекс связан с находкой «больших» колтов из женского погребения в Уфе. Они, хотя и относятся к данному типу украшений, однако, как уже отмечалось выше, резко отличаются от остальных подобных изделий (рис. 2, б). Представляется, что такое отличие связано не только с возможно другим центром производства уфимских колтов, но и с иным временем их бытования, что и подтверждает дата захоронения. Здесь, среди погребального инвентаря, были обнаружены фигурные накладки ременной гарнитуры так называемого геральдического стиля: три экземпляра фигурных накладок в виде треугольника со щитовидными бляшками, расположенными по трем сторонам, в центре три отверстия, на оборотной стороне имеются штифты; две бляшки в виде полуовала с четырьмя отверстиями и со штифтами; два наконечника прямоугольной формы с одним округлым концом с двумя круглыми отверстиями и продольной фигурной прорезью. Все предметы отлиты из бронзы. Входящие в состав поясного набора две пряжки с неподвижной прямоугольной рамкой и щитовидным основанием также отлиты из бронзы, но имеют железные язычки (рис. 6).

Поясные наборы из геральдических накладок и пряжек были широко распространены по всей территории Евразии и встречены в памятниках разной этнокультурной принадлежности. Они, представляя однородную группу вещей, различаются как по составу набора в целом, так и по морфологическим и стилистическим признакам отдельных форм. К сожалению, в археологии раннего средневековья до сих пор отсутствует обобщенная типологическая классификация поясной гарнитуры, которая позволила бы выделить не только основные типы наборов в целом, но и проследить изменения их отдельных элементов, а также выделить локальные варианты и уточнить относительную и по возможности абсолютную хронологию. Только тогда наличие поясной гарнитуры станет надежным критерием для датировки комплекса, из которого она происходит. В настоящее же время исследователи, как пра-

вило, датируют поясные наборы серединой VI – VII вв., не разделяя их на более узкие периоды⁴.

Вместе с тем, например, можно отметить целый ряд находок геральдических бляшек, которые определенно относятся к юстиниановскому времени и встречены в памятниках от Верхнего Рейна до Кавказа. В качестве таких опорных хронологических индикаторов могут служить находки из погребения 33 в Базель-Бернеппинг с монетой Тотилы (541–553) (Moosbrugger-Leu 1982. Abb. 36, 16), мужского погребения 56 из Суук-Су в Крыму с монетой Юстиниана I (527–565) (Репников 1906. С. 16. Табл. 5, 15–17, 19); из слоя, предшествующего пожару 550–551 гг. в Цибилуме (Воронов, Багжба 1985. Рис. 97, 15; 113, 51), а также из захоронения 132 византийского некрополя Каллатис, в котором была найдена монета Юстиниана I 538–545 гг. (Preda 1980. Pl. 34, 1–3). К ним примыкает и находка поясного набора из боспорского склепа 180, который датируется второй половиной VI – началом VII в. (Засецкая 1998. С. 433; 2003. С. 39). Эти данные определенно указывают, что геральдические поясные наборы (в европейской литературе их принято называть многочастными) были уже широко известны в середине VI в. При этом в их возникновении и распространении, в свете исследований последних лет, особенно важной представляется роль Византии (Balint 2000; Schmauder 2000).

Найденные в уфимском погребении бронзовые накладки находят себе близкие аналогии среди бляшек из некоторых названных выше комплексов. Однако, учитывая, что подобные накладки продолжают встречаться и в более поздних памятниках второй половины VI – первой половины VII в., время захоронения уфимского комплекса может быть определено в этих же более широких пределах. Что же касается датировки уфимских колтов, то, отталкиваясь от даты аналогичных изделий из Михаэльсфельда, которые типологически предшествуют уфимским находкам, время бытования последних следует, видимо, относить ко второй половине VI – началу или первой половине VII в.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы получили эволюционный ряд подобного рода украшений, которые бытовали с конца V в. и до начала VII в., претерпевая в течение этого времени определенные изменения:

– Малые колты, типологически наиболее ранние, однако они не могут быть точно датированы, т. к. ни один из них не происходит из закрытого комплекса. Но поскольку они предшествуют новопокровским, которые, занимая

⁴ Отметим также, что в некоторых случаях предложенные датировки для гарнитур геральдического стиля, основанные на их типологической эволюции, требуют более серьезного обоснования. Сейчас выясняется, что, например, бляшки, близкие по форме так называемым «агафоновским» 3-го и 4-го этапов, датированным А. К. Амброзом второй половиной VIII в. (Амброз 1973. Рис. 1), существовали уже в последней трети VI в. Об этом свидетельствуют находки формочек для их изготовления в контексте третьего слоя Царичен-Града, формирование которого, судя по монетам, было особенно интенсивным после середины 570-х гг., в эпоху Юстина II – Маврикия (Bavant 1990. P. 220. Pl. 38, 208–210). Это подтверждает мнение Б. Маршака, высказанное еще в 1970-х гг., что эволюционные ряды бляшек геральдического стиля отражают не только их хронологию, но и традиции разных мастерских.

промежуточное положение между малыми и средними экземплярами, датируются последней четвертью V – первой половиной VI в., их предположительно можно отнести ко второй половине V – началу VI в.

– Средние колты, по находке в Михаэльсфельде, с наибольшей вероятностью могут быть датированы юстиниановским временем, т. е. серединой – второй третью VI в.

– Наконец, наиболее поздние, большие колты, по находке в уфимском погребении, видимо, могут быть отнесены ко второй половине VI – началу или первой половине VII в.

Если предположить, что серьги в виде калачика, подобные находкам из погребения 1 Морского Чулука, были исходной формой для колтов, то тогда датировку приазовских серег следует ограничить второй половиной – концом V в. (рис. 2).

Цепь – нагрудное украшение | Кат. 3. Табл. I, 4 |

Найденная в погребении 1 золотая цепь состояла из трех кусков, которые были соединены между собой еще в древности. При этом один из фрагментов происходит от цепи другого вида «плетения». Надетые на концы прямоугольные наконечники согнуты из золотого листа и скреплены штифтом, верхние отверстия закрыты золотыми пластинками, к которым припаяны проволочные петельки для крепления застежки.

Золотые цепи как нагрудные украшения известны с давних времен. Замечательные образцы античного ювелирного искусства V–III вв. до н. э. широко представлены в памятниках Древней Греции, Сирии, Египта, а также Северного Причерноморья (Marshall 1911; Hoffmann, Davidson 1965; Greek Gold Jewelry 1994; Art of the Greek Goldsmiths 1998). Этот вид украшения продолжал бытовать в эллинистическое и в римское время II в. до н. э. – III в. н. э., в основном в Средиземноморье и Причерноморье (Апакидзе и др. 1958. С. 27. Табл. 9; Немсадзе 1977. С. 109. Рис. 1; Рамишвили 1977. С. 118. Рис. 5, 2; Marshall 1911; Higgins 1961; Hoffmann, Davidson 1965; Ruxer, Kubczak 1972; Jewelry: Ancient to Modern 1979. Cat. 286, 287, 312–318, 326; Higgins 1980; Davidson and Oliver 1984; Treister 1997–1998. Fig. 1–4, 6–8). Золотые цепи украшали также костюм европейской знати в эпоху переселения народов конца IV – V вв. (Мацулевич 1934. Рис. 13; Джерджети 1988. С. 33. Рис. 10; Засецкая 1993. Табл. 22, 76; Засецкая 1994. Табл. 32, 13; Казанский 1997. С. 184; L'Or des princes barbares 2000. Cat. 9, 5, 6; 12, 2; 13, 3; 32, 1). Подобные ювелирные изделия были не менее популярны и в раннее средневековье VI–VII вв., встречаясь как на Западе, так и на Востоке (Ross 1965. Pl. 2. P. 15, 17, 29, 79, 92; Diatrita 1999. Fig. 2a, 62, 237, 239, 343; Синай, Византия, Русь 2000. Кат. В-13, б, е; В-18).

Как правило, цепи имели дополнительные украшения в виде разного рода декоративных подвесок и кулонов со вставками полудрагоценных камней или медальонов с портретами римских и византийских императоров. Для византийской эпохи характерными становятся подвески с изображением креста

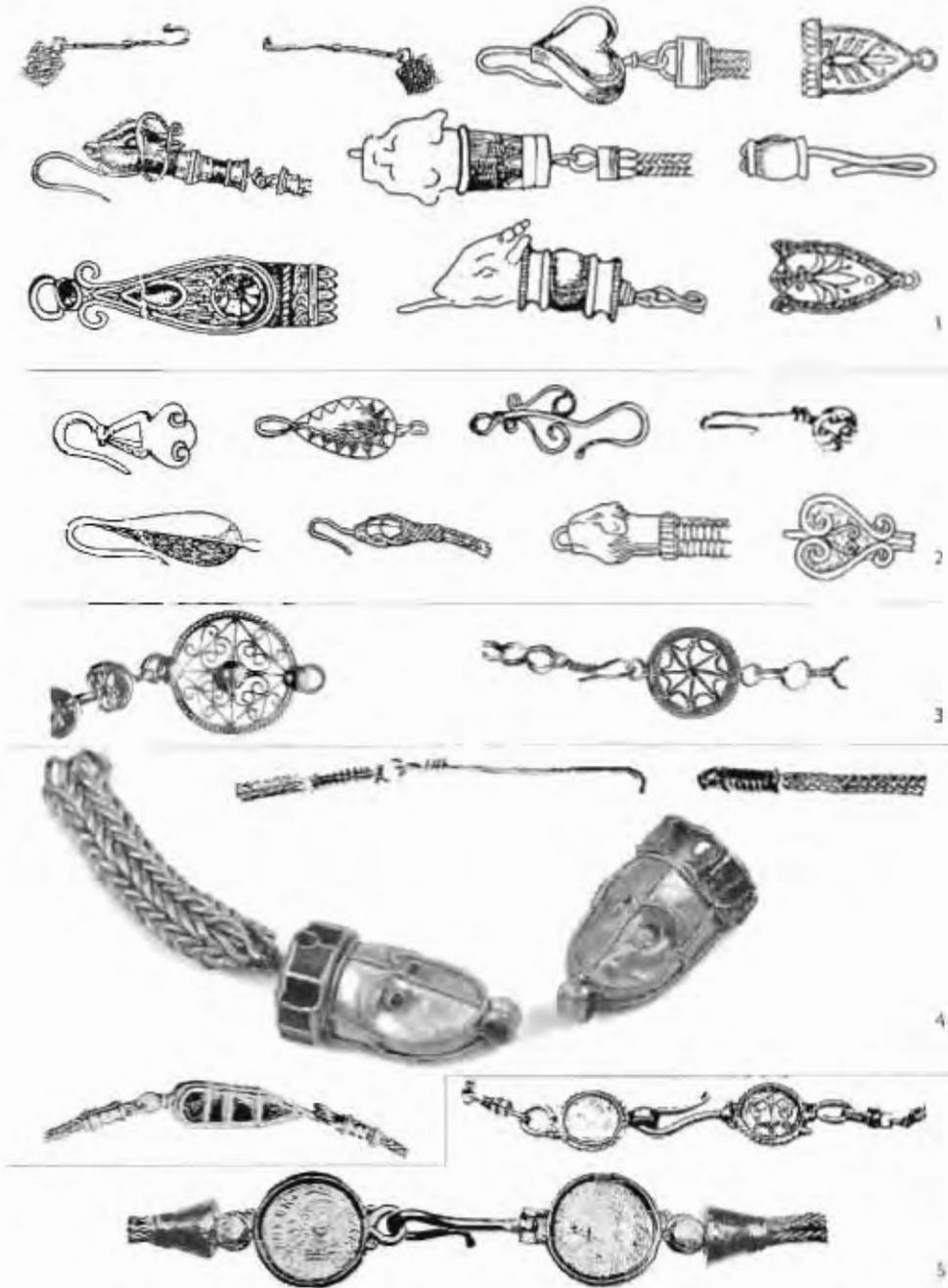

Рис. 7. Виды застежек цепей разных эпох

1 – застежки эллинистической эпохи IV–II вв. до н. э.; 2 – застежки римской эпохи I в. до н. э. – II в. н. э.; 3 – застежки позднеримской эпохи; 4 – застежки IV–V вв.; 5 – застежки конца V – начала VII в. (1–2 по Ruxer, Kubczak 1972)

или в форме самого креста. Концы цепей завершаются золотыми полыми наконечниками чаще всего прямоугольной или цилиндрической формы, реже округлой и конической, которые в свою очередь заканчиваются напаянными проволочными петельками, служившими для прикрепления основной части застежки, представленной разнообразными формами (рис. 7).

Простейшего вида застежки состояли из проволочного крючка и петли. При этом они встречаются как на изделиях античного времени (Hoffmann, Davidson 1965. Fig. 39), так и на более поздних (Немсадзе 1977. Рис. 1; Засецкая 1993. Табл. 22, 76; Doppelfeld 1960. Taf. 15, 12; Hoffmann, Davidson 1965. Fig. 51, 51 a; и др.). Часто в состав застежки входили декоративные детали в виде голов зверей и животных или фигурных пластинок с изображениями различных растительных мотивов розетки, лотоса, пальметки и др. Наибольшим разнообразием в этом отношении отличаются застежки классического, эллинистического и римского периодов (Ruxer, Kubczak 1972. Рис. 8; 30) (рис. 7, 1, 2). Однако можно отметить наличие подобного рода деталей и на цепях конца IV–V вв. Например, пластинка с перегородчатой инкрустацией плоских гранатов вставлена в застежку цепи из погребения Унтерзибенбрунн (*L'Or des princes barbares* 2000. Cat. 9, б). Ажурные пластинки украшают застежку цепочки, найденной при раскопках римского и византийского города Рациария, расположенного на территории Болгарии (Джерджети 1988. Рис. 10). Стилизованными головами животного заканчивается цепь из румынского клада Клуж-Сомешени, датированного третьей четвертью V в. (*L'Or des princes barbares* 2000. Cat. 32, 1) (рис. 7, 4).

В позднеримский период II–III вв. в качестве соединительной детали застежки используются художественно оформленные медальоны дисковидной формы (рис. 7, 3). Однако наиболее распространенными они становятся для цепей и ожерелий конца V и особенно VI–VII вв. При этом если для ранних экземпляров характерно наличие одного диска (Ross 1965. Pl. 15; Ruxer, Kubczak 1972. Tabl. 39, 40, 44, 48; *Jewelry: Ancient to Modern* 1979. Cat. 311, 313, 314, 316, 319, 322, 326), то в более поздних обычно присутствуют два (Ross 1965. Pl. 19, 29, 79, 80, 92; Diatrita 1999. Cat. 56, 58–65) (рис. 7, 5).

Золотые цепи различаются также по своим технологическим свойствам, среди них можно выделить изделия простой и сложной конструкции. Простейший вариант представляют цепочки, состоящие из звеньев в виде круглого, овального или прямоугольного кольца – *simple chain* (рис. 8, 1). Для более усложненной конструкции характерны звенья из проволочного кольца, образующего путем сжатия с боков эллипсовидную или 8-образную фигуру, согнутую затем пополам – *single loop-in-loop chain* (рис. 8, 2–4). Цепи же сложной конструкции имеют звенья, изготовленные из двух – *double loop-in-loop chain* и более колец – *column or snake chain* или *multiple loop-in-loop* (Hackens, Winkes 1983. P. 205–208. Fig. 48–42; *Art of the Greek Goldsmiths* 1998. P. 127–137; *Greek Gold Jewelry* 1994. P. 26) (рис. 8, 5–8). Все эти разновидности цепей бытуют одновременно как в раннее, так и в более позднее время. Вместе с тем,

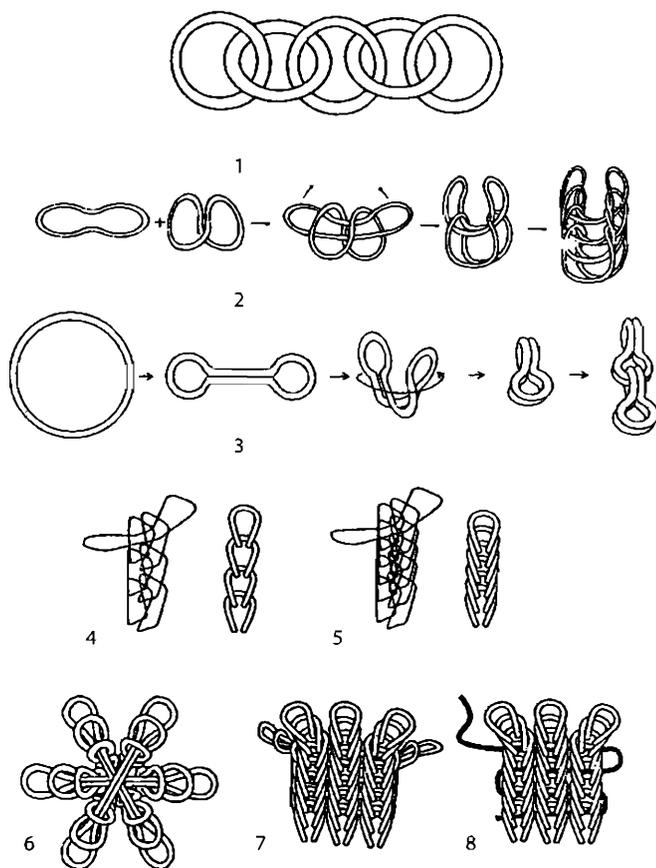

Рис. 8. Способы изготовления золотых цепей

1 – простейший способ – single chain; 2–4 – усложненный способ – single loop-in-loop chain; 5 – способ с использованием удвоенных звеньев – double loop-in-loop chain; 6–8 – сложные способы – multiple chain (1–3, 6 по Lemaigre 1983)

одинаковые в конструктивном отношении цепи различаются по исполнению. В частности, цепи греко-римской эпохи характеризуются более высокой технологией и изяществом стиля. Они изготовлены из колец мельчайшего диаметра, согнутых из тонкой, филигранной проволоки, в то время как цепи V–VII вв. отличаются от своих предшественниц более крупными кольцами из сравнительно толстой проволоки, что делает изделие более массивным и богатым на вид, но зато и менее изящным. Однако цепи сложной конструкции встречаются и в позднеантичных, и в раннесредневековых памятниках. Так, например, три золотых ожерелья в виде цепи со стилизованными амфоровидными подвесками были обнаружены в комплексах последней четверти IV – начала V в. Одно из них происходит из боспорского некрополя (Засецкая 1993. Табл. 22. Кат. 76), два других – из погребений Унтерзибенбрунн в

Рис. 9. Золотое ожерелье с подвесками из «двух склепов 24 июня 1904 г.», Боспорский некрополь, Керчь. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Австрии и Хохфельден в Эльзасе (*L'Or des princes barbares* 2000. P. 113. Cat. 9, 5; P. 127. Cat. 13, 2). Эти изящные украшения, являясь продукцией искусных мастеров IV в., и по форме, и по технике продолжают классические традиции греко-римского ювелирного искусства (рис. 9).

Возвращаясь к находке из погребения 1 Морского Чулека, можно с достаточной долей вероятности предположить, что данная цепь относится к образцам раннего средневековья, на что указывают ее внешний вид и техника изготовления. Она сделана из сравнительно крупных звеньев, образованных двумя кольцами, согнутыми в петли, – *double loop-in-loop*. Такие изделия имеют прямоугольное сечение, в отличие от круглого сечения, характерного для цепей более сложной конструкции. Как отмечалось выше, цепь из Морского Чулека была в древности реставрирована. Вставленный фрагмент относится к изделиям иной, более простой техники – *single loop-in-loop*. Оба этих способа использовались при изготовлении цепей эпохи раннего средневековья. Одним из заметных признаков раннесредневековых украшений такого рода является своеобразное устройство застежки, состоящей из двух круглых медальонов, соединенных наглухо с наконечниками цепи при помощи петель. При этом один из дисков имеет две петли, расположенные друг против друга, а другой – одну петлю и проволочный крючок, который крепился к медальону посредством шарнирного устройства (рис. 7, 5). К сожалению, основная часть застежки цепи из Морского Чулека, которая могла бы позволить уточнить ее

датировку, утрачена. Тем не менее, как мы уже подчеркивали, по внешнему виду цепь, скорее всего, принадлежит к украшениям раннего средневековья конца V – VI в.

Кольца-перстни | Кат. 4, 5, 6. Табл. I, 3, 3а, 5, 6 |

Из погребения I происходят также три золотых кольца-перстня простейшей конструкции. Кольца украшены вставками граната в виде овальных кабошонов и ободками из катушечной проволоки. На одном из них имеется гравированное изображение фигурки дельфина (табл. I, 3, 3а). В форме колец и характере декора явно прослеживаются традиции античного ювелирного искусства. Все они были сделаны одновременно и в одной мастерской, о чем свидетельствует не только тождество формы и стиля, но и техника их изготовления и материал. Перстни сделаны из золота высокой пробы 850 и украшены вставками алмазина. Такие украшения с кабошоном на круглой пластине, обрамленной зернью или ее имитацией, известны в ранневизантийских и позднеантичных памятниках конца IV – VI вв. Например, несколько экземпляров их найдено в склепах боспорского некрополя (Damm 1988. S. 153, 154. Abb. 136, 139. Kat. 75–78; Засецкая 1993. Табл. 50, 247; 57, 318; 61, 353), а также в ранневизантийских древностях (Ross 1965. Pl. 14, N°s 6.F, 39, 48, 61, 115, 99, 179 Q). Римско-византийское происхождение таких перстней подтверждает и указанное выше изображение дельфина, образ которого был широко распространен именно в средиземноморском регионе. Однако следует отметить, что эти перстни, насколько нам известно, никогда не были предметом специального изучения.

Браслеты | Кат. 2. Табл. I, 7, 8 |

Из погребения I происходит пара золотых пластинчатых браслетов, концы которых были украшены вставками в прямоугольных гнездах; вставки не сохранились. Аналогии данным браслетам нам не известны.

Пряжка и каменный кружок | Рис. 10. 1, 2 |

В погребении I, как указано в архивных документах, кроме вышеперечисленных вещей, были найдены серебряная пряжка и каменный кружок. Рисунки этих предметов имеются в архивном деле, а также в так называемых корочках А. А. Спицина (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 4/1886. Л. 5 и 8; Ф. 5. Д. 330/1899. С. 212). Рисунки пряжки дают лишь общее представление о форме, конструкции и размерах⁵. Пряжка имеет рамку в виде овального кольца, вероятно, сегментовидного в сечении, но не исключено, что рамка была в сечении круглой или овальной; подвижный щиток полуовальной формы из согнутой пополам пластины, соединенной одним штифтом; язычок с загнутым свободным концом, плотно прилегающим к рамке. Что означают линии вдоль язычка и по краям

⁵ Общая длина 3,8 см. Размеры рамки 2,4 x 1,4; щитка (без петель) 1,8 x 1,8. Длина щитка с петлями 2,5; язычка 1,9

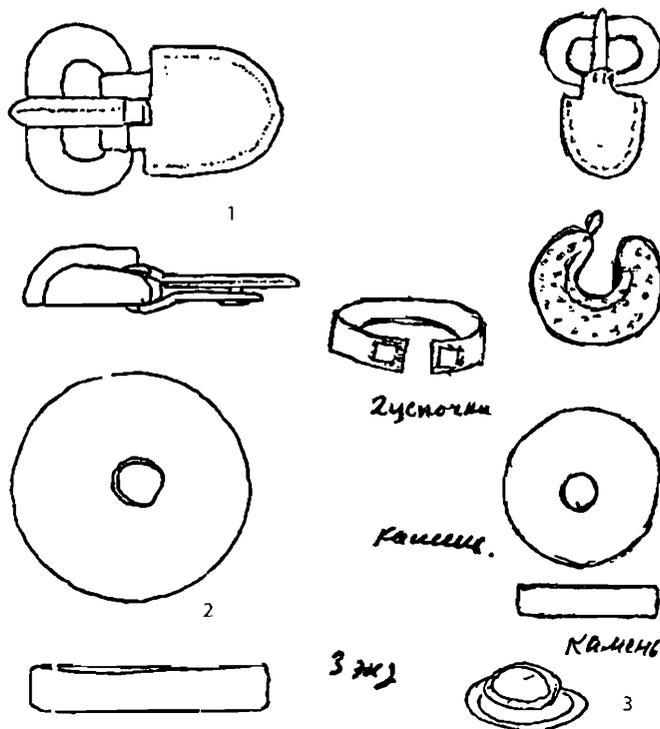

Рис. 10. Пряжка и кружок из погребения 1, Морской Чулек

1 – серебряная пряжка; 2 – каменный кружок; 3 – черновой рисунок находок из погребения 1 (рис. А. А. Спицына из архива ИИМК: 1, 2 – Ф. 5. Д. 4/1868; 3 – Д. 330)

щитка, не совсем ясно. Возможно, они показывают скошенный край. На обоих рисунках линии сделаны пунктиром. Это свидетельствует о том, что данная деталь не видна с лицевой стороны, а следовательно полностью исключается наличие грани. Мы не можем указать точных аналогий пряжке из чулекского погребения 1, однако совершенно очевидно, что она не имеет ничего общего ни с цельными пряжками, ни с псевдопряжками геральдического стиля VI–VII вв. (рис. 10, 1, 3). Каменный кружок, плоский с обеих сторон, с круглым отверстием в центре, мог служить навершием ножа или какого-то другого изделия. Диаметр кружка 3,3; высота 0,6 см.

Таким образом, лишь одна находка из погребения 1 может достоверно служить хронологическим эталоном для определения датировки данного комплекса. Это – пара калачикообразных серег, датировка которых, как показало исследование, укладывается где-то в пределах второй половины V в. и не может быть позже конца V в. Однако само захоронение вполне могло быть совершено несколько позднее.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 | Кат. 7–22 |

Цепь – нагрудное украшение | Кат. 7. Табл. II, 3 |

В архивном деле указано, что золотая цепь с тремя подвесками была расположена на шее скелета. Однако, как показало дальнейшее исследование, лишь одна подвеска непосредственно связана с цепью, две другие же были ошибочно определены в качестве декоративных деталей цепи (см. кат. 8).

Цепь из погребения 2 имеет ту же конструкцию, что и аналогичная находка из погребения 1, т. е. относится к группе изделий, исполненных в технике *double loop-in-loop*. Но в отличие от первого, данный экземпляр более высокого качества. Звенья сделаны из сравнительно небольших колец, плотно прилегающих друг к другу. Цепь была снабжена декоративными наконечниками в виде четырехгранника, украшенного четырьмя вставками альмандина в прямоугольных гнездах с ободками из зерни (сохранился только один наконечник), и овальной подвеской с крупным гранатом. Ближайшей аналогией украшению из Морского Чулука является золотая цепь, найденная в Керчи, однако точное место находки ее не известно. Она имеет ту же конструкцию,

Рис. 11. Золотая цепь из Керчи. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Рис. 12. Декоративные детали золотых цепей с медальонами из погребений у с. Михаэльсфельд и Морского Чулека

1-4 – цепь из Михаэльсфельда; 5-6 – детали цепи из Морского Чулека. 1 – общий вид; 2 – часть застёжки с вставленным в нее золотым солидом Юстина I и Юстиниана I; 3, 3а – лицевая и обратная стороны малого медальона; 4, 4а – лицевая и обратная стороны центрального медальона; 5, 5а – подвеска на цепи; 6 – наконечник цепи

также украшена овальной подвеской с гранатом и, что особенно важно, снабжена идентичными четырехгранными наконечниками с гранатовыми вставками, заканчивающимися проволочной петлей на одном конце и проволочным крючком на другом (рис. 11). Вполне вероятно, что цепь из Морского Чулека имела аналогичную застежку. Отличительной деталью обоих изделий является наличие своеобразных наконечников, выполненных в традиции ювелирного искусства римского времени. Например, подобные наконечники имеются на цепи, входящей в состав сложного ожерелья, найденного в знаменитом некрополе II–IV вв., расположенном в устье р. Армазис-хеви, в окрестностях древней столицы Грузии. Но они, в отличие от наконечников на приазовской и керченской цепях, имеют форму семигранника и украшены прямоугольными вставками бирюзы (Апакидзе и др. 1958. С. 97. Табл. 9). Аналогичная деталь в виде наконечников со вставками бирюзы в треугольных перегородчатых гнездах присутствует и на цепи нагрудного украшения сарматского звериного стиля второй половины I – начала II в. (*L'Or des Sarmates* 1995. P. 96. Cat. 121).

В эпоху переселения народов, в V в., близкие по форме и стилю многогранные обоймы-муфточки, украшенные вставками граната в технике клуазонне, являлись своеобразным оформлением наконечников в виде голов животных. Таким способом завершаются головы волка на подвесках из погребения Апахиды I и животных на наконечниках цепи из румынского клада Клуж-Сомешени (*L'Or des princes barbares* 2000. P. 186, 187, 196. Cat. 30, 5; 32, 1). На подобной «муфточке» подвешен к цепи кулон из Ольвийского клада второй половины V в. (Ross 1965. Pl. 79, 80). Датировка последнего надежно устанавливается по перстню (Ross 1965. Pl. 81 D), наиболее близкие аналогии которого происходят из таких опорных находок периода D3 (450–480/490), как Бакодпушта (Fettich 1951. Taf. 32, 8) и Клуж-Сомешени (*L'Or des princes barbares* 2000. Cat. 32, 8). Возможная хронология других вещей клада не противоречит этой датировке.

Наличие наконечника, исполненного в технике перегородчатой инкрустации со вставками альмандина, на цепи из Морского Чулека может рассматриваться как признак ранневизантийского ювелирного искусства доюстиниановской эпохи, продолжающего традиции античной культуры предшествующего времени. Не противоречит этому выводу и медальон-подвеска, в котором также прослеживаются черты, свойственные украшениям греко-римского происхождения.

Золотые медальоны с крупной вставкой из полудрагоценных камней или цветного стекла, окруженной ободками из зерни или ее имитацией из филигранной проволоки, а также декоративными поясками из скани, часто встречаются в составе ожерелий или в качестве подвесок на цепь. Они, как и многие другие виды украшений костюма, появляются в греко-римскую эпоху и бытуют в течение длительного времени, не оставаясь, однако, неизменными как в технологическом, так и в стилистическом отношении.

В нашей работе мы не можем останавливаться подробно на истории происхождения и развития данной категории украшений, требующей специального, всестороннего исследования. Однако упоминание медальона из Морского Чулека в качестве якобы аналогичного изделия с подобного рода украшениями из памятников VI–VIII вв., например, таких, как Михаэльсфельд, Уфимское захоронение и даже Глодосы, заставляет обратить на этот факт особое внимание (Распопова 1980. С. 110). И, прежде всего, следует отметить несостоятельность такого сравнения, поскольку все изделия из названных выше комплексов индивидуальны и при классификации могли бы представлять либо отдельные типы, либо варианты одной группы украшений; имеется в виду одинаковое назначение, т. е. использование их в качестве медальона-подвески. Сравним подвеску из Морского Чулека с медальонами из Михаэльсфельда (рис. 12).

Таблица 2

№ п/п	Название памятника	Размеры	Вставки, материал	Декоративное оформление	Конструктивные и технические особенности
1	Морской Чулек	3,2 x 2,0	Гранат	Крупная овальная выпуклая вставка. Два ободка из зерни и узкая гладкая полоска между ними. На конце цепи наконечник четырехгранный с прямоугольными вставками в гнездах из узкой ленты, вокруг гнезд ободки из зерни.	Основу медальона составляет золотая пластина овальной формы, в центре овальное гнездо из напаянной на ребро узкой ленты. Вокруг гнезда напаяны ободки из зерни и гладкая полоска между ними. Наверху припаяны к основе две петельки, сквозь которые продет проволочный стержень с загнутыми концами. Через него перекинута еще одна петля, которая соединена с обоймой, надетой на цепь.

2	<p>Михаэльсфельд</p>	<p>4,2 x 3,7 3,7 x 3,3 3,7 x 3,3</p>	<p>Трех- слойное стекло. Одна вставка из гра- ната на подвеске среднего медальо- на.</p>	<p>Крупная вставка с плоской поверхностью в овальном гнезде из узкой полоски. Вокруг гнезда три ободка. По внешнему краю ободок из бусиной проволоки, по внутреннему из катушечной, имитирующих зернь. Между ними узор «косичка» из двух параллельно расположенных «веревочек», каждая свита из двух проволочек. На обороте среднего медальона изображена хризма, на боковых медальонах – крест. Свободная от рисунка площадь заштрихована. У среднего медальона сохранилась подвеска овальной формы с гранатовой вставкой. Вокруг гнезда напаяна филигранная проволока, на конце подвески пирамидка из зерни.</p>	<p>Каждый медальон представляет собой овальную коробочку, состоящую из двух слегка выпуклых половин, соединенных напаянной узкой полоской, образующей боковые стенки. Внутри медальоны заполнены мастикой. Сверху к боковой стенке припаяна широкая пластинчатая петля, а внизу маленькая проволочная петелька. Гнездо и филигранные ободки также припаяны. Кресты и хризма сделаны резцом и чеканом. Подвеска на большом медальоне состоит из миндалевидной золотой пластинки и гнезда из напаянной ребром узкой ленты. Ободок и пирамидка из зерни припаяны. К верхнему краю припаяна проволочная петелька, для соединения с медальоном. Концы цепи оформлены в виде грушевидных наконечников с припаянными проволочными петлями. Застежка в виде круглого диска состоит из золотого солида Юстина I и Юстиниана I (526–527), оправленного с двух сторон рамкой из узких, согнутых по кругу полосок. С одной стороны к диску припаяна проволочная петля, с другой – две петли для соединения с крючком при помощи шарнирного устройства. По краю диска филигранная проволока, имитирующая зернь.</p>
---	----------------------	--	--	--	--

Сравнительный анализ подвески на цепи из Морского Чулека и медальонов на цепи из Михаэльсфельда наглядно показал, что кроме функционального значения и визуального сходства орнаментальных композиций между ними нет ничего общего. Они различаются по конструкции, размерам, материалу вставок, отдельными элементами декора и декоративными композициями в целом, техническими свойствами орнаментальных ободков. Кроме того, наблюдается отличие в конструктивных деталях цепей, в частности, в форме наконечников и, вероятно, в устройстве застежки.

Проведенный сравнительный анализ, на наш взгляд, свидетельствует о принадлежности этих изделий к разным эпохам, и потому они не могут использоваться в качестве прямых аналогий для определения датировки как той, так и другой находки. Цепь с медальонами из Михаэльсфельда, как уже отмечалось выше, могла быть изготовлена во второй четверти или в середине VI в., на что указывает присутствие золотого солида Юстина I и Юстиниана I 526–527 гг., вправленного в застежку. Наличие архаических черт в декоративном оформлении цепи из Морского Чулека позволяет датировать ее более ранним временем по сравнению с михаэльсфельдской находкой, а именно второй половиной V – началом VI в.

Если цепь из Михаэльсфельда мы относим к византийским ювелирным изделиям юстиниановской эпохи, то подобное украшение из Морского Чулека, которое также, скорее всего, является продукцией византийских мастеров, изготовлено еще в доюстиниановское время.

Перстни | Кат. 11–14. Табл. II, 4, 5; III, 1–3 |

В погребении 2 были найдены четыре перстня, которые, как отмечено в архивных документах, лежали «на больших пальцах правой и левой руки», на каждой по два экземпляра. Перстни идентичны друг другу по форме, конструкции, размерам и декору. Они в основе состоят из цельной золотой фигурной пластины, овальной в средней части, с округлыми выступами по бокам. С лицевой стороны перстни украшены тремя вставками – сердоликовой в центре и альмандиновыми по бокам, ободками из зерни и филигранной проволоки.

Абсолютное тождество перстней говорит о том, что они были сделаны в одно время и в одной мастерской. Это же подтверждают и данные ювелирной экспертизы. Так, например, у всех изделий основная пластина изготовлена из золота низкой пробы – 450, в то время как для гнезд, зерни и филигрании мастер использовал золото 750 пробы.

Ближайшие аналогии перстням из Морского Чулека встречены далеко от Приазовья, в Киргизии, в женском погребении Шамси (Kožomberdieva et al. 1998. S. 454. Abb. 3). Киргизские изделия, представленные двумя экземплярами, также сделаны из золотой фигурной пластины и украшены ободками из зерни и тремя выпуклыми вставками гранатов в гнездах из узкой напаянной на ребро полоски (ср. рис. 13, 3 и 4). На оборотной стороне припаяно кольцо. Кроме того, перстни из обоих погребений имеют одинаковые

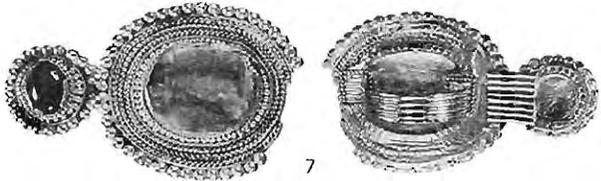
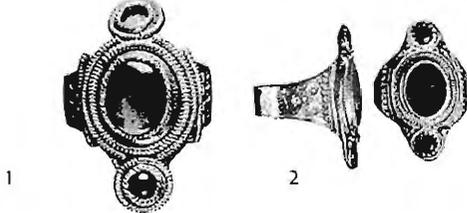
VI в.	
середина VI – начало VII в.	
середина VI – начало VII в.	
вторая половина V – начало VI в.	
вторая половина V – рубеж V–VI в.	
III–IV вв.	

Рис. 13. Трехчастные золотые перстни – эволюция и хронология

1–2 – перстни из Скандинавии; 3 – перстень из погребения Шамси, Киргизия; 4 – перстень из погребения 2 Морского Чулека; 5 – перстень из погребения в Уфе; 6 – перстень из погребения у с. Суханово, Херсонская область; 7 – перстень из Тамани, точное место находки неизвестно. (1–2 рис. по Andersson 1995; 5 по Ахмерову 1951; 6 по Приходнюку и др. 2001; 7 по Danin 1988)

размеры⁶. От приазовских находки из Шамси отличаются отсутствием декора из филигранной проволоки и отчасти материалом вставок. Напомним, что на перстнях из Морского Чулека центральная вставка сделана из сердолика со шлифованной плоской поверхностью. Однако синхронность бытования приазовских и киргизских украшений не вызывает сомнений.

П. Н. Кожемяко и И. К. Кожомбердиев – авторы наиболее полной публикации находок из Шамси, представленных на выставке 1983 г. в Государственном Эрмитаже, датировали их IV–V вв. (Памятники культуры и искусства Киргизии 1983. С. 46–50. Кат. 140–214). Затем, в статье, специально посвященной анализу данного погребального комплекса, исследователи на основании широких аналогий из гуннского и постгуннского периодов пришли к выводу, что дата захоронения Шамси ограничивается концом V – началом VI в. (Kožomberdieva et al. 1998. S. 451–471; более подробно о датировке погребения Шамси см. гл. 2).

Два подобных по форме перстня происходят из уже известного нам женского погребения, открытого в г. Уфе. Автор публикации ошибочно определил их как пару медальонов (Ахмеров 1951. С. 128, 129. Рис. 37, 6). Однако от предыдущих экземпляров уфимские изделия отличаются большими размерами⁷, а также стилистическими и конструктивными особенностями (рис. 13, 5). Если находки из приазовского и киргизского погребений имеют в основе цельную золотую пластину, то уфимские перстни, напротив, состоят из трех спаянных вместе частей: центральной – овальной формы – и двух боковых – округлой. Орнамент на уфимских украшениях более разнообразен и выглядит богаче, покрывая почти всю поверхность центральной части; оставлено сравнительно небольшое место для гнезда. Перстни украшены ободками из зерни и филигранной проволокой, образующей орнамент «плетенку», а также пирамидками, составленными из крупной зерни, которые играют главную роль в декоративном оформлении этих ювелирных изделий. Кроме того, отличительным признаком уфимских изделий является использование для вставок не полудрагоценных камней, а стекла. Так, центральная вставка выполнена из прозрачного светлого стекла, а боковые – из красного, вероятно, имитирующего алмадин.

Все это создает совершенно иной внешний облик уфимских перстней, свидетельствующий не только о том, что они сделаны в другой мастерской, чем приазовские и киргизские образцы, но и о том, что они относятся к другому времени. Этот вывод подтверждается датировкой погребального комплекса второй половиной VI – первой половиной VII в. (см. Погребение 1, раздел «Серьги»).

⁶ Размеры приазовских перстней (в см): общие 4,3 x 2,2 и 4,6 x 2,5; центральное гнездо 1,6 x 1,3. Диаметр боковых выступов 0,7–0,8, гнезд на боковых выступах 0,4–0,5. Размеры киргизских перстней: общие 4,1 x 2,3; центрального гнезда 1,5 x 1,2. Диаметр боковых выступов 0,9, гнезд на боковых выступах 0,5–0,6.

⁷ Размеры (в см): общие 6,2 x 2,8; центральной части 3,4 x 2,8; среднего гнезда 1,7 x 1,0. Диаметр боковых выступов 1,6; гнезд на боковых выступах 0,9.

К этому же типу относится трехчастный перстень из кочевнического погребения, обнаруженного в 1990 г. на Украине, у с. Суханово, Херсонской области. Перстень лежал на пальцах левой руки погребенного (Приходнюк и др. 2001. С. 77, 78. Рис. 2, 1, 4). Данный экземпляр производит впечатление более упрощенного варианта такого рода украшения. Он состоит из трех частей овальной формы, вырезанных из цельной золотой пластины, украшенных вставками стекла в гнездах из напаянных ребром узких полосок. Вокруг гнезд ободки из мелкой и крупной зерни и филигранной проволоки. На оборотной стороне припаяна серебряная петля. Стекланные вставки иризованы. Отличительным признаком херсонского экземпляра являются его сравнительно большие размеры⁸ (рис. 13, 6). Этот перстень, судя по датировке погребального комплекса, вероятно, относится ко второй половине VI – началу VII в.

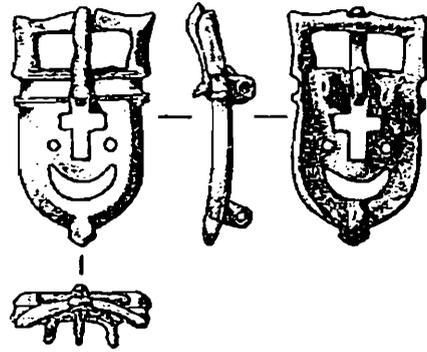

Рис. 14. Бронзовая пряжка из погребения у с. Суханово, Херсонская область (по Приходнюку и др. 2001)

Датировка же погребения определяется находкой в нем пряжки типа Сучидава (рис. 14), которая характерна прежде всего для дунайского участка византийской границы, где она встречается в юстиниановских и постюстиниановских слоях крепостей и поселений (Fiedler 1992. S. 71–73; Uenze 1992. S. 185; Varsik 1992. S. 78–79). Показательными для дунайского региона являются следующие материалы: погребение Пьятра-Фрекацей Е 199 с монетой Юстина I (518–527); слой Големаново Кале, датированные по монетам временем от 540-х до 580-х гг. (Fiedler 1992. S. 73. Abb. 5.2; Uenze 1992. S. 97, 101, 119, 333); слой крепости Мокрянске Стене, датированный монетами Анастасия I (507–512) (Сретеновић 1984. Сл. 216. 5); слой Аквиса (Прахово), образовавшийся непосредственно после 535 г.; слой белградской крепости Сингидунум, датированный монетами Юстина II (565–578) (Varsik 1992. S. 78; впрочем, крепость существовала и раньше: Ivanišević, Kazanski 2002. P. 125, 126); слой VI в. в крепости Сучидава, погибшей в пожаре, где последние монеты датируются 596–597 гг. (Tudor 1974. P. 132). Около середины VI в. пряжки типа Сучидава получают распространение у дунайских гепидов (Varsik 1992. S. 79). Показательной является находка в погребении 11 гепидского некрополя Щорег с S-образной фибулой 560–570 гг. (Uenze 1992. S. 186). Исчезновение пряжек типа Сучидава связывается с аваро-славянским разгромом дунайского лимеса в 580–600 гг. (Varsik 1992. S. 78, 79; последние работы по пряжкам Сучидава: Schulze-Dörrlamm 2002. S. 146–151; Kazanski 2003. P. 40, 41).

⁸ Размеры: общие 7,2 x 2,8 см; центральная часть 3,2 x 2,8; гнездо 2,2 x 1,5; боковые выступы 1,9 x 1,6; гнезда на боковых выступах 1,6 x 1,1.

Для Нижнего Дуная предполагается пока недоказанная материалом возможность существования таких пряжек и в первой четверти VII в., поскольку отдельные византийские крепости удерживались здесь до начала VII в. (Fielder 1992. S. 73). Однако пока нет никаких оснований относить пряжки Сучидава именно к этой последней фазе. То же самое относится и к пряжкам из Царичен-Града, где время гибели города, построенного Юстинианом, определяется по монетам Фоки (Ivanišević 1990). Город погиб в пожаре, вероятно, 613–616 гг. (Кондић, Поповић 1977. С. 170). Утверждения, опирающиеся на недоказанное мнение А. К. Амброза, что на месте города в VII в. существовал некий варварский поселок, весьма сомнительны, поскольку все известные здесь славянские украшения, равно как и формочки для изготовления геральдических поясов, происходят из византийского слоя (Bavant 1990. P. 220. Pl. 38, 208–210). Славянские же фибулы днепровского и дунайского типов были найдены в деревянных постройках, погибших в общегородском пожаре (Кондић, Поповић 1977. С. 59, 71, 180–183)⁹.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что основное время бытования пряжек типа Сучидава ограничивается второй третью VI в. – рубежом VI–VII вв. Однако в сухановское погребение такого типа пряжка могла попасть и несколько позднее, например, в начале VII в., особенно если учесть, что этот памятник находится на периферии от центров производства и основной территории распространения пряжек. Поэтому, например, херсонское кочевническое погребение вполне может датироваться как серединой VI в., так и началом VII в. Дата же найденного в нем золотого перстня в любом случае более ранняя, чем время захоронения, и, скорее всего, должна быть ограничена VI в.

Последний известный нам экземпляр трехчастного перстня происходит из случайной находки на Тамани (Damm 1988. S. 155, 156. Abb. 143, 144). Перстень сохранился неполностью, утрачен один боковой выступ. Как и все предыдущие украшения такого рода, он сделан из золота, но не из цельной пластины, а из трех отдельных частей. Этот конструктивный признак, как и пышное декоративное оформление, сближает его с подобными изделиями из уфимского женского погребения. По размерам же таманский перстень ближе к херсонскому образцу¹⁰ (рис. 13, 7). К сожалению, поскольку данный экземпляр найден вне комплекса, мы не можем получить дополнительные сведения, которые позволили бы уточнить дату бытования трехчастных перстней.

В заключение нашего исследования остановимся на чрезвычайно интересных для нас находках трехчастных золотых перстней, обнаруженных в древних могильниках Южной Скандинавии, которые близки по форме и характеру декоративного оформления перстням из Морского Чулека и Шамси. Два

⁹ Пользуемся случаем поблагодарить за любезные консультации исследователей памятника Бернара Бавана и Вуядина Иванишевича.

¹⁰ Размер сохранившейся части 5,5 см. Общая длина после восстановления 7,5; центральная часть 4 x 3,7; гнездо на боковом выступе 1,9 x 1,7.

из них найдены в Норвегии, два в Швеции и четыре в Дании. Автор публикации скандинавских перстней К. Андерсон выделяет их в тип III и относит к поздне римскому времени III–IV вв., но замечает при этом, что датировать более точно такие перстни затруднительно из-за скудности погребального инвентаря (Anderson 1985. P. 111, 112, 146–148. Kat. 17–24). Из них наиболее близки приазовским и киргизским находкам перстни под номерами 21–23.

Далее К. Андерсон, останавливаясь на вопросах происхождения и путях проникновения подобных украшений в Скандинавию, приходит к выводу, что перстни типа III не местного производства, а являются, судя по стилистическим и техническим особенностям, продукцией провинциально-римских мастерских. На Север же они попадают в качестве престижных даров Рима знатным германцам, служившим в римской армии. Предложенные даты скандинавских находок позволяют рассматривать их как наиболее ранние образцы трехчастных перстней, которые могли послужить прототипами для такого рода украшений раннего средневековья.

Разница между скандинавскими перстнями, с одной стороны, и южно-русскими и киргизскими, с другой, заключается в положении щитка относительно пальцев: на первых щиток ориентирован вдоль пальца, а на вторых – поперек. Также следует заметить, что в декоре скандинавских экземпляров полностью отсутствует зернь, в то время как на южно-русских и киргизских находках зернь является главной составной частью орнаментальных композиций (ср. рис. 13, 1, 2 и 3, 4).

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие обобщения:

1. Представленные 10 экземпляров перстней оригинальной формы раннего средневековья происходят из четырех погребений и одной случайной находки.

2. 8 перстней происходят из трех женских погребений – Шамси (2 экз.), Морской Чулек (4 экз.), Уфа (2 экз.); 1 перстень из погребения в Суханово, пол погребенного в публикации не указан; еще 1 перстень найден вне комплекса, случайно, на Тамани.

3. Наиболее близки между собой, как по форме и размерам, так и по конструктивным и стилистическим особенностям, перстни из Шамси и Морского Чулека.

4. Перстни из Уфы, Суханово и Тамани существенно отличаются от находок в Шамси и Морском Чулеке, как по размерам, так и по декору.

5. Как показало проведенное исследование, перстни не синхронны, на что указывают даты погребений, из которых они происходят.

6. Наиболее ранними являются перстни из киргизского погребения Шамси, которое относится ко второй половине V в., может быть, к рубежу V–VI вв. (см. гл. 2).

7. Уфимское и Сухановское погребения, датируются в пределах середины – конца VI в. (Суханово), середины VI – начала или первой половины VII в. (Уфа), на основании найденных в одном из них бляшек геральдического стиля (погребение в Уфе), а в другом – пряжки типа Сучидава.

8. Перстни из Морского Чулека почти тождественны перстням из Шамси и в то же время существенно отличаются от других рассмотренных нами подобных изделий. Это позволяет относить приазовские перстни к тому же времени, к которому относятся киргизские находки, а именно ко второй половине V – рубежу V–VI вв.

9. Отличие приазовских и киргизских перстней от уфимских и херсонских обусловлено не только тем, что они одновременны, но и тем, что они являются продукцией разных мастерских. Вполне возможно, что уфимские перстни и экземпляр из Тамани были изделиями византийской работы юстиниановской и постюстиниановской эпох. Приазовские и киргизские находки, напротив, могли быть образцами ювелирного искусства Византии доюстиниановской эпохи правления Юстиниана I, которое продолжало художественные традиции греко-римской культуры. Однако не исключено и их восточное происхождение, как и найденных с ними украшений конской упряжи набора № 2 (см. раздел «Украшения конской упряжи»). Вместе с тем не следует забывать, что и на Востоке влияние византийских ремесел, в том числе и ювелирного искусства, было велико.

10. Специфика рассмотренных нами перстней и даты погребений, из которых они происходят, позволили нам показать их эволюцию во времени (рис. 13).

Серьги-подвески | Кат. 8. Табл. II, 1, 2 |

Обнаруженные в погребении 2 парные подвески, по мнению находчиков, якобы принадлежали к украшениям золотой цепи. В архивном деле есть запись, что «золотая цепь с тремя подвесками, из которых одна с граненым гранатом, лежала на шее скелета» (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 4/1886. Л. 10). В действительности цепь была украшена одним кулоном со вставкой крупного граната, который соединялся с цепью при помощи шарнирного устройства. Парные же подвески, судя по найденным нами аналогиям, являлись серьгами или височными подвесками. Подобные по форме и декору подвески были найдены в женских погребениях джатыасарской культуры на могильнике Алтын-Асар, в курганах 389 и 460 (Левина 1994. Рис. 163, 24, 25, 27; 170).

Подвески из Морского Чулека представляют собой «коробочки» листовидной или миндалевидной формы. Каждая из них состоит из двух золотых пластин с овальным вырезом в верхней части, соединенных напаянной узкой лентой, образующей боковые стенки «коробочки». Лицевая и оборотная стороны одинаково украшены тремя фигурными гнездами-ячейками для вставок, образованными напаянными перегородками. Боковые стороны разделены на десять прямоугольных гнезд. По краям подвесок ободки из зерни. Нижний конец серег оформлен в виде пирамидки из четырех зернинок. Наверху припаяны две проволочные петельки. Судя по сохранившимся в гнездах гранатовым вставкам, можно предположить, что и недостающие вставки также были из гранатов.

Рис. 15. Золотые серьги-подвески из погребения 2, Морской Чулек и аналогии к ним

1 – пара серег из погребения 2, Морской Чулек; 2 – пара серег из кургана 389, Алтын-Асар, Средняя Азия; 3 – пара серег византийского происхождения из Ольвийского клада; 4 – пара серег византийского происхождения из клада Реджия-Эмилия, Италия (2 – по Левиной 1994; 3 – по Ross 1965. P. 79; 4 – по Bierbrauer 1975)

Ближайшей аналогией чулекским серьгам-подвескам по форме, конструкции и декоративному оформлению являются упомянутые выше подвески из могильника Алтын-Асар в Средней Азии. В кургане 389, в подбойной могиле с женским погребением были найдены парные подвески, которые лежали на уровне ушных раковин с обеих сторон. Судя по описанию Л. М. Левиной, автора раскопок и публикации данного комплекса, подвески имеют сердцевидную форму и состоят из двух бронзовых сдвоенных пластин, которые соединены при помощи изогнутой бронзовой пластины, образующей боковые стороны подвески. Лицевая и оборотная стороны изделия украшены белыми, синими и красными вставками из стеклянной пасты, а также из перламутра в фигурных гнездах-ячейках. На нижнем конце «крестовидный штырь» из четырех шариков. Наверху две петли с продетой сквозь них «веревочкой» из толстой нити. По краю с двух сторон ободки из ложной зерни. Л. М. Левина предполагает, что подвески соединялись со специальной налобной повязкой (Левина 1994. С. 42, 43, 74, 75. Рис. 163, 24, 25, 27; 170).

Однако, несмотря на внешнее сходство и общие признаки технологического и стилистического характера, чулекские и алтынасарские подвески имеют существенные отличия. Это выражается прежде всего в различии использованного для их изготовления материала. Подвески из Морского Чулека – золотые с гранатовыми вставками, украшены зернью, изделия же из Алтын-Асар изготовлены из бронзы со вставками из цветного стекла и

перламутра и украшены ложной зернью. Кроме того, чулекские серьги отличаются от алтынасарских экземпляров наличием вставок на боковых сторонах и меньшими размерами, что делает их более нарядными и изящными¹¹ (ср. рис. 15, 1 и 2).

Отмеченные особенности серег-подвесок позволяют предполагать их разное происхождение. Они были изготовлены несомненно в разных ювелирных мастерских. По своим стилистическим признакам чулекские украшения входят в группу ювелирных изделий византийского производства, исполненных в технике перегородчатой инкрустации второй половины V – начала VI в. Например, к числу таких украшений относятся подвески из комплекса находок в Реджио-Эмилии (Bierbrauer 1975. Taf. 33, 7, 8) и Ольвийского клада (Ross 1965. Pl. 79 F) (рис. 15, 3, 4). Подвески же из погребения могильника Алтын-Асар, скорее всего, местного среднеазиатского происхождения и могут рассматриваться лишь как подражание образцам более высокого ювелирного искусства. Прототипами для них могли послужить золотые изделия, подобные серьгам-подвескам из погребения Морского Чулека, а это, в свою очередь, позволяет датировать чулекские украшения более ранним временем, чем алтынасарские.

Погребение в кургане 389 могильника Алтын-Асар 4, из которого происходит пара подвесок, датируется достаточно широко, в пределах IV–VI вв., на основании керамического материала, представленного в основном сосудами, характерными для керамики этапа Джатыасар II (Левина 1994. С. 14, 43).

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: серьги-подвески из погребения 2 Морского Чулека относятся к серии подобных украшений византийского производства и датируются, скорее всего, второй половиной V – началом VI в.

Браслеты | Кат. 9, 10. Табл. III, 5, 6, 6а, 6б |

Два непарных золотых браслета были обнаружены на запястьях погребенной. Один из них – круглой формы – сделан из круглого в сечении дрота, постепенно расширяющегося к несомкнутым концам. На внутренней стороне его имеется латинская надпись, содержащая весовые данные (кат. 10)¹².

Другой браслет, неправильной деформированной формы, изготовлен из круглого в сечении дрота и отличается особым оформлением концов в виде массивных раструбов (кат. 9). Концы не сомкнуты, но максимально приближены. Именно этот вид браслетов, относящийся к большой группе подобных украшений, распространенной от Пакистана до Франции в I–V вв. (Kazanski, Pegin 1988. P. 23, 24), представляет определенный интерес и требует более

¹¹ Размеры чулекских подвесок 3,4 x 2,0 см; алтынасарских – 5,4 x 2,8.

¹² Присутствие весовых надписей на проволочных браслетах явление редкое. В этой связи интересно упомянуть о наличии весовой надписи на обломке браслета из датского клада Болтинггард Сков (Boltinggård Scov), найденного на острове Фюн и содержащего золотые монеты 335–336 гг. (Henriksen, Horsnæs 2004. Fig. 7, 13).

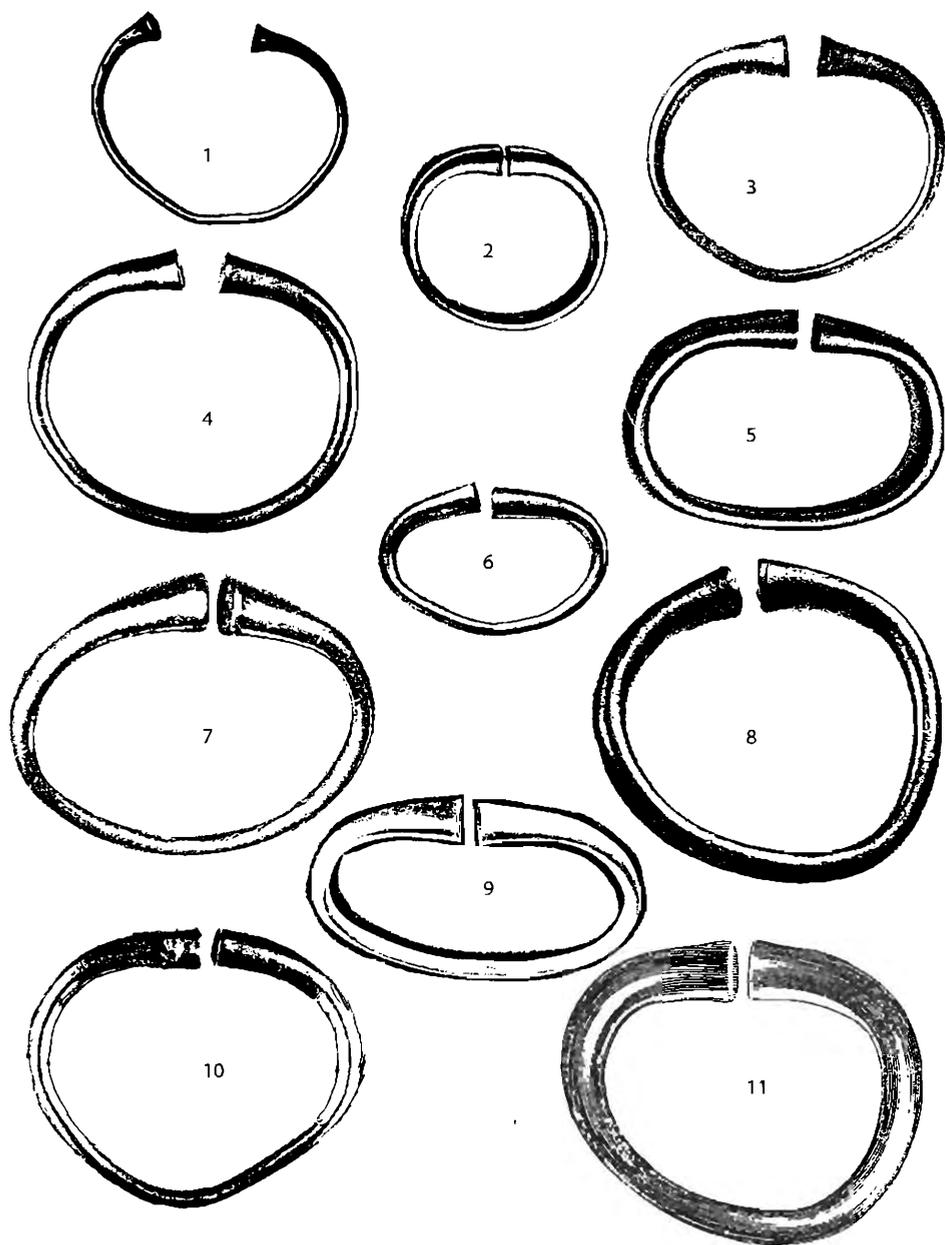

Рис. 16. Золотые браслеты с раструбообразными расширениями на концах гуннской и пост-гуннской эпохи последней четверти IV - V в.

1 - склеп 145, Керчь; 2 - Мезеберень, Венгрия; 3 - Регей, Венгрия; 4 - Вольфсхейм, Германия; 5 - Фюрст, Германия; 6 - Гроссернер, Германия; 7 - Пуан, Франция; 8 - Блучина, Чехия; 9 - Бру, Франция; 10 - Морской Чулек, погребение 2; 11 - могила Хильдерика, Турнэ, Бельгия

подробного исследования. Большинство таких браслетов происходит из хорошо известных европейских аристократических могил эпохи переселения народов гуннского и постгуннского времени (V – начало VI в.). Они встречены в мужских погребениях горизонта Унтерзибенбрунн (период D 2, 380/400–440/450), связанных с пограничными варварами-федератами, таких как Вольфсхейм и Фюрст (Wührer 2000. Nrn. 206, 426) (рис. 16, 4, 5). Один браслет этого времени происходит из женского погребения Регей (Вона 2002. Fig. 92) (рис. 16, 3). К ним можно присоединить золотые браслеты из разрушенного погребения Мезеберень в Венгрии (Fettich 1953. P. 150–152. Pl. 28, 8; Kiss 1991. S. 117–141) (рис. 16, 2), из тайника боспорского склепа 145, который по наличию в нем индикации монеты Валентиниана II (375–392) мог быть заполнен не ранее последней четверти IV в. (Засецкая 1993. С. 43. Табл. 12, 20) (рис. 16, 1). Но в отличие от указанных выше браслетов, боспорский и венгерский экземпляры имеют значительно меньший диаметр и изготовлены из сравнительно тонкой проволоки. Кроме того, близкий по форме браслет происходит из «двух склепов 24 июня 1904 г.». От своих аналогов он отличается конструктивными особенностями. Браслет имеет твердую металлическую основу, возможно бронзовую, и сверху обтянут золотым листом. Найденные в этих же склепах еще три браслета, два из которых составляют одну пару, относятся к иному виду изделий (Засецкая 1993. Кат. 81–83).

В этой связи следует подчеркнуть, что перечисленные керченские находки происходят из погребений высшего слоя боспорского общества, скорее всего, представителей правящей верхушки и членов их семей. В целом же этот вид украшений не был распространен у боспорян, что подтверждается отсутствием браслетов в других, как мужских, так и женских погребениях боспорского некрополя данного времени (например, склепы 154, 165, 179 и др.).

То же можно сказать и относительно украшений кочевнической знати гуннской эпохи Северного Причерноморья. Женские «степные» украшения состояли из диадем, колтов-височных подвесок и нагрудных украшений «кулонов» (Засецкая 2001. С. 3–56). Для них не характерны ни металлические браслеты, ни фибулы. В мужских погребениях с погребальным инвентарем типа Новогригорьевки, в которых были похоронены воины-всадники эпохи Атиллы, браслеты также не были найдены. Браслеты неизвестны и в аналогичных комплексах Подунавья, которые на этой территории появляются в результате завоевания Карпатского бассейна гуннами под предводительством Атиллы (сводные работы: Засецкая 1994; Alfoldi 1932; Werner 1956; Tomka 1986; Anke 1998; Zaseckaja 1999; Вона 2002). Хотелось бы также обратить внимание на оригинальную находку из разрушенного погребения в местечке Кучугуры у г. Алешки Херсонской области. Здесь было найдено золотое подковообразной формы кольцо из круглой в сечении массивной проволоки с расширенными несомкнутыми концами (Засецкая 1975. Кат. 55; Засецкая 1994. Табл. 15, 12). Кольцо напоминает в уменьшенном виде браслеты с раструбами на концах. Интересно отметить, что оно даже деформировано так же, как некоторые

из них. Однако, учитывая его размеры (диаметр по внешнему абрису равен 2,9 см, а по внутреннему – 2,3 см), данный предмет не мог использоваться в качестве браслета. Возможно, это кольцо являлось своеобразным символом, заменяющим оригинал.

Как уже отмечалось выше, золотые браслеты с раструбообразными концами также представлены в варварских мужских погребениях знатных воинов – военачальников, предводителей войска, возможно, местных правителей постгуннского периода (D3, 450–480/490). Это – широко известные богатые комплексы, такие как, например, Блучина, Апахида 1, Пуан, Турнэ (могила франкского короля Хильдерика), а также погребение мальчика-подростка в Гроссернер (Wührer 2000. Kat. 27, 107, 222, 589, 640, 642; L'Or des princes barbares 2000. Cat. 3, 27, 30, 33, 34) (рис. 16, 6–8, 11; 17, 2). Обращает на себя внимание тенденция к увеличению веса браслетов данного периода по сравнению с изделиями предшествующего времени (Werner 1980. Tabl. 1).

Подобные браслеты, как было отмечено некоторыми исследователями (Kuhlberg 1986. P. 66; Wührer 2000. S. 13), найдены и в ряде женских погребений, которые датируются в пределах конца V – первой половины VI в. Один золотой браслет, местоположение которого, к сожалению, не указано, был найден в захоронении, обнаруженном у с. Берегово (ныне Западная Украина), которое Д. Чаллань датирует 454–472 гг. (Csallany 1961. S. 220, 329, Nr. 177. Taf. 204 b; Werner 1961. Taf. 17, 77; 42, 220, 221; 43, 222) (рис. 17, 5). Найденные в нем вещи относятся к изделиям, бытовавшим в основном во второй половине V в., не исключая самого начала VI в. Это ранние пальчатые фибулы, относящиеся, по мнению М. Менке, ко времени Одоакра (рис. 18, 1, 2) (Menke 1986. S. 245, 246); полые серьги с четырнадцатигранником, типичные для V – первой половины VI в. (рис. 18, 7, 8) (Bierbrauer 1975. S. 163–165); перстень с жуковиной в виде своеобразной розетки, имеющий наиболее близкую параллель в находках третьей четверти V в. из Бакодпушты (рис. 18, 5) (Fettich 1951. Taf. 18, 3); золотые бусы, датирующиеся второй половиной V – началом VI в. (рис. 18, 9) по находкам в погребениях Арси-Санте-Реститю 127, Домолошпушта и некоторых гепидских могилах (Vallet 1993. P. 112, 113); очень архаическая по форме птицевидная фибула (рис. 18, 3); наконец, глиняный кувшин типа Мурга (Csallany 1961. Taf. 218, 5), который, как убедительно показал Я. Тейрал, является хронологическим эталоном для периода D2/D3, (430/440–470/480) (Tejral 1988. S. 280).

Второе захоронение – это знаменитая могила франкской принцессы (530–540), обнаруженная под клиросом Кёльнского собора. Среди погребального инвентаря находилось несколько золотых монет византийских и остготских правителей. Среди них самой поздней была монета Юстина I (518–527), чеканенная, по-видимому, в 522 г. (Franken 1996. S. 932, 933. Taf. VI. 2. 4, Abb. 154). Отсюда же, как уже говорилось раньше, происходят: золотая цепь, типичная для раннесредневекового времени, золотые серьги с крупной четырнадцатигранной бусиной на конце, две пары фибул, исполненных в технике перепо-

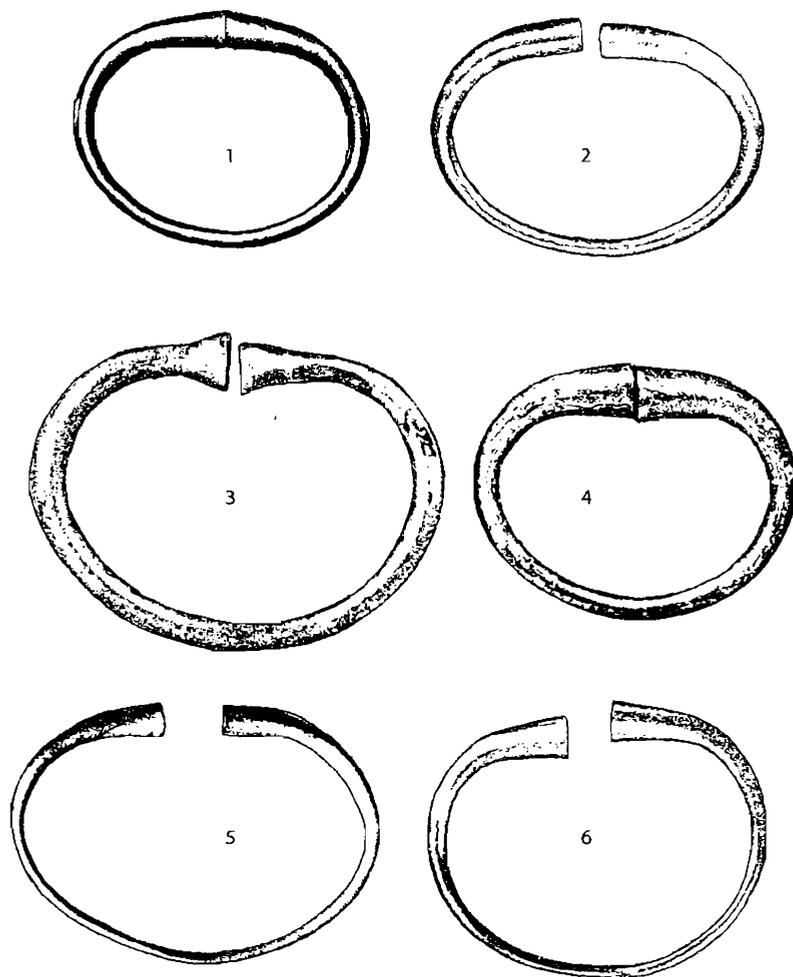

Рис. 17. Браслеты с раструбообразными расширениями на концах III – первой половины VI в. 1 – клад, Сирия; 2 – Апахида 1, Румыния; 3 – могильник Хажар ам-Дхайбийя, Хадремаут, Южный Йемен; 4 – могила 217, Кёльн, Германия; 5 – Берегово, Западная Украина; 6 – могила франкской принцессы, Кёльн, Германия

родчатой инкрустации меровингской эпохи. Найденный в погребении один экземпляр золотого браслета лежал на левой руке покойной (Doppelfeld 1960. Abb. 1, 7. Taf. 14, 15) (рис. 17, 6).

Еще один подобного рода серебряный браслет был обнаружен в могиле 217, расположенной в крытой галерее церкви св. Северина в Кёльне (Doppelfeld 1960. Taf. 27, 4). Браслет находился на левой руке погребенной (рис. 17, 4). В качестве датирующего материала могут служить фибулы и броши в виде фигурок птиц первой половины VI в. (Doppelfeld 1960. Taf. 26, 27; Werner 1961. Taf. 1, 4; 4, 12, 13; 8–12; 41–43). Как отмечает И. Вернер, кёльнские находки отражают франко-аламанский обычай носить один браслет на левой руке как

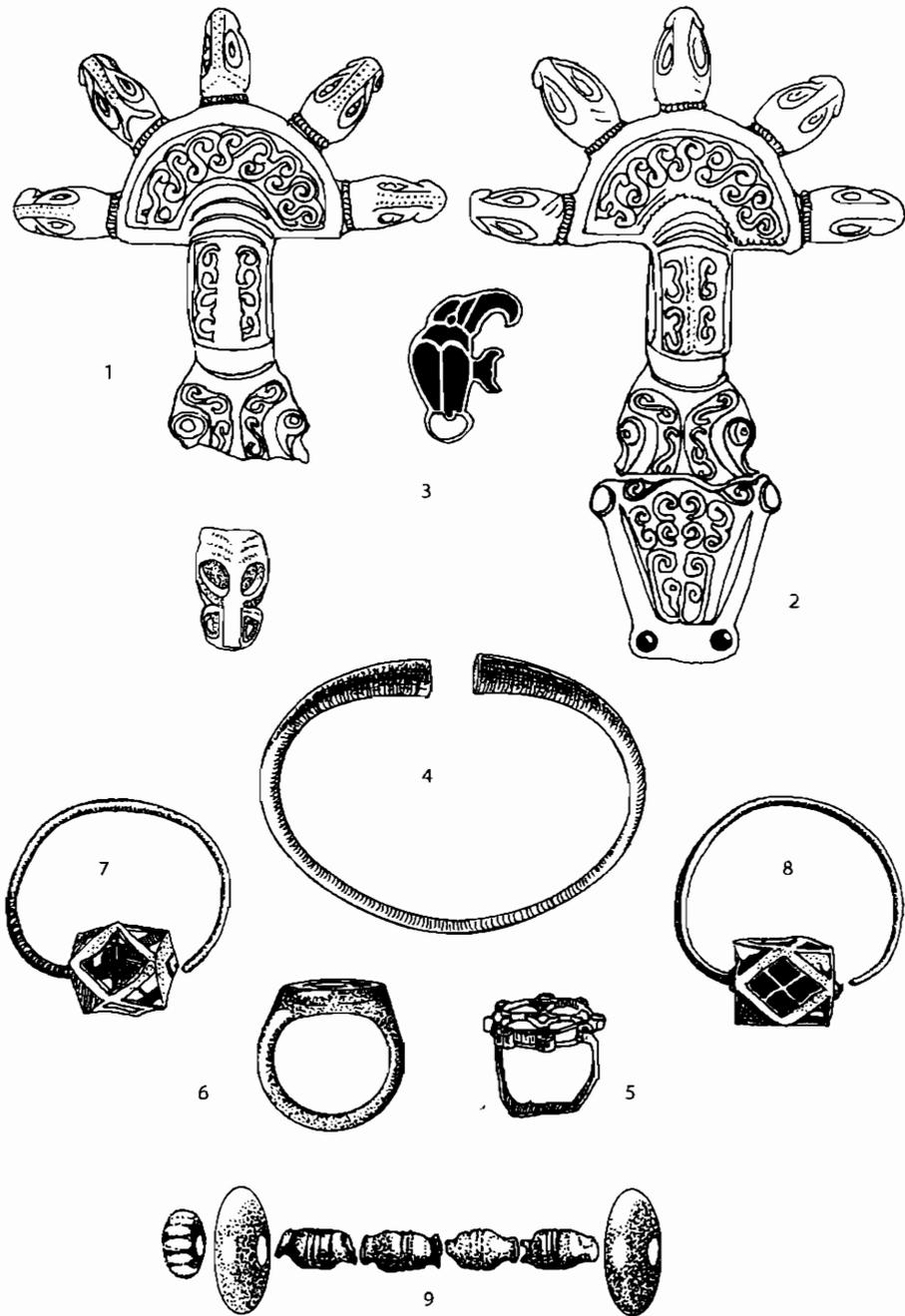

Рис. 18. Находки из погребения у с. Берегово, Западная Украина (по Arrhenius 1986)
1-2 - фибулы; 3 - накладка в виде фигурки птички; 4 - браслет; 5, 6 - перстни; 7, 8 - серьги;
9 - бусы

символ принадлежности к знатному роду. Возможно, эти находки объясняют широкое распространение более дешевых серебряных и бронзовых подражаний в аламанских, меровингских и тюрингских женских могилах второй половины V – первой половины VI в. (Werner 1980. S. 5, 14). Существование золотых браслетов с сильно расширенными концами в первой половине VI в. подтверждает и находка такого браслета в монетном кладе в Хельге, сформировавшемся в течение 509–519 гг. (Kyhberg 1986. P. 66, 68. Pl. 27, 1).

Для гуннской эпохи, конца IV – первой половины V в., пока известен лишь один случай нахождения золотого браслета с раструбообразными концами в женском погребении, которое было обнаружено у с. Регей в Венгрии (рис. 16, 3). Из этого захоронения происходят фибулы со вставками полудрагоценных камней, пряжка, исполненная в технике перегородчатой инкрустации, стеклянный сосуд с каплями синего стекла и др. (Bona 2002. Fig. 90–94). Погребальный инвентарь данного комплекса существенно отличается от набора украшений представительниц кочевой знати этого периода и, напротив, сближается с находками из женских захоронений Западной Европы горизонта Унтерзибенбрунн: Эран, Лебень, Хохфельден, Унтерзибенбрунн, Рабапордань и боспорского некрополя (Засецкая 1993; Kiss 1994. S. 167–204; Kazanski 1996. P. 109–126; Zaseckaja 1999).

В свою очередь следует заметить, что в отличие от указанных выше двух женских захоронений VI в., в которых было найдено по одному экземпляру браслетов, в погребении из Регей обнаружено два, но не парных браслета. Такое же явление наблюдается и в публикуемом комплексе погребения 2 Морского Чулека. Вообще же для женских погребений, как правило, характерно наличие двух экземпляров подобного рода украшений. В то время как во всех выше упомянутых мужских захоронениях представителей аристократии гуннского и постгуннского времени браслеты были представлены одним экземпляром.

Подобное обстоятельство можно объяснить разными причинами, например, отражением ритуального обряда или особым социальным статусом погребенного. Так, у германцев, по мнению И. Вернера, данные браслеты принадлежали прежде всего мужскому костюму. Они являлись символом королевского (княжеского) достоинства и существовали не позднее V в. (Werner 1980. S. 4, 5, 7, 23). Сакральная роль браслетов как таковых хорошо видна из произведений западноевропейского эпоса, где конунги одаривают своих приближенных золотыми кольцами-гривнами и запястьями-браслетами (Беовульф. 19). Однако распространение такого типа браслетов в Европе, возможно, объясняется также и этнокультурными традициями предшествующих эпох. В этой связи определенный интерес представляют более ранние находки подобных изделий в культуре сарматских племен. Так, например, золотой браслет с раструбообразными расширениями на концах был обнаружен в Прикубанье, на могильнике близ станицы Тифлисской в кургане 15, в котором был погребен воин-всадник (рис. 19, 1).

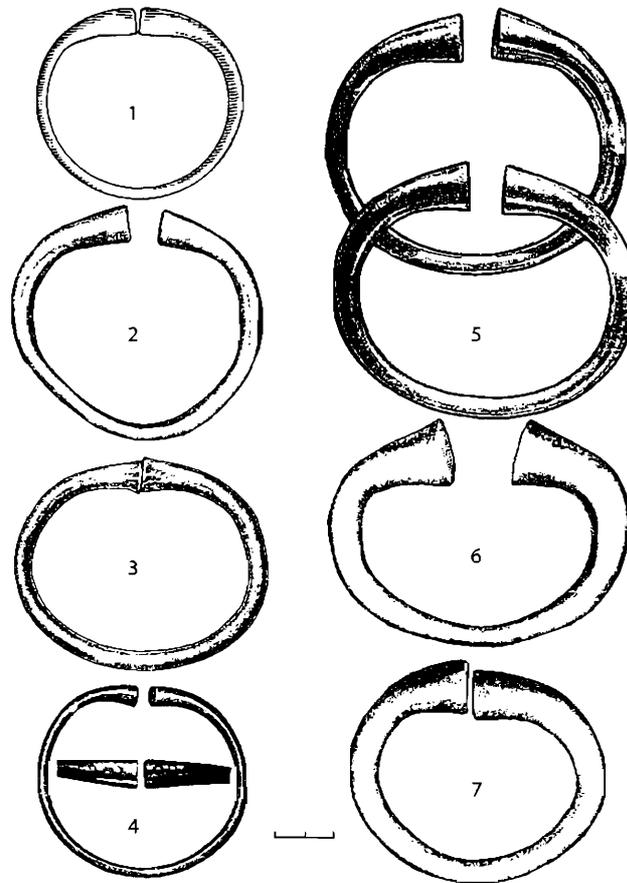

Рис. 19. Золотые браслеты с раструбообразными расширениями на концах I–II вв.
 1 – курган 15, станица Тифлисская, Прикубанье; 2 – курган 12, с. Никольское, Нижнее Поволжье; 3 – курган, с. Пороги, Винницкая область; 4 – случайная находка 1857 г., Керчь; 5 – могила 3, Тилля-Тепе, Афганистан; 6, 7 – клад на Дельверзин-Тепе, Фергана

Н. И. Веселовский, автор раскопок кургана, указывает в своем отчете, что браслет лежал на запястье правой руки умершего (Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 93/1902). Погребение отличалось богатством инвентаря и принадлежало несомненно представителю знати. Вместе с браслетом здесь были найдены золотые гривна и ножная цепь, импортная серебряная и бронзовая посуда, а также оружие и предметы конского снаряжения. Датировка погребения – вторая половина I в. (Гущина, Засецкая 1994. С. 58, 59, 92. Кат. 261–284).

Другая находка браслета с раструбами, также относящаяся к I в., происходит из Нижнего Поволжья. В 1965 г. при раскопках могильника близ с. Никольское Астраханской области было открыто богатое мужское погребение. Как и в первом случае, здесь был найден один экземпляр золотого браслета, лежащего на запястье правой руки погребенного (Засецкая 1979. С. 110. Рис. 21) (рис. 19, 2).

Вновь подобный браслет был зафиксирован в богатейшем мужском погребении второй половины I в., обнаруженном в 1984 г. в кургане эпохи бронзы у с. Пороги Винницкой области (рис. 19, 3). В отличие от предыдущих находок браслет находился на запястье не правой, а левой руки. Вещевой комплекс данного погребения, в составе которого обнаружены разнообразные золотые изделия – гривна, пластины и бляхи от пояса и портупеи, накладки от ножен кинжала, серебряные пряжки от обуви, серебряный кубок с ручкой в виде животного и др. – свидетельствует о высоком социальном статусе покойного. Кроме того, на привилегированное положение умершего и, возможно, как предполагают авторы публикации этого памятника, на принадлежность его к царскому роду, указывают тамги сарматского царя Инисмея, обнаруженные на дне сосуда и на поясных накладках (Симоненко, Лобай 1991. С. 62–76).

Вероятно, к этому же времени (I в.) относится еще один золотой браслет из подкурганного захоронения, найденного в 1857 г. в Керчи (ЗРАО. 1898. X/1–2. С. 367, 368; Germanen 1987. S. 108. Kat. I, 14). На обоих концах браслета имеются нанесенные пунсоном знаки, более всего напоминающие тамги сарматского царя Инисмея (ср.: Драчук 1975. Табл. 11, 864 б; Симоненко, Лобай 1991. Рис. 33; последняя сводка: Яценко 2001), но они также близки серии анонимных тамг, происходящих в основном с территории Боспорского царства (рис. 19, 4) (Драчук 1975. Табл. 11, 862, 863, 865), реже из Ольвии (Драчук 1975. Табл. 11, 867) и Юго-Западного Крыма (Драчук 1975. Табл. 11, 866). Появление подобных браслетов в понтийском регионе совпадает с начавшимся на рубеже нашей эры процессом сарматизации боспорской культуры. Вожди местных племен, обитавших в степях Северного Причерноморья, державшие в своих руках всю торговлю с греческими городами и связанные общими интересами с боспорской знатью, начинают сливаться с ней, образуя господствующий слой населения Боспора. Даже правителями Боспорского царства становятся подчас выходцы из сарматской среды, о чем свидетельствуют имена царей иранского происхождения, такие как Савромат, Аспург, Ремиталк, Фарзанз и др. (Гайдукевич 1949. С. 319–348).

Золотые браслеты с раструбообразными расширениями на концах, найденные в памятниках сарматской культуры первого века, сближаются с аналогичными изделиями из погребений эпохи переселения народов не только формой, размерами и другими морфологическими признаками, но и некоторыми особенностями их нахождения. Во-первых, как мы видели, они чаще всего встречаются в могилах, в которых были похоронены мужчины-воины, представители знати. Во-вторых, как правило, у погребенного находился только один экземпляр браслета. В женских сарматских погребениях подобной формы браслеты до сих пор неизвестны. В тех же случаях, когда костюм знатной персоны женского пола дополняли золотые браслеты, они были другого вида, всегда в двух экземплярах и чаще всего парные.

Уникальные находки подобного вида браслетов происходят из царских гробниц, открытых в 1978 г. на Тилля-Тепе в Афганистане. Из раскопанных

там шести могил – пять принадлежали женским захоронениям и одно, погребение 4, мужское. Все интересующие нас браслеты были найдены в женских погребениях 2, 3, 5, 6 (Sarianidi 1985. P. 235. Cat. 33; P. 238. Cat. 17; P. 252. Cat. 4; P. 256. Cat. 16). Исключение составляет погребение 1, в котором данный вид украшения вообще отсутствует. Но в отличие от находок из сарматских памятников и комплексов эпохи переселения народов в гробницах из Тилля-Тепе подобные браслеты в основном представлены массивными ножными экземплярами большего диаметра (9–9,5 см) (рис. 19, 5). Лишь в одном случае, в погребении 3, были найдены ручные браслеты той же формы, что и ножные (Сарианиди 1983. Рис. 26; Sarianidi 1985. P. 238. Cat. 17). Из этого же погребения происходят два парных браслета диаметром 2,2 см, полностью повторяющие в миниатюре форму ножных браслетов. Один из них находился в области грудной клетки, под китайским зеркалом, другой – около стопы погребенного. Их назначение пока остается неясным (Сарианиди 1983. С. 52; Sarianidi 1985. P. 86, 31, 245. Cat. 75).

Найденные в мужском погребении 4 парных золотых браслета, лежали на запястьях покойного. Они отличаются от подобных женских украшений. Они сделаны из менее массивного дрота, прямоугольного в сечении, более легкие по весу и, хотя концы их расширены, но не имеют той особой, раструбообразной формы (Sarianidi 1985. P. 249. Cat. 21).

Некрополь на Тилля-Тепе, как полагает автор раскопок и публикации этого выдающегося памятника В. И. Сарианиди, принадлежит кушанам-юеджи и датируется на основании найденных в нем монет и «еще большей степени китайских зеркал» рубежом нашей эры (Сарианиди 1983. С. 147).

Кроме находок из погребальных комплексов известны еще три экземпляра рассматриваемых браслетов, обнаруженные вместе с гривной и другими золотыми предметами на Дельверзин-Тепе в Ферганской долине (рис. 19, 6, 7). Вещи, предварительно вложенные в глиняный кувшин, были спрятаны их владельцем под полом маленькой комнаты в доме ДТ-5, помещении 13 (Пугаченкова 1978. С. 87, 91. Кат. 73, 76). Браслеты по форме и величине раструбов аналогичны браслетам из Тилля-Тепе, при этом, возможно, один из них, судя по большому диаметру – 9,6 см, мог быть ножным. Автор публикации клада Г. А. Пугаченкова датирует найденные в нем украшения второй половиной I в.

Вероятно, аналогичного назначения браслеты, т. е. украшавшие щиколотки ног, были найдены при раскопках древнего города Сиркапа в Северном Пакистане. Они, как и браслеты из Тилля-Тепе, имели крупные размеры и ярко выраженные раструбообразные окончания шириной до 2 см. Однако в техническом отношении они отличались от тиллятепинских изделий. Некоторые из них были сделаны из цельных, сравнительно толстых дротов, другие – из двух полых спаянных половин, кованных из золотого или серебряного листа, заполненных внутри беловато-серой массой. Все эти находки происходят из кладов, спрятанных в стене или в полу дома, иногда предварительно сложенных в глиняные сосуды, и относятся к первой половине – середине I в., т. е. ко

времени, предшествующему нашествию кушан в 60 г. (Marshall 1951. P. 155–160. Pl. 195. Cat. 116–121, 125–132). Интересно, что браслеты такого типа до сих пор существуют в мужском уборе в деревнях Северной Индии (Chandra 1979. P. 63). Можно предположить, что Средневосточный регион – Фергана, Афганистан, Северный Пакистан являются зоной, где, вероятно, сформировался тип браслетов с расширенными в виде раструбов концами, поскольку именно отсюда происходят наиболее ранние образцы этих украшений. К сарматам они могли попасть в результате миграции среднеазиатских кочевых племен, скорее всего аланов, бывших массагетов, во второй половине I в., в качестве престижной детали костюма. Именно к этому времени в волго-донском регионе появляются богатые могилы со специфическим обрядом погребения и особым набором вещей, часть из которых находит прямые аналогии в древностях царских гробниц Тилля-Тепе в Афганистане. Прежде всего, следует отметить присутствие в этих памятниках в качестве постоянной части погребального инвентаря золотых украшений так называемого сарматского звериного полихромного стиля, для которого характерны изображения зверей, орнаментированных вставками бирюзы и коралла. Одежда умерших, как правило, была богато расшита разнообразными золотыми бляшками. Среди находок нередко встречаются китайские зеркала, кинжалы в ножнах оригинальной формы с четырьмя выступами, трехлопастные железные наконечники стрел с уступом центрально-азиатского происхождения и другие находки восточного характера (Засецкая 1980. С. 46–55; 1989. С. 35–47; Раев 1985. С. 126–131; 1989. С. 116–117; Симоненко, Лобай 1991; Беспалый 1992. С. 175–191; Прохорова, Гугуев 1992. С. 142–161).

Однако возможен и еще один путь распространения на Запад средневосточных браслетов с расширенными концами. Два таких браслета из серебра были обнаружены в «княжеской» могиле III – самого начала IV в. на могильнике Хажар ам-Дхайбийя, раскопанной и опубликованной франко-йеменской экспедицией в Хадрамауте (Breton, Abd Al-Qadir Bafaqih 1993. Pl. 12. Fig. 29, 30) (рис. 17, 3). Хадрамаут, как и все южное побережье Аравийского полуострова, находится на морской трассе Индия – Красное море. Недаром в вышеуказанном погребении хорошо представлена римская стеклянная и бронзовая посуда (Koltes 1993; Tassinari 1993; Varatte 1993), и одновременно южно-индийская по происхождению алебарда (Kazanski 1993. P. 57). Неудивительно, что впоследствии, как мы увидим, золотые браслеты с расширенными концами появляются в Византии.

Вероятно, в рамках сарматско-германских контактов (о них см. в частности Šćukin 1993; Shchukin 1994; Щукин 2000) подобный тип браслетов попадает к германцам и становится там частью престижного княжеского убора. Здесь они засвидетельствованы в знатных могилах III – начала IV в. в Дании, Северной Германии, Польше – в пшеворском и вельбарском ареалах, а также в Карпатском бассейне на территории Словакии (Werner 1980. S. 10, 11, 14–22; Von Carnap-Bornheim, Ilkjaer 1996. S. 360–365). Германцы носили их по одному

на правой руке (Werner 1980. Fig 10). Вес браслетов колеблется от 72, 5 до 235 г (Werner 1980. S. 15. Tab. 3). В дальнейшем, в течение IV в. (320–380) золотые браслеты с расширенными концами у германцев не известны, но, возможно, это связано с полным отсутствием на сегодняшний день «княжеских» германских могил этого времени. И вновь они появляются, как мы видели выше, в V в., в гуннскую и, особенно, в постгуннскую эпохи.

В это время они распространялись не только в германской среде. Как уже отмечалось в литературе, часть этих браслетов имеет византийское происхождение (Kazanski, Périn 1988. P. 24. Fig. 9, 4; Arrhenius 1990. P. 129. Fig. 6, 10; Wührer 2000. S. 13. Kat. 666). Один такой браслет найден в Сирии, в составе клада украшений, где в застезжки некоторых ювелирных изделий были вставлены монеты византийских императоров – Зенона, Анастасия и Юстиниана I (Ross 1965. Kat. 179; браслет – Pl. 96 G) (рис. 17, 1). Однако поскольку в состав клада входят вещи разного времени с V по VII в. и неизвестны обстоятельства нахождения клада, его однородность вызывает сомнения. Вполне возможно, что, как это нередко бывает, клад составлен торговцами из разновременных предметов, чтобы поднять цену. Но для нас в данном случае важно его сирийское (во всяком случае, византийское) происхождение.

Одна из проблем, касающаяся золотых браслетов с раструбообразными расширениями на концах, связана с определением центра и способа их изготовления. Некоторые исследователи полагают, что браслеты делались из римских солидов (Werner 1980; Kuhlberg 1986). Это мнение оспорено Б. Аррениус, которая отметила разницу в составе металла солидов и браслетов (Arrhenius 1990. P. 129). Она полагает, что подобные браслеты производились гуннскими и германскими мастерами. Такое заключение представляется сомнительным, если учесть, что в кочевнических погребениях гуннской эпохи, как мы показали выше, подобный вид украшений вообще отсутствует. Присутствие же в Европе местных, в том числе и германских, мастерских, на наш взгляд, вполне может соответствовать действительности, так же как и изготовление браслетов из римских солидов. При переплавке металлических изделий, в том числе и золотых, полученные новые предметы почти никогда не совпадают по составу металла с вещами, которые послужили материалом для их выполнения¹³. В связи с вопросом использования золотых монет в производстве браслетов особый интерес вызывает замечание в «Песни о Хильдебранде» о том, что «подарочные» браслеты изготовлялись из имперских монет, некогда пожалованных королем гуннов (Kuhlberg 1986. P. 71). Вместе с тем, как уже подчеркивалось выше, другим и, вероятно, главным центром, где производились не только браслеты, но и иные престижные украшения эпохи переселения народов, была Византия. В качестве доказательства можно отметить

¹³ Вывод о том, что при изготовлении вещей из золота переплавленных предметов, полученные новые изделия по составу металла не совпадают с их источником, сделан на основании консультации с ведущим сотрудником Отдела археологии Государственного Эрмитажа Р. С. Минасяном, специалистом по технологии металлических изделий и, в частности, золотых ювелирных украшений.

наличие латинской надписи с содержанием весовых данных на втором золотом браслете из Морского Чулека (табл. III, 6, 6а, 6б).

Рассмотренный здесь браслет с растругообразными расширениями на концах из погребения 2 Морского Чулека ближе всего по форме, размерам и весу относится к золотым массивным браслетам из привилегированных захоронений Западной и Центральной Европы постгуннского периода (D 3, 450–480/490). Вероятно, этим же временем следует датировать и приазовский экземпляр этого рода украшений.

Украшения конской упряжи

Набор № 1 византийского происхождения | Кат. 15–18. Табл. IV–VII |

В погребении 2, как отмечено выше, обнаружены золотые изделия конской сбруи. Среди них выделяется серия предметов, представляющих единый комплект украшений сбруйных ремней, о чем свидетельствуют их технологические и стилистические особенности. Набор состоит из семи круглых фаларов (из них четыре более крупные и три меньшего размера), пяти фигурных блях и двух ворворок. Все украшения изготовлены из золота 850 пробы и инкрустированы фигурными пластинками альмандина, а также круглыми и овальными вставками из лазурита, сплошь покрывающими поверхность предмета. Альмандиновые вставки бледно-красного цвета, большинство вставок – пластинки с прямыми и слегка скошенными краями, толщиной 1,7–2,2 мм, остальные – в виде высоких и низких кабошонов. Последние, как правило, помещались в центре композиции. Под всеми вставками находился «цемент» или, судя по виду, оловянистый сплав толщиной около 2–3 мм, который заливался в гнезда непосредственно перед размещением в них полудрагоценных камней. Следов подкладок из золотой фольги на цементе под вставками не обнаружено, что отличает данные изделия от большинства синхронных, широко известных украшений, исполненных в подобном полихромном стиле. Основу фаларов составляют объемные каркасы из спаянных между собой узких пластин, которые образуют контуры гнезд-ячеек. Обрат изделий закрыт тонкой золотой фольгой, удерживающей залитый в гнезда «цемент» (рис. 20).

Ближайшие аналогии чулекским круглым фаларам происходят из погребения гепидского могильника Апахида 2 в Румынии, в котором был найден богатый убор конской упряжи, представленный разнообразными по форме и размерам бляхами и накладками (Horedt, Protase 1972; Harhoiu 1998. Pl. 63, 65, 66; L'Or des princes barbares 2000. Cat. 29–38). Для нас наибольший интерес представляют круглые бляхи, среди которых выделяются более крупные – 6,2–6,3 см в диаметре и более мелкие диаметром 4,3 и 3,2 см, аналогичные чулекским не только по форме и стилю декора, но отчасти и по конструктивным и технологическим особенностям (рис. 21, 1, 2). Бляхи из Апахиды, как и фалары из Морского Чулека, состоят из двух частей – плоского широкого кольца и умбоновидной выпуклости в центре. При этом инкрустация

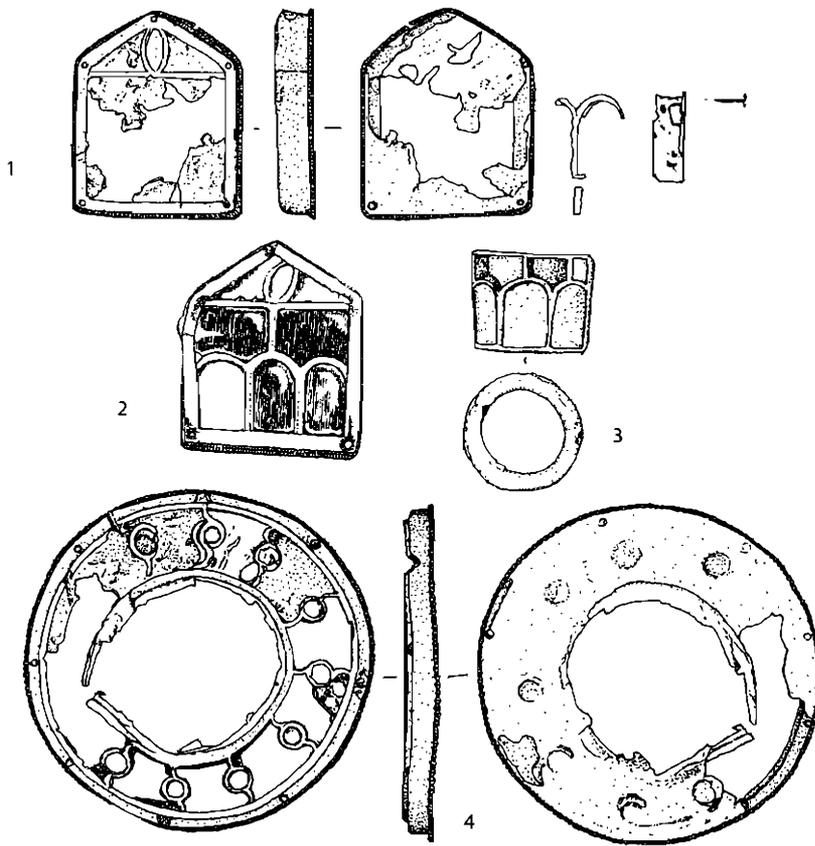

Рис. 20. Предметы из набора №1 конской упряжи из погребения 2, Морской Чулек
1–2 – пятиугольные бляхи; 3 – ворворка; 4 – круглая бляха (лицевая и оборотная стороны)

из фигурных пластин альмандина на выпуклой части более крупных блях создает узор в виде десятилепестковой розетки, подобный декору на чулекских изделиях. И так же как последние, находки из Апахиды характеризуются наличием ажурного объемного каркаса из спаянных между собой узких золотых полосок, образующих гнезда-ячейки, заполненные «цементом». Они, в отличие от чулекских, напаяны на нижнюю пластину, вырезанную не из фольги, а из золотого листа. Кроме того, изделия из Апахиды отличаются отсутствием вставок из лазурита и филигранных ободков на большинстве из них, а также своеобразием композиции на широкой части обоих видов блях и на умбовоидных выпуклостях малых блях. Наверху малые фалары украшены круглым гнездом и радиально расходящимися от него восемью трапециевидными ячейками со вставками гранатовых пластинок (рис. 21, 2). Широкая часть крупных блях украшена двумя поясками вставок из фигурных гранатовых пластинок, причем внешний поясик, возможно, воспроизводит очень схематично головы птиц. Подобный же поясик окаймляет

центральную часть на малых бляхах. Образ хищной птицы в виде птичьих голов и целых фигур представлен на многих предметах конского снаряжения из погребального комплекса Апахиды 2, что может свидетельствовать об особой роли данного персонажа в идеологических представлениях гепидской знати (Ахмедов 2002. С. 31–35; Akhmedov 2002. S. 25, ср. Nagy 2002) (рис. 21, 3, 4)¹⁴. Бляхи крепились к ремням или другой основе, как и чулекские, при помощи восьми штифтов, которые, однако, вставлялись не в простые отверстия, а в специальные цилиндрические трубочки, согнутые из золотых пластинок и припаянные к боковым стенкам гнезд.

Тем не менее, бесспорная близость находок из Морского Чулека к аналогичным вещам из Апахиды 2 позволяет решить ряд вопросов, касающихся датировки, происхождения и назначения чулекских изделий. Прежде всего, это обстоятельство доказывает принадлежность чулекских блях к украшениям конской сбруи. Кроме того, погребальный комплекс Апахиды 2, который все исследователи относят к периоду D 3 (450–480/490) на основании сопоставления его с древностями из могилы франкского короля Хильдерика, обнаруженной в бельгийском г. Турнэ (король был захоронен в 481 или в 482 г.), дает возможность с достаточной долей вероятности определить дату изготовления чулекских украшений, также в пределах периода D 3. Отмеченное выше тождество стилистических, конструктивных и технологических особенностей наборов конской упряжи из Апахиды и Морского Чулека позволяет рассматривать их как продукцию одного центра производства. Общий облик изделий, технология изготовления, характер инкрустации могут указывать на их византийское происхождение.

Шведская исследовательница Б. Аррениус в своей фундаментальной работе о меровингских украшениях, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, выделяет группу предметов со вставками, укрепленными на цементе, в том числе вещи из Апахиды 2 и могилы Хильдерика, которые она относит к деятельности ювелирных мастерских Константинополя. Спецификой этих мастерских было использование цемента на основе гипса (Arrhenius 1985. P. 100–113). Однако не исключено, что могли существовать и другие мастерские, в которых изготавливались вещи с перегородчатой инкрустацией на «цементе», например, в Равенне или при везиготском дворе

¹⁴ Не следует забывать, что сам по себе образ орла является римским символом. Птичья голова широко применялась в императорской символике поздней античности. Изображения орлов или орлиных голов имеются на рукоятях императорских и консульских позднеримских мечей (например: Kazanski, Périn 1988. Fig. 7, 1–3,5), чем они, кстати, отличаются от сасанидских (ср.: Overlaet 1989. Fig. 1, 4), на консульских жезлах (например: Grabar 1966. Fig. 106), щитах позднеримской армии (L'Or des princes barbares 2000. P. 22. Fol. 110 verso; P. 25. Fol. 74 verso), а также мраморных ранневизантийских капителях (Искусство Византии 1977. № 120). Птичьи головы хорошо известны и на средиземноморских изделиях стиля «клуазонне», например, на брошках (I Goti 1994. III, 38 с; Quast 1999. Abb. 3, 3), пряжках и конской упряжи (Kazanski, Mastykova 1999. P. 539, 540, 543). Считается, что орел связан в первую очередь с консульской символикой (Ross 1962. P. 77). Так что в случае Апахиды вполне возможен и хорошо известный у варваров феномен *imitatio imperii*, тем более, что орлиные головы известны не только у германцев, но и у других находившихся в контакте с Империей варваров, например у северокавказских алан (Kazanski, Mastykova 1999. Fig. 6, 3; 13, 3, 8, 9, 10, 14 и т. д.) или у гуннов (L'Or des princes barbares 2000. Cat. 19, 2).

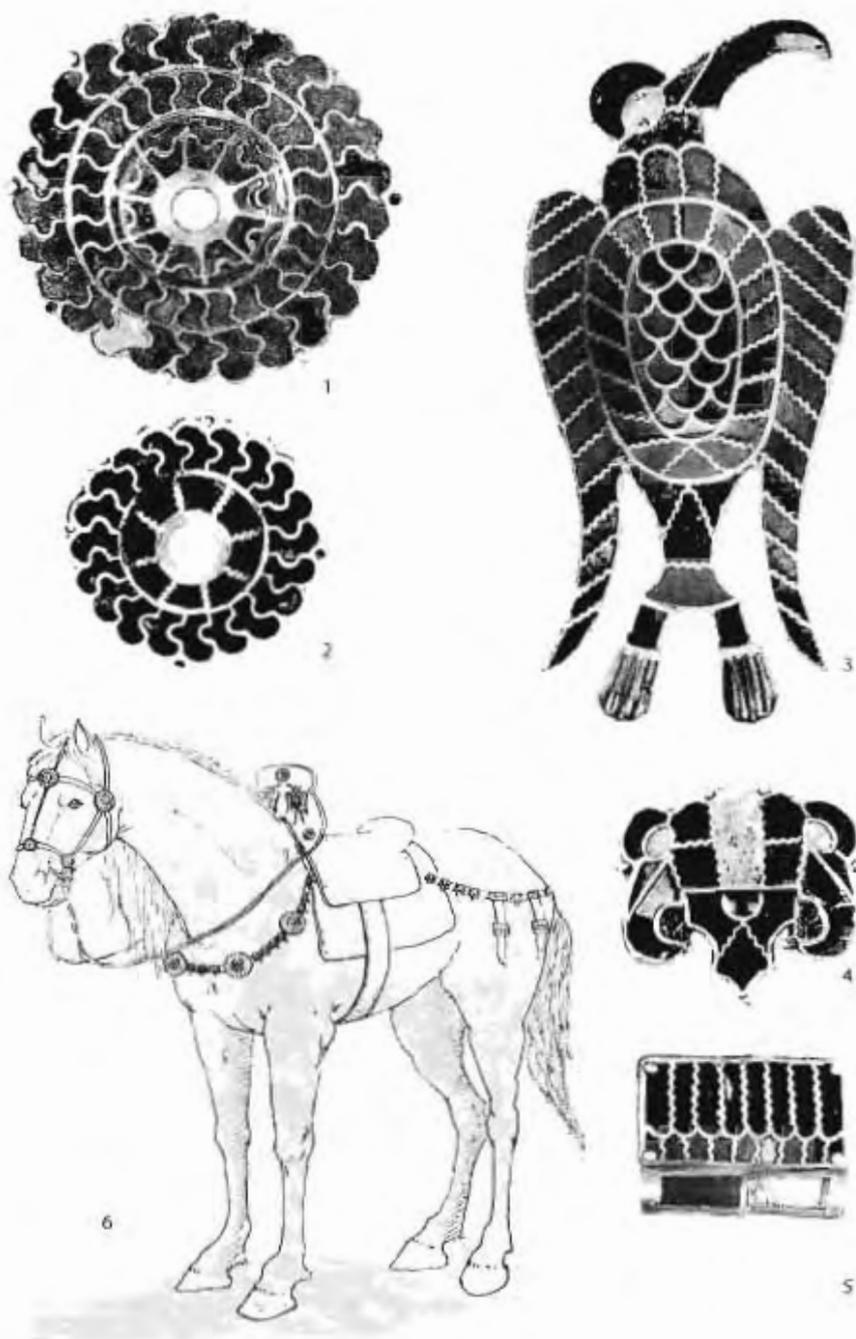

Рис. 21. Украшения конской упряжи из Апахиды 2 и ее реконструкция
1-2 - круглые фонари от уздечных и сбруйных ремней; 3 - седельная блиха - фигура орла; 4 - фигурная блиха от конской упряжи; 5 - наконечник ремня; 6 - реконструкция конской упряжи (все по Horedt, Protase 1972)

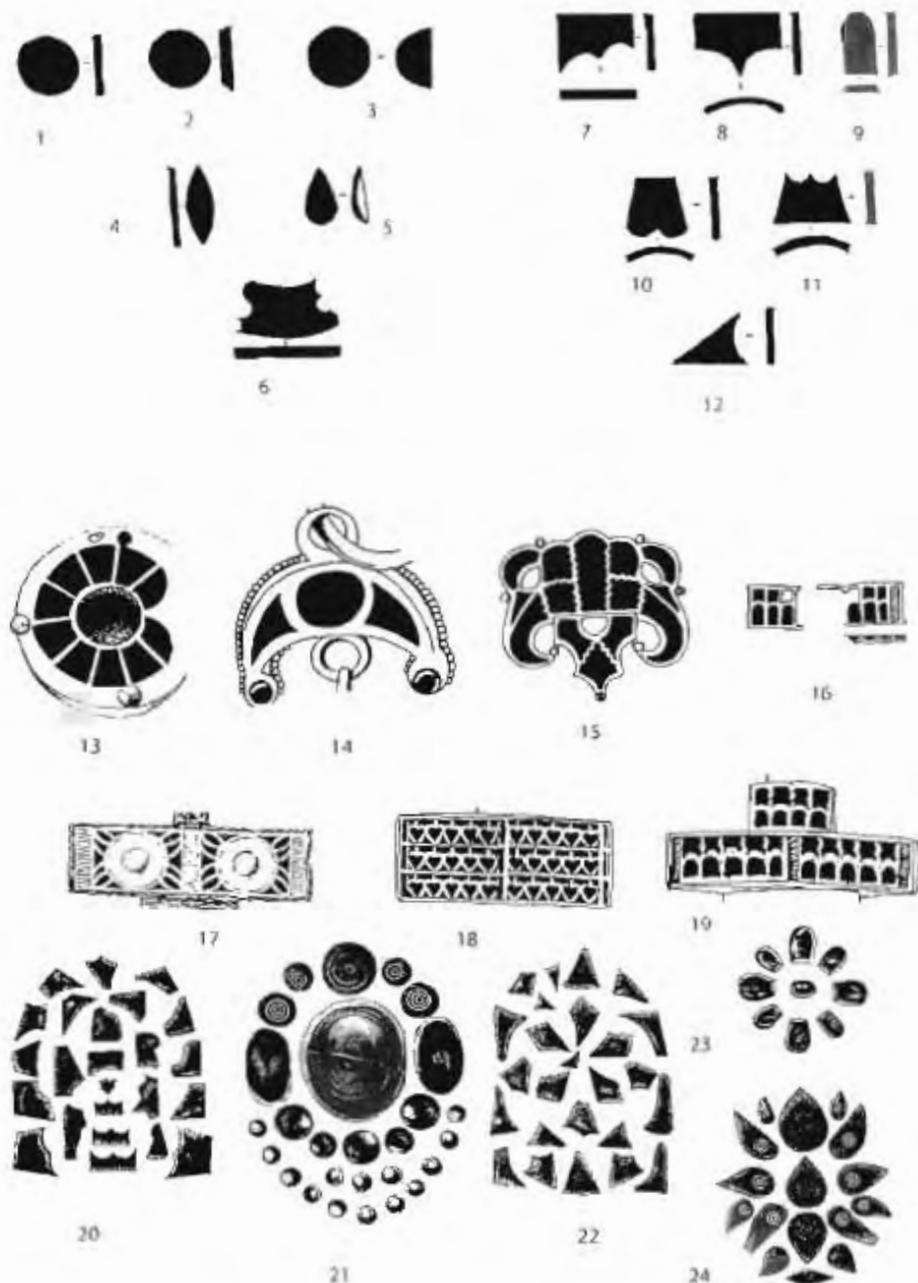

Рис. 22. Формы вставок на бляхах конской упряжи из Морского Чулука и их параллели
 1-12 - Морской Чулук; 13 - Венгрия; 14 - Ольвия (клад); 15 - Апахида 2, Румыния; 16 - погребение 179, Дворца, Северо-Восточное Причерноморье; 17 - погребение 10, Лермонтовская Скала 2, Северный Кавказ; 18 - Альгиюсгейм, Германия; 19 - Дмитриевка, Северное Приазовье; 20-21 - Петрисса, Румыния (13-15, 20-24 по Arghenteu 1983; 16-19 по Kazanski 2001)

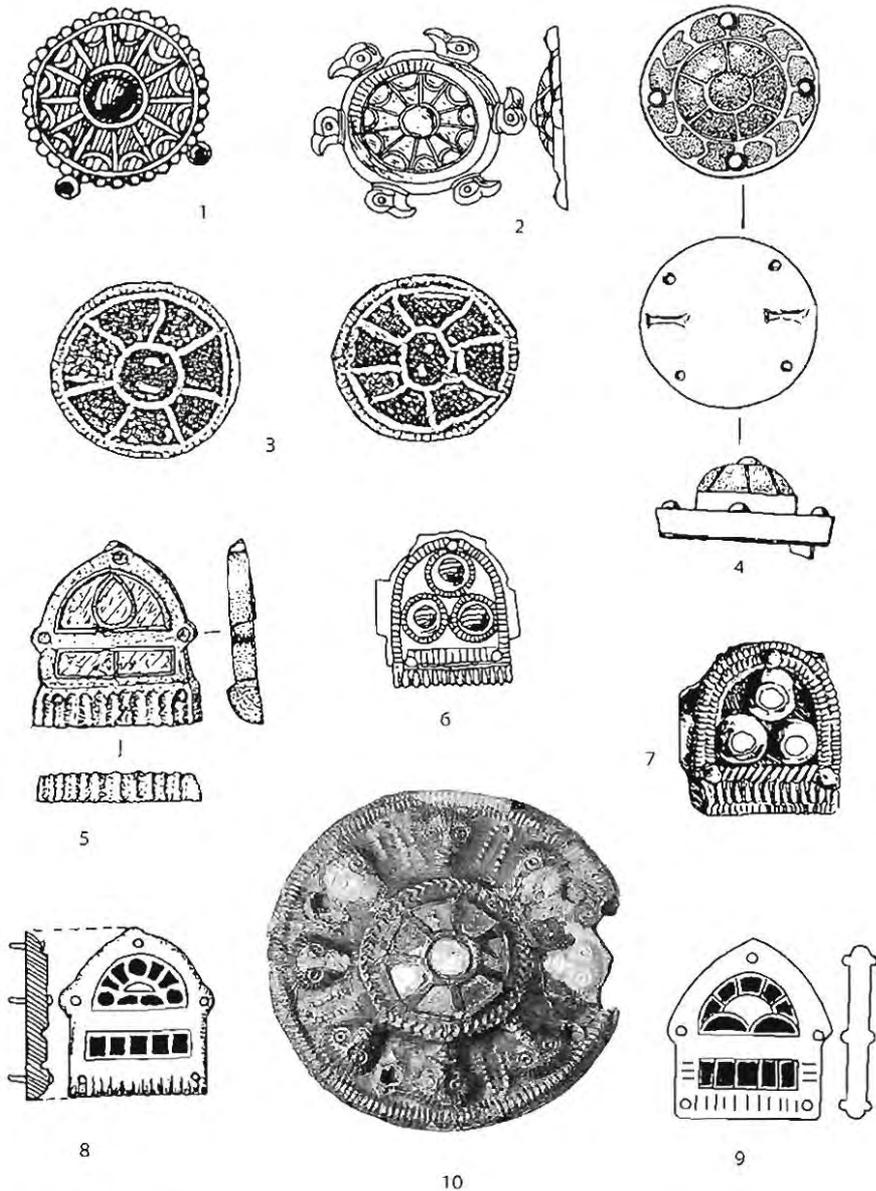

Рис. 23. Бляшки и фибулы, украшенные в технике перегородчатой инкрустации

1 – бляшка из находки 1886 г. вблизи с. Былым (Кудинетово), Терская область; 2 – фибула-брошь, некрополь Гижгид-Песчанка, Кабардино-Балкария; 3 – две бляшки из погребения, Брут Северный Кавказ; 4 – фибула-брошь, погребение 18. некрополь Френувилль, Франция; 5 – накладка, Прикубанье (?), коллекция Еврейского университета в Москве; 6 – накладка, Сахарная Головка, Крым; 7 – накладка, случайная находка, Керчь; 8 – накладка, погребение 10, Лермонтовская Скала 2, Северный Кавказ; 9 – накладка, погребение 6, Лермонтовская Скала 1, Северный Кавказ; 10 – бляха-брошь, с. Комунта, Северный Кавказ, собрание Дзелихова (6 по Амброзу 1989; 7 по Posta 1905; 8 по Руничу 1976; 9 по Абрамовой 1997)

(Kazanski, Périn 1996. P. 203–209; Kazanski, Mastykova, Périn, 2002. P. 160). В целом же средиземноморское происхождение большинства украшений, исполненных в стиле «клуазонне», представляется достаточно обоснованным.

Параллели перегородчатой инкрустации на чулехских предметах встречаются не только в Апахиде, но и на других изделиях средиземноморской группы V – первой половины VI в. (Засецкая 1982; Adams 2000. S. 40; Kazanski 2001. P. 406–408; Kazanski, Mastykova, Périn 2002. P. 159, 160), что проявляется, в частности, в формах вставок. Так, например, вставки в виде сердечка присутствуют на изделиях из Петроссы, Альглюсхейма, Апахиды 2, Керчи, Тунизы, Трессана, Шимлеул-Сильванеи (Arrhenius 1985. Fig. 33, f, 107, 122; Kazanski 1994. Fig. 7, 1, 8, 5, 6; Harhoiu 1998. Taf. 24, 26, 27; Zaseckaja 1999. Fig. 2, 3), в форме «трезубца» – из Петроссы, Реастана, Альглюсхейма (Arrhenius 1985. Fig. 33 o, 105; Kazanski 2001. Fig. 1, 4), аркообразные – из Дюрсо, Дмитриевки, Доманьяно, Апахиды 2, Кютри (Horedt, Protase 1972. Taf. 48, 6–9; Arrhenius 1985. Fig. 133; Legoux, Lieger 1989. P. 120, № 859, 1; I Goti a San Marino 1995. Fig. 7; Kazanski 2001. Fig. 1, 6, 7; Adams 2000. Pl. X, 2). Одним из общих признаков также можно отметить наличие S-образных перегородок на предметах из Турнэ, Апахиды 2, Блучины, Десаны, Аловеры, Кастельсаграта и др. (Arrhenius 1985. Fig. 106, 116, 129, 131, 134, 188; I Goti 1994. Fig. IV, 28, 45) (рис. 22). Все эти декоративные элементы типичны для украшений, исполненных в технике перегородчатой инкрустации, которые бытовали как в гуннское, так и в постгуннское время.

Композиция, аналогичная узору на умбоновидной части круглых блях конских наборов из Апахиды и Морского Чулека, украшает золотую бляшку из находки (кургана?¹⁵) 1886 г. близ с. Былым (Кудинетово) Терской области¹⁶ (Толстой, Кондаков 1897. С. 143. Рис. 173; Казанский, Мастыкова 2001. Рис. 9, б). Бляшка сделана в той же технике, что и бляхи из обоих указанных выше комплексов. Декор бляшки, основу которого представляет двенадцатилепестковая розетка, состоит из круглого гнезда со вставкой гранатового кабошона в центре, окруженного ободком из рубчатой проволоки, и радиально расходящихся от него гнезд трапециевидной формы, имитирующих лепестки розетки. Нижняя часть гнезд в виде полукружий образована дуговидными перегородками. Все вставки, кроме центральной, состоят из плоских фигурных пластинок альмандина или красного стекла (рис. 23, 1).

Аналогичная орнаментальная композиция украшает также фибулу-брошь средиземноморского происхождения, обнаруженную близ некрополя Гижгид-Песчанка из Кабардино-Балкарии. Но, в отличие от кудинетовской находки, последняя украшена шестью головками хищной птицы, расположенными по краю бляхи (Казанский, Мастыкова 2001. С. 148. Рис. 9, 16) (рис. 23, 2). Подобная брошь с птичьими головами по краю происходит из каменной гробницы,

¹⁵ Золотые вещи, как происходящие из кургана, поступили в Археологическую комиссию в 1886 г. (ОАК 1882–1888. С. 156). Н. Феттих указывает для этих находок курган 14 (Fettich 1953. Pl. 39).

¹⁶ Бляха хранится в собрании Государственного Эрмитажа в Отделе Востока.

обнаруженной в 1972 г. вблизи с. Хоргон (у с. Кумбулты) в Северной Осетии. Эта фигурная бляшка состоит из гладкой бронзовой пластины-основания и верхней умбоновидной части в виде ажурного каркаса из узких золотых пластинок-перегородок, образующих гнезда-ячейки для вставок. В центре бляшка украшена выпуклым гранатом, остальные вставки плоские из красного стекла. Бронзовая нижняя пластинка соединена с верхней конструкцией фибулы при помощи маленьких гвоздиков, расположенных по краю, при этом шляпки гвоздей имитируют глаза птиц. Промежуток между основанием и каркасом заполнен мастикой. На оборотной стороне бляшки сохранились остатки застежки¹⁷.

Также близка фаларам Апахиды 2 фибула-брошь, изготовленная из позолоченной бронзы и инкрустированная гранатами, которая была найдена в погребении 18 нормандского некрополя Френувилль, департамент Кальвадос, Франция, (Pilet 1980. Pl. 6, 18). Фибула в виде круглой бляхи диаметром 3 см с выпуклой полусферической центральной частью, в середине которой помещалась круглая вставка, окруженная шестью фигурными гнездами с пластинками граната и инкрустированным бортиком, имела на оборотной стороне четыре шпенька для крепления и в то же время остатки фибульной застежки (рис. 23, 4). Наличие шпеньков предусматривает прикрепление данного экземпляра к какому-то основанию намертво. Это обстоятельство позволяет предположить, что данный экземпляр, возможно, первоначально мог служить украшением конской узда, а использование его в качестве фибулы – явление вторичное (Pilet 2001. P. 425, 427. Fig. 8). Поэтому, несмотря на то, что могила 18 по наличию в ней пряжки со «щитовидным» основанием язычка (терминология германских и французских археологов) и крупной граненой бусины из горного хрусталя датируется в пределах 500–570 гг. (Kazanski, Mastykova, Périn 2002. P. 181), обнаруженную здесь бляху-фибулу следует относить к более раннему времени. Она вполне могла быть изготовлена в период между последней четвертью V и началом VI в.

Интересно отметить, что есть случаи и обратного явления, т. е. когда круглые фибулы служили украшением конской упряжи. Так, например, бляха, найденная у с. Комунта на Северном Кавказе (собрание Дзелихова), вероятнее всего, первоначально была брошью, на что указывают следы крепления петель или механизма застежки на оборотной стороне (рис. 23, 10). Позднее брошь, вероятно, была использована в качестве декоративной детали сбруи. Бляха из Комунты по изобразительной схеме и способу изготовления относится, как и вышеописанные предметы, к изделиям византийского круга. Она представляет собой конструкцию из серебряных пластин – верхней прессованной, с умбоновидной инкрустированной выпуклостью в центре и расположен-

¹⁷ Фибула-брошь не опубликована и хранится в собрании Государственного Эрмитажа в Отделе Востока. Сведения об этой находке нам любезно предоставила хранитель данной коллекции, ведущий научный сотрудник Отдела Востока А. А. Иерусалимская. Мы пользуемся случаем поблагодарить А. А. Иерусалимскую за помощь в нашем исследовании.

ными по кругу рельефными стилизованными изображениями человеческих лиц, и нижней – гладкой. Пластины соединены скрепками, пропущенными насквозь и разогнутыми на оборотной стороне бляхи. Пространство между пластинами заполнено белой массой – «цементом», приготовленным, вероятно, на основе гипса. Вставки крепились прямо на «цемент», без какой-либо подкладки¹⁸.

Вместе с тем, круглые и овальные бляшки в виде дисковидных фибул и накладок ременных гарнитур, исполненных в полихромном стиле, были широко известны в Средиземноморье и Европе ранневизантийского времени (Kazanski 1994. P. 137–198; Quast 1996; Quast 1999). Некоторое их количество присутствует на Северном Кавказе (Kazanski, Mastykova 1999. Fig. 10, 13, 15, 11, 10).

1782
Круглые инкрустированные бляхи найдены также в привилегированном погребении ~~1827~~ на рейнском могильнике Крефельд-Геллеп. Погребение относится к 520–540 гг. (Franken 1996. Abb. V. 4. 8). Бляхи близки по схеме декора описанным выше изделиям, но отличаются уплощенно-полусферической формой и применением других декоративных композиций и мотивов – крестовидной формой центральной вставки, использованием напаянных деталей из филиграни в виде кружков и знаков бесконечности. Судя по их диаметру – 5,4 см и сохранившимся на них фрагментам кожаных ремней, бляхи, вероятно, служили для скрепления перекрещивающихся ремней оголовья. Как предполагает Б. Аррениус, эти изделия могли быть средиземноморского, а точнее, даже византийского происхождения (доклад Б. Аррениус на Саксонском симпозиуме в г. Кане в 1988 г. не опубликован).

О принадлежности круглых блях к фаларам конской упряжи свидетельствует повсеместное распространение их в разные периоды у разных в этнокультурном отношении племен и народов. Они представлены как археологическими находками, так и памятниками изобразительного искусства. Большинство известных уздечных наборов V в., выполненных в позднеримских традициях, снабжены круглыми бляхами – фиксаторами ремней оголовья. Это хрестоматийные комплексы из Унтерзибенбрунна, Кошевени-де Жос (Kubitchek 1911. Taf. 4, 7, 8; Zeiss 1933, Taf. 24, 1; L'Or des princes barbares 2000. Cat. 6, 3; 9) и другие, найденные сравнительно недавно, например, такие как Казаклия, Брут (Гросу 1990. Рис. 28, 1, 4; Gabuev 1990; Agulnikov, Simonenko 1993. Fig. 2–4; L'Or des princes barbares 2000. Cat. 18, 14; Akhmedov 2002. P. 11–30. Fig. 6, 21, 24–36; 7, 14, 17). Прототипы этим бляхам можно найти в изображениях престижной сбруи на серебряных изделиях византийской работы IV в., например, на знаменитой чаше из Керчи и на вазе из Концешты (Мацулевич 1926. Табл. 1; Искусство Византии 1977. Кат. 38 6; Zaseckaja 1995. Fig. 1) (рис. 24, 1, 2). Круглая бляха с крупной вставкой в центре украшает нагрудный ремень коня императора Констанция II, изображенного на керченской чаше.

¹⁸ Бляха публикуется впервые. Она хранится в Государственном Историческом музее в Москве, в Отделе археологии. Инв. № КП 102 394. Диаметр 3,1 см.

1

2

Рис. 24. Изображения конской сбруи на серебряных изделиях Византии
1 – чаша из Керчи; 2 – рисунок с изображения на вазе из Концешты

Однако воспроизведенный здесь сбруйный набор состоит в основном не из круглых, а из прямоугольных блях, характерных для украшений конской сбруи III–IV вв. (Šarov 1994. Abb. 1–3; Казанский 1994. Рис. 2, 1; 6, 1). Хотелось бы особо подчеркнуть наличие в сбруе коня на чаше из Керчи ременного ошейника, украшенного инкрустированными бляшками.

Ременные ошейники являются распространенной деталью и в сасанидском конском уборе, как и характерные для него круглые фалары, обычно изображавшиеся подвешенными к нижнему краю сбруйных ремней на плечах и крупе лошади (Смирнов 1909. Табл. 29, 31–33). Кроме того, ремни конской упряжи украшались сплошными рядами бляшек мелких и средних размеров (Кошкарлы 1985. Рис. 1, 3 *e*. Табл. 14, 2; 16, 3. Фото 6–9, 13, 15, 19, 21–23, 27, 122; Тревер, Луконин 1987. Кат. 2, 3, 6, 9–13, 48; Overlaet 1989. Fig. 2; Splendeur des Sassanides 1993, N°s 45–47, 56).

Особый интерес представляет серебряное блюдо из собрания Государственного Эрмитажа, найденное на Каме, на котором в нижней части изображен знатный воин верхом на коне, при этом сбруя коня украшена круглыми фаларами (Тревер, Луконин 1987. Ф. 19. Кат. 9; Splendeur des Sassanides 1993. N° 61). Однако большую часть поверхности блюда занимает изображение царя в окружении четырех вельмож. К. М. Тревер и В. Г. Луконин отождествляли центральную фигуру с Хосровом II, относя таким образом данное блюдо к VI в. Б. Маршак же предполагает, что на блюде изображен Кавад (488/497) (Splendeur des Sassanides 1993. N° 61). В этом случае можно предположить, что изделие относится к постгуннской эпохе. Эфталитская надпись на нем и одежда царского окружения, напоминающая эфталитский костюм, свидетельствуют в пользу мнения Б. Маршака о более ранней датировке блюда.

Изображения ошейников также представлены на реконструкциях узды из погребений 3 и 17 могильника Кустул в Нубии (рис. 25, 1), откуда происходит целая серия сбруйных украшений, обнаруженных в гробницах знати царства блеммиев-федератов Византии (Török 1988. Pl. 45, 46, 52, 57, 180, 181). В погребении 3, датированном 380–390 гг., были, в частности, обнаружены овальные бляхи, декорированные инкрустацией (рис. 25, 2, 3, 6). Серебряные литые детали украшений сбруи позднеримского производства, аналогичные находкам из Кустула, происходят из клада IV в., найденного на Эсквилине, в Риме (Shelton 1981; Török 1988. Tab. 180–181).

На византийские параллели указывает изображение круглых блях – подвесных фаларов на костяной пластине со сценой триумфа императора, относящейся к началу VI в., так называемой Ivoire Barberini. Бляхи, украшающие узду коня императора, были инкрустированы полусферическими вставками прозрачного голубоватого камня (Grabar 1966. Fig. 322) (рис. 26).

Аналогичные же подвесные фалары изображены на крупе и груди коня у всадника-святого на фреске VI в. из коптского монастыря св. Аполлинария (Бауит) (Grabar 1966. Fig. 192). Известен подобный тип украшений сбруи и на монетах.

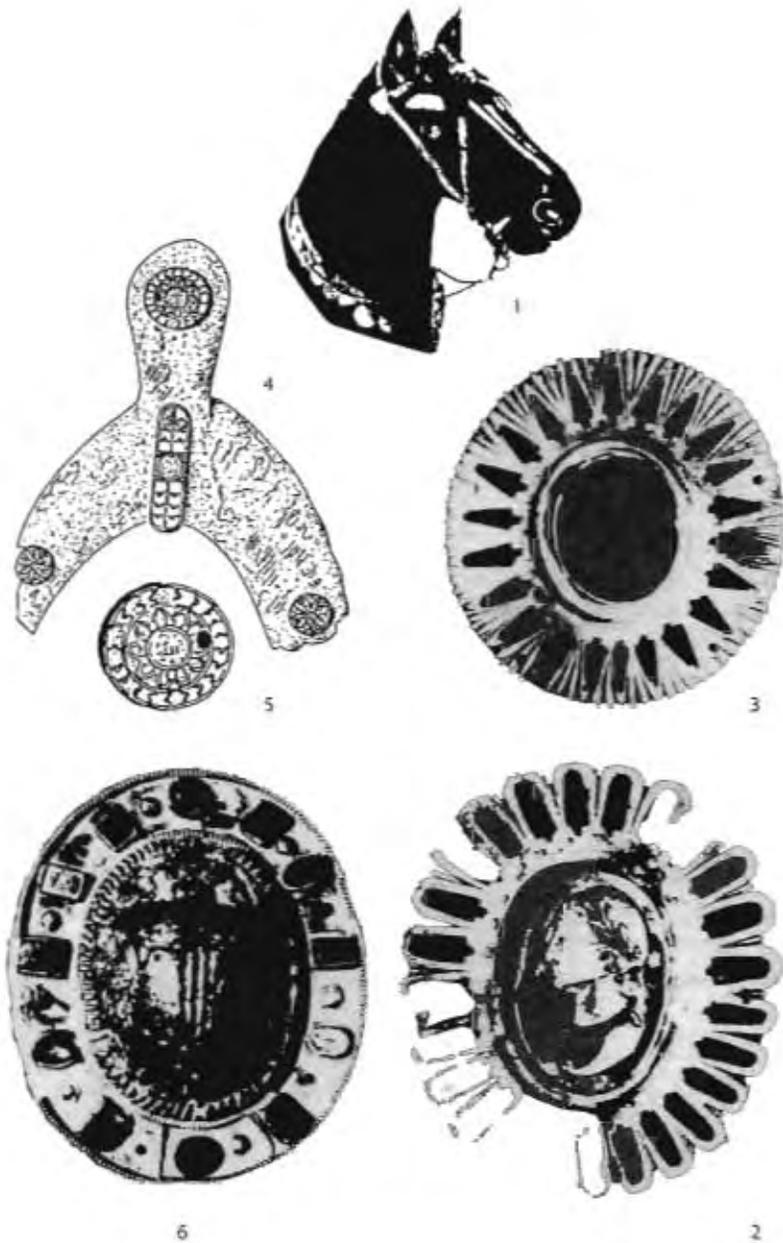

Рис. 25. Находки из погребений могильника Кустул в Нубии
1 – изображение ошейника; 2, 3, 6 – бляхи от конской упряжи; 4 – реконструкция украшения седла; 5 – бляха от лука седла (1-3, 6 по Török 1988)

Круглые бляхи из Морского Чулека по своим особенностям, скорее всего, также относятся к украшениям сбруи. Учитывая сравнительно большие размеры фаларов, 7–8 см в диаметре, а также наличие отверстий от штифтов, равномерно расположенных по всему краю блях, можно с достаточной долей вероятности предположить, что они служили украшением широких сбруйных ремней и при этом закреплялись на них «намертво». Более крупные бляхи, вероятно, помещались на крупе лошади по две с каждой стороны, три несколько меньшего размера – на нагрудном ремне (рис. 27). Кроме того, сопоставление рассматриваемых изделий с аналогичными экземплярами из Апахиды показывает, что существовал определенный стандарт в орнаментальных композициях блях, напрямую связанный с их местоположением на ремнях конской сбруи. Так, например, большинство уздечных блях, как правило, имеет в центре круглую вставку или небольшую выпуклость, более же крупные сбруйные бляхи в средней части украшены высокой умбовидной выпуклостью с круглой вставкой в центре.

Вряд ли можно говорить о применении блях из Морского Чулека для декора седла. Этому предположению противоречит тот факт, что чулекские фалары тождественны друг другу. В большинстве известных нам реконструкций ансамблей, украшавших луки гуннских, византийских, африканских, германских седел V–VII вв., всегда имеется центральная доминанта, вокруг которой строится композиция (Засецкая 1984; Засецкая 1994. Рис. 7, 2; Kiss 1987. Abb. 2, 7, 11–14; Török 1988. Pl. 45, 58, 94, 286. Tabl. 7.3; Oexle 1992. Taf. 173; Vallet 1995. P. 335–339. Fig. 1, 1; 5, 1; Dannheimer 2000. Abb. 1. Taf. 25). Таких «центральных» блях в Чулекском комплексе нет. Впрочем, по шведским находкам VII в. в Валлстенаруме и Вальстерде реконструируются и седла, где декор луки не имеет центральной доминанты (Kiss 1987. Abb. 4, 6, 15).

Вместе с тем следует упомянуть целый ряд находок второй половины V–VI вв., в которых определенно имеются декоративные бляхи от седла. Так, например, в могильнике Баллана в Нубии, расположенном на противоположном от Кустула берегу Нила, в погребении «принцессы», датированном 450–460 гг., найдено седло с высокой лукой, украшенной бляхами, выполненными в стиле «клуазонне» (рис. 25, 4, 5). Посередине расположена круглая бляха со вставкой в центре, ниже ее – пропеллеровидная накладка, по бокам две круглые меньшего размера бляшки (Emery, Kirwan 1938. Pl. 60 B; Török 1988. Pl. 286; Kazanski, Mastykova, Périn 2002. Fig. 16, 5). Все украшения из упомянутого выше погребения сохранились *in situ*, что позволяет использовать орнаментальную композицию на луке седла в качестве образца при реконструкции конского убора и определении отдельных предметов.

Средиземноморское происхождение декора седельных блях Балланы было отмечено И. Вернером, который отнес изделия с перегородками в виде скобы к остроготско-италийским мастерским (Werner 1958). В настоящее время об этом стилистическом признаке, скорее всего, можно говорить как об общем средиземноморском элементе, имеющем более широкое распространение и

Рис. 26. Костяная пластина со сценой триумфа императора (Ivoire Barberini)
Часть диптиха. Лувр, Париж.

за пределами остrogотской Италии. Существование в Восточной Римской империи, как минимум в начале VI в., седел с высокой и широкой лукой документировано изображением всадника на мозаике из Мадабы, датирующейся 531 г. (Piccirillo 1989).

Авторы публикации Апахиды 2 предложили реконструкцию декора всей конской упряжи: узды, сбруи и седла (рис. 21, б). В качестве седельного украшения ими использованы две фигурные накладки в виде хищной птицы, помещенные в центре, и три круглые небольшие бляшки – одна расположена наверху и две внизу по сторонам (Horedt, Protase 1972. Abb. 10). Подобная композиция представляется вполне правдоподобной. Зато размещение круглых блях на узких нагрудных ремнях требует некоторого уточнения. Бляхи из Апахиды, как и круглые фалары из Морского Чулека, имеют расположенные по всему краю отверстия для штифтов, что, как мы уже указывали выше, предусматривает их размещение не на узком ремне, а на более широкой плоскости, равной диаметру блях.

Кроме круглых фаларов в конском наборе украшений из Морского Чулека имеются также пять пятиугольных блях, аналогичных по конструкции, технике и стилистическим особенностям круглым экземплярам. Прямые аналоги данным образцам в настоящее время неизвестны. Можно лишь указать на приблизительные параллели из серии арочных накладок-фиксаторов ремней оголовья из памятников Северного Кавказа, Прикубанья, Крыма (рис. 23). В Крыму они найдены в подбойном погребении у Сахарной Головки, в катакомбах 10 и 11 (V в.) Лермонтовской Скалы 2 и в склепе у горы Развалки. Есть сведения о единичных находках таких накладок на Тамани и в Керчи. На Северном Кавказе прототипы этих накладок найдены в составе уздечного набора, обнаруженного в 1982 г. в могильнике Зеленогорский (по информации В. Г. Флорова). Один экземпляр, возможно происходящий из Прикубанья, находится в коллекции Еврейского университета в Москве (рис. 23, 5). Упрощенная версия подобных накладок обнаружена в составе конского убора из воинского погребения на Средней Оке (Ахмедов 2001. Рис. 4, 8-10). Эти бляшки, так же как и пятиугольные фалары из Морского Чулека, с лицевой стороны разделены на две части – основную прямоугольную и верхнюю сегментовидную. Экземпляры из Еврейского университета в верхней части украшены капле-

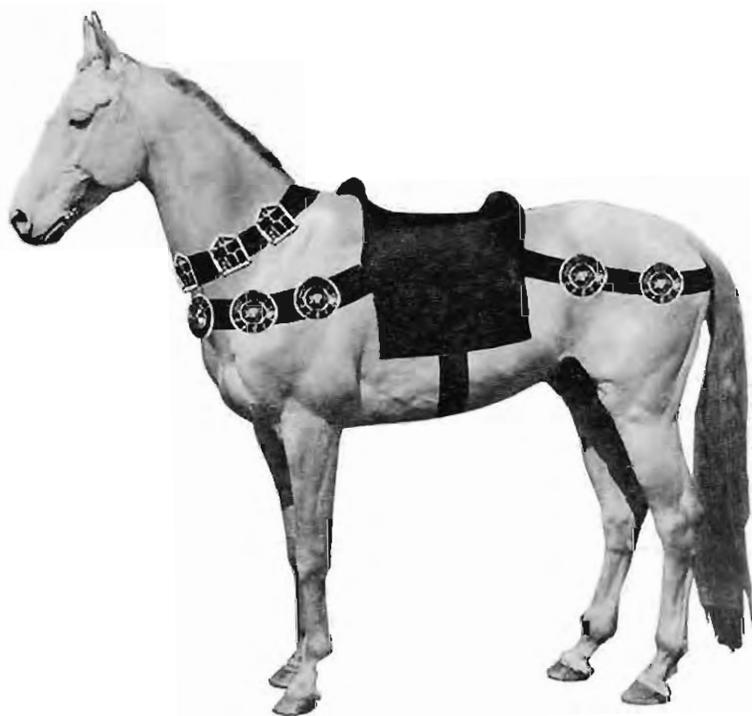

Рис. 27. Реконструкция конской сбруи из погребения 2, Морской Чулек (рис. И. Р. Ахмедова)

видной вставкой зеленого стекла, из которого сделаны и другие формы вставок на этих бляшках. Вставки посажены на «цемент» серого цвета. В целом же аркообразные накладки существенно отличаются от пятиугольных блях из Морского Чулека. Они значительно меньшего размера (3,2 x 2,7; 3 x 2,4 см), декор их более прост, в частности, отсутствуют филигранные ободки, иначе решена цветовая гамма, некоторые накладки сделаны из серебра. Возможно, эти бляхи местного производства. Бляхи же из Морского Чулека имеют размеры 5 x 3,8 см, они все золотые со вставками альмандина и лазурита, образующими богатый декор, характерный для изделий средиземноморского происхождения.

Пятиугольные бляхи, составляя с круглыми фаларами единый комплект украшений конской сбруи, вполне вероятно могли служить декоративным оформлением ошейника. Косвенно подтверждает такое предположение их нечетное количество – пять экземпляров. В таком случае одна бляха помещалась в центре и по бокам ее еще по две бляхи (рис. 27). О наличии такой детали, как ошейник, в составе конской сбруи IV–VI вв. было сказано выше.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно первого конского набора из погребения 2 Морского Чулека:

1. Этот набор является продукцией византийского мастера и, вполне возможно, был сделан в одном из константинопольских ювелирных мастерских.

2. Время, к которому следует отнести изготовление набора, по аналогии с ближайшим комплексом конских украшений из Апахиды 2, можно ограничить третьей четвертью V в. Однако в чулекское погребение комплект конских украшений мог, естественно, попасть и несколько позднее.

3. Приведенные в настоящей работе изобразительные и археологические данные по использованию круглых и пятиугольных (прямоугольных в основе) блях в украшении конской упряжи позволяют предположить, что круглые бляхи являются декоративными деталями сбруйных ремней, а пятиугольные, вероятно, ременного ошейника.

Набор № 2 азиатского (?) происхождения | Кат. 19–21. Табл. VIII, 1–3 |

Судя по архивным данным, рядом с византийским комплектом украшений конской упряжи здесь же лежали предметы от другого набора. В отчете, представленном в Археологическую комиссию, записано, что в погребении 2 рядом с золотыми изделиями, которые мы классифицируем как декоративный убор сбруи византийского происхождения, находились «два кружка, семь бронзовых гвоздей, искрошившиеся бронзовые позолоченные бляхи, серебряный набалдашник, четыре бронзовых позолоченных лошадиных украшения и девятнадцать «отчасти поломанных пряжек». К сожалению, кроме двух «золотых кружков» и семи гвоздей, перечисленные в отчете находки не были предъявлены в Археологическую комиссию и соответственно не были переданы в Эрмитаж.

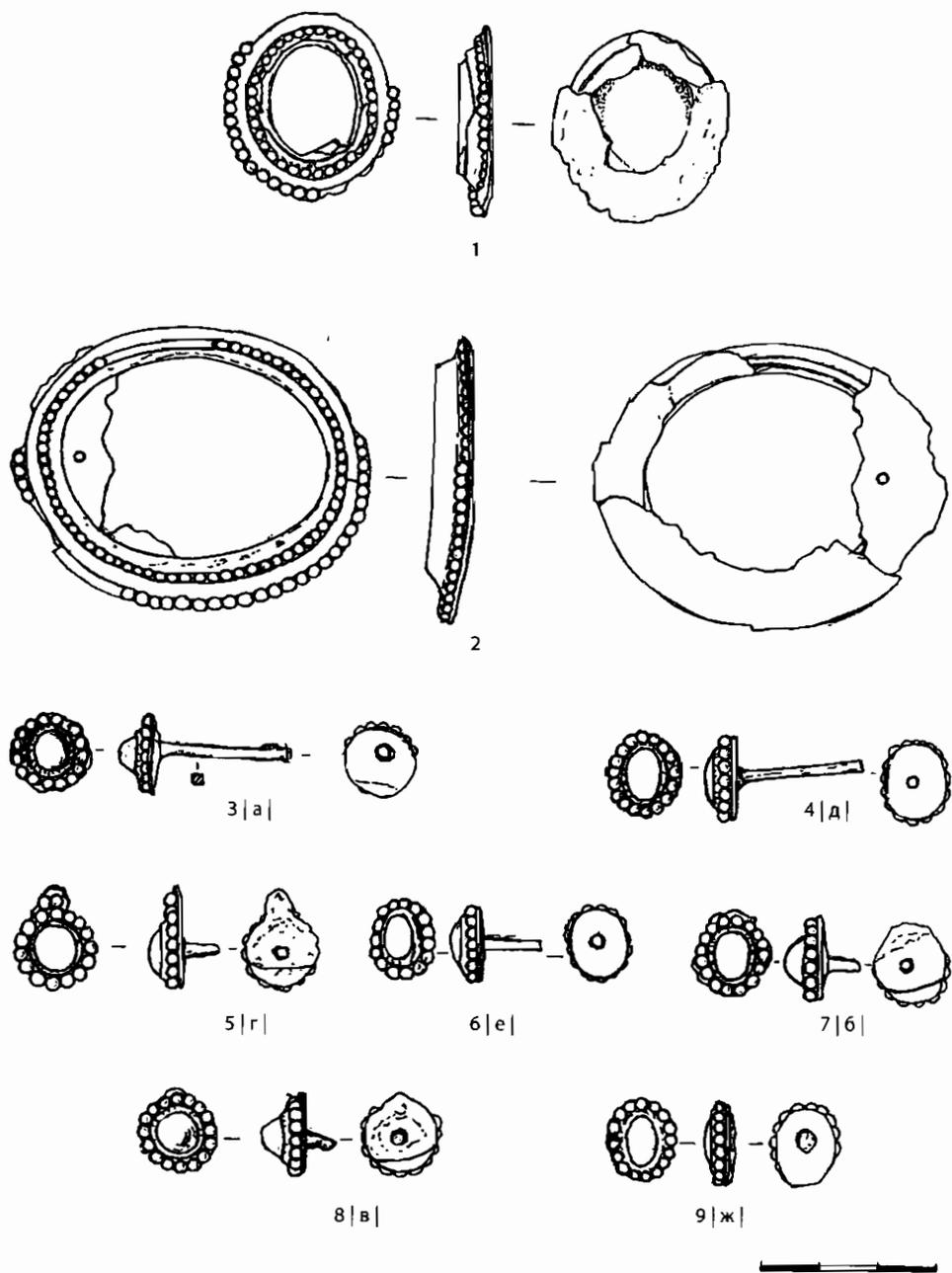

Рис. 28. Набор № 2 конской упряжи из погребения 2, Морской Чулек
1-2 – бляхи, 3-9 – декоративные гвозди от конского убора

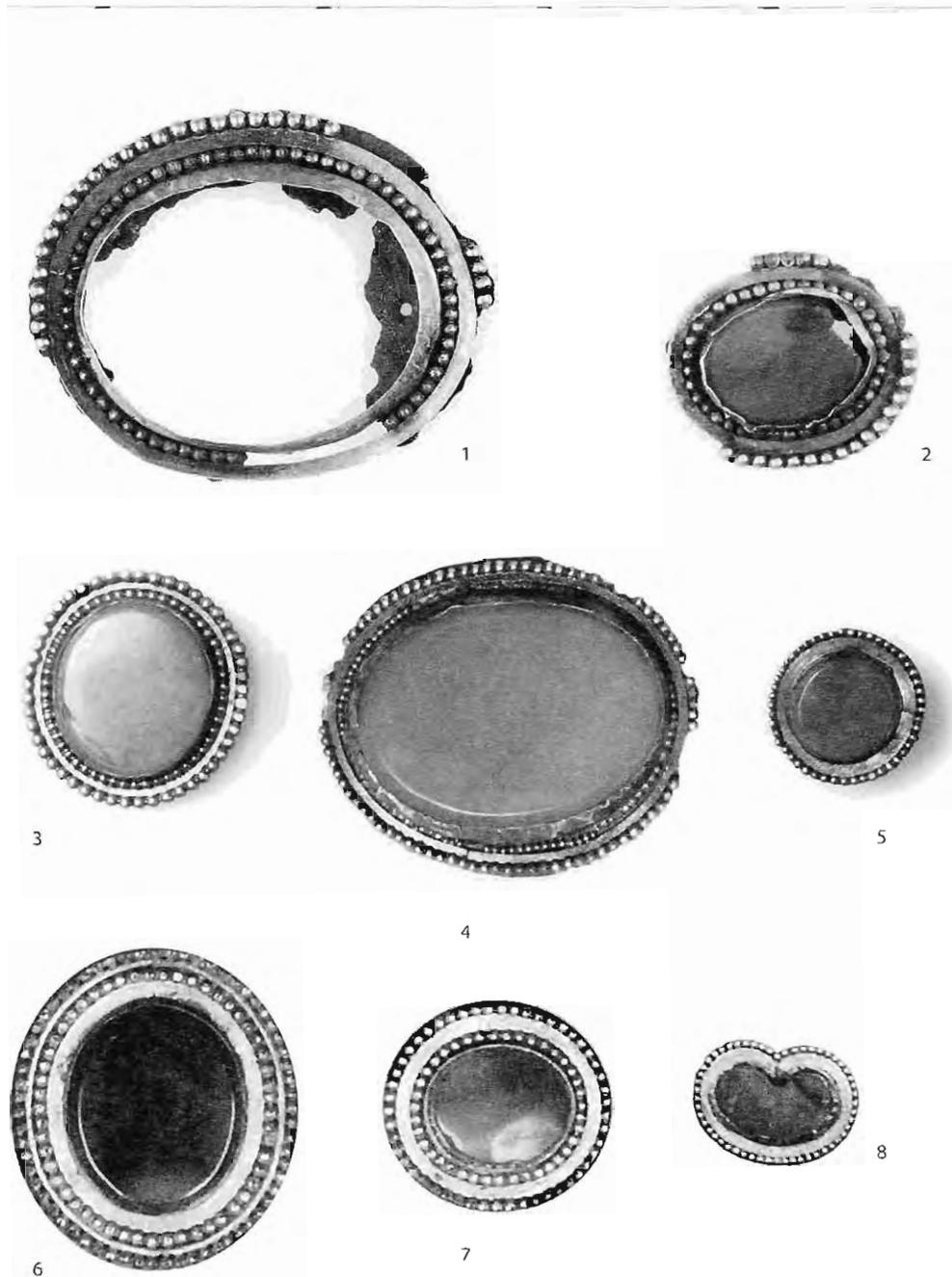

Рис. 29. Сравнительная таблица украшений от конской упряжи из погребений Морского Чулека, Шамси и у оз. Боровое
1, 2 - погребение 2, Морской Чулек; 3-5 - погребение у оз. Боровое, Казахстан; 6-8 - погребение Шамси, Киргизия

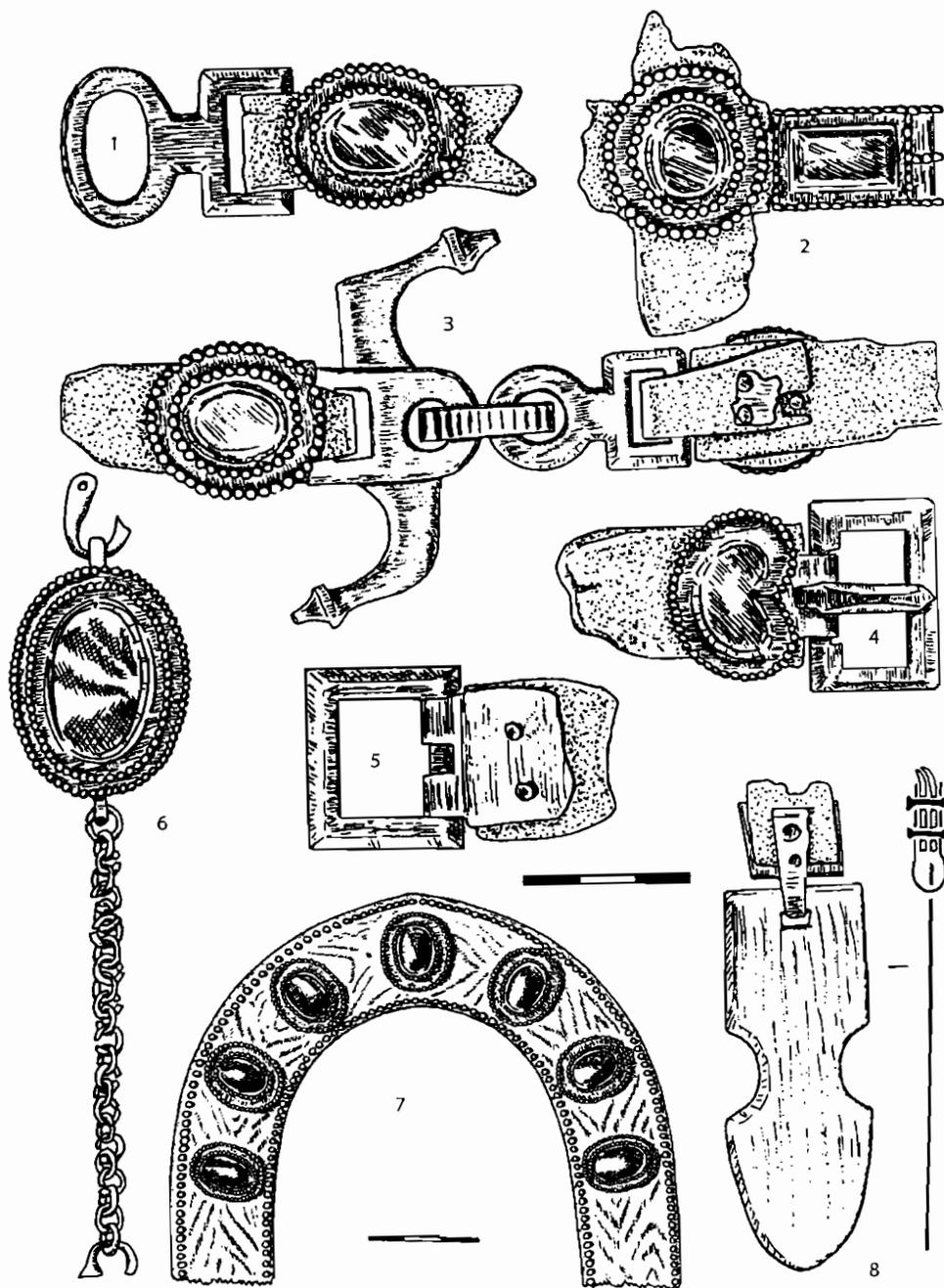

Рис. 30. Предметы конского снаряжения из погребения Шамси, Киргизия
1-5 – бляхи и пряжки от уздечных ремней; 6 – медальон с цепочкой; 7 – реконструкция передней
луки седла; 8 – наконечник ремня (по Kozomberdieva et al. 1998. Abb. 7, 2; 9, 1-4, 6, 9, 10)

Два золотых кружка – большой и малый, представляют собой идентичные по конструктивным, технологическим и стилистическим особенностям, а также по материалу бляшки. Они состоят из серебряной пластинчатой основы и напаянных на нее золотых деталей – гнезда из узкой полоски, ободков из зерни и положенной по кругу припаянной ленты (кат. 19, 20, табл. VIII, 1, 2; рис. 28, 1, 2). В малой бляшке сохранилась сердоликовая вставка (кат. 20).

Обе бляшки имеют прямые аналогии среди находок из погребений, обнаруженных у оз. Боровое в Казахстане и в долине р. Шамси в Киргизии (Бернштам 1949; Памятники Киргизии 1983. С. 46–54; Засецкая 1995; Kožomberdieva et al. 1998. S. 451–471). Во всех трех случаях присутствуют по одному крупному овальной формы медальону длиной 6,5; 6,1; 4,7 см и по несколько экземпляров более мелких блях овальной и круглой формы диаметром 3,8–2,0 см (в данном случае речь идет о казахстанских и киргизских находках, так как в комплексе Морского Чулека имеется только одна малая бляшка). По своим конструктивным признакам медальоны и бляшки из указанных трех погребений идентичны. Но, если находки из Морского Чулека и Борового сделаны из серебра и золота, то киргизские украшения, как пишут авторы публикаций, изготовлены из позолоченной бронзы. Однако вряд ли все детали были бронзовыми. Например, как считают специалисты по изучению техники изготовления ювелирных изделий, в частности Р. С. Минасян, в древности бронзу никогда не использовали для изготовления зерни. В таком случае можно предположить, что основу предметов составляла бронзовая пластина, все же другие детали конструкции и декора исполнены из серебра (?). Чтобы получить ответ на этот спорный вопрос, необходимо провести более тщательную ювелирную экспертизу этих предметов.

Что же касается стилистических особенностей, то все три группы украшений исполнены в одном стиле. Это – бляхи овальной или округлой формы, изредка почковидной, как в Шамси, со вставкой сердолика или прозрачного синеватого или красного стекла (Шамси), занимающей почти всю площадь предмета. Вставки оформлены как в виде кабошонов, так и со шлифованной плоской поверхностью. Вокруг гнезда два ободка из крупной зерни, в некоторых случаях из филигранной проволоки, имитирующей зернь (Шамси) и расположенной между ними по кругу узкой полоски (рис. 29). Подобный декоративный элемент является специфической чертой ювелирных украшений гуннской и постгуннской эпох, обнаруженных в памятниках Северного Причерноморья, Средней Азии, Казахстана и Алтая (Засецкая 1994. С. 60).

Описанные выше предметы относятся к украшениям конской сбруи. Доказательством этого служат находки из погребального комплекса Шамси, принадлежность которых к конскому снаряжению не вызывает сомнений. Многие декоративные бляшки были обнаружены непосредственно на уздечных ремнях и на сохранившихся деревянных деталях седла (Kožomberdieva et al. 1998. Abb. 7, 2; 8, 1, 5; 9, 1, 2, 4, 8, 9). Овальные и почковидные бляшки служили для скрепления конструктивных деталей на ремнях оголовья и

поводьев, соединяясь с ними при помощи двух шпеньков. Бляшки также помещались на перекрещивающихся ремнях, украшали обоймы пряжек, скрепляли ремни оголовья в петлях, вставленных в кольца удила, закрепляли ремень, на котором крепится блок для чумбура (рис. 30, 1–6, 8). В одном случае к бляхе-медальону прикреплен цепочка, пропущенная через припаянную к оборотной стороне петлю (рис. 30, 6). Медальон, отличающийся системой крепления и наличием цепочки, находился вместе с остальными украшениями узды. Это обстоятельство позволяет предположить, что он мог быть использован в качестве изобразительной доминанты в декоре наносника или налобника, либо, что более вероятно, являлся частью декоративного набора шейных или нагрудных ремней сбруи.

Кроме того, сохранились деревянные фрагменты луки седла, на которых прослежены места крепления декоративных деталей. Это позволило авторам публикации шамсинских древностей предположить, что деревянная арочная лука шириной до 3,2 см, толщиной 1,7 см была украшена семью овальными бляхами размером 2,8 x 2,4 см, расположенными равномерно по всей ее длине на расстоянии 3,5–3,9 см друг от друга. По верхнему и нижнему краю луки седла, вероятно, были набиты гвоздики, о чем свидетельствуют мелкие отверстия, образующие сплошную непрерывную линию (Kožomberdieva et al. 1998. Abb. 7. 2) (рис. 30, 7). Возможно, семь гвоздей с декоративными шляпками, найденные среди вещей второго конского убора из Морского Чулека, также являлись частью орнаментальной композиции луки седла. Однако определить их точную функцию, за отсутствием других данных, не представляется возможным (табл. VIII, 3; рис. 28, 3–9).

Большинство бляшек со вставками сердолика, из погребения у оз. Боровое по аналогии с изделиями из Шамси, скорее всего, также относятся к украшениям конской сбруи (Zaseckaja 1993. P. 437–443). О наличии конского снаряжения в данном комплексе свидетельствуют находки золотых обкладок от ленточек и луки седла.

Таким образом, приведенные казахстанские и киргизские аналогии приазовским находкам – медальонам и декоративным гвоздикам из погребения 2 Морского Чулека, с учетом архивных данных позволяют с полной уверенностью говорить о присутствии в этом комплексе второго конского убора. Опираясь на бесспорное тождество конструктивных, технологических и стилистических признаков изделий из указанных выше трех регионов, можно предположить, что они относятся к одному хронологическому периоду и, вполне вероятно, являются продукцией ювелирных мастерских центрально-азиатского происхождения (рис. 29). Однако определить более точно место изготовления всех этих предметов в настоящее время не представляется возможным. Для этого требуется специальное исследование с привлечением более широкого материала из Азии.

Что же касается конкретной датировки украшений конской упряжи, в том числе и блях, сохранившихся от второго набора из Морского Чулека, то для ее

определения следует обратиться к находкам из Киргизии и Казахстана. Изучение погребальных комплексов из данных регионов позволяет датировать их в пределах второй половины V – начала VI в. (см. гл. 2). К этому же времени относятся и бляхи из Приазовья.

Остановимся вкратце на том, какое значение имел конский убор в системе социально-иерархических символов. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения древних авторов. Приведем несколько примеров: так, при провозглашении Юлиана в Галлии солдаты в качестве императорской инсигнии пытались использовать конский фалар (Аммиан Марцеллин. XX. 4. 15). При захоронении Аттилы в его могилу наряду с инсигниями покоренных народов были помещены и «драгоценные фалеры» (Иордан. 258). Почти через сто лет после этих событий перед битвой с Тотилой византийских солдат поощряли к сражению, показывая им поднятые на копья «обычные награды военных» – золотые браслеты, гривны и цепи, а также позолоченные удила (Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. IV. 31. 9). Напомним также описание коня императора Маврикия, «блестящего золотой сбруей». Телохранитель императора также представлен верхом на «златоуздом» коне, одетый в блестящую одежду и подпоясанный золотым поясом с прекрасными украшениями (Феофилакт Симокатта. Кн. 6. II. 6).

Престижная роль конского убора отмечена древними авторами и у варваров. Например, при въезде франкского принца Сигизмера в Лион в 470 г. перед ним вели его коня, всего покрытого фалерами (“*equus quidem phaleris comptus*”), вокруг шли другие лошади, украшенные блистающими геммами (Садоний Аполлинарий. IV. 20. цит. по: Salin 1949. P. 451, 452). Это, кстати, чуть ли не единственное упоминание фалер-фаларов для периода, к которому относятся погребения в Морском Чулеке. Часть свиты принцессы Ригунты, сопровождавшей ее к вестготам на свадьбу, бежала к королю Хильдеберту, «взяв самых лучших лошадей, столько же золотых уздечек и две большие золотые цепи» (число украденных лошадей равнялось 50) (Grégoire de Tours. VI. 45). Далее упоминается украшение лошадей и повозок свадебного картежа, которые необходимо было привести «в порядок, а там уж отправиться в путь, чтобы предстать перед женихом во всем блеске и не являться оборванцами на посмешище готам» (Grégoire de Tours. VI. 9).

Сопоставляя эти сведения с составом погребального инвентаря погребения франкского короля Хильдерика, где присутствуют золотая фибула, оружие, предметы сбруи, выполненные в стиле «клуазоне», и с богатейшим золотым убором конского снаряжения погребения 2 в Апахиде 2 можно сделать предположение о том, что узда и сбруя могли входить в состав дипломатических даров, а в ряде случаев представляли собой инвестиционные инсигнии (см. гл. 3). При этом, возможно, существовала градация ценностей – для правителей высшего ранга эти предметы должны были быть изготовлены из золота. Правители более низкого ранга могли получать серебряные изделия (Кустул, Баллана) или же бронзовые с позолотой (Френувилль). Возможно, этим объяс-

няется наличие элементов узды, близких наборам Апахиды – Турнэ в погребениях более мелких предводителей, а также в отдельных находках в Тюрингии, Юго-Восточной Прибалтике, на Северном Кавказе, в Англии, Северной Галлии и т. д. (Кулаков 1998; Ахмедов 2002; Мастыкова 2005; Arrhenius 1985; Kazanski, Périn 1996; L'Or des princes barbares 2000; Kazanski, Mastykova, Périn 2002; Eagles, Ager 2004).

Учитывая престижную роль конской сбруи в системе социально-иерархических символов, мы можем с уверенностью сказать, что погребение, в котором находился подобный богатый набор конской упряжи, должно относиться к группе привилегированных захоронений. Письменные источники позволяют предположить, что сбруйные украшения первого набора из Морского Чулека попали к местным представителям знати в качестве дипломатических даров византийского императорского двора.

Следует, однако, напомнить, что конские уборы из Морского Чулека были найдены в женском погребении, а не в погребении воина. Данный случай не уникален, подобное явление можно наблюдать в целом ряде захоронений знатных женщин кочевнического мира евразийских степей. Прежде всего, заметим, что и погребение в Шамси также принадлежало женщине. Символические захоронения коня в виде шкуры лошади неоднократно были встречены в женских погребениях гуннской эпохи. Например, в погребальных комплексах Кара-Агач и Каннатас в Казахстане, Верхне-Погромного и Покровского могильников в Нижнем Поволжье и др. В погребении у станицы Здвиженской Ставропольского края в женском погребении с золотыми колтами-височными подвесками были найдены череп коня и уздечный набор из золотых инкрустированных накладок. Возможно, захоронение парадной конской упряжи было необходимой частью погребального ритуала женщин знатных родов кочевнического общества или это были своеобразные жертвоприношения вещей, связанных, как правило, с собственностью мужчин. В связи с этим приведем еще один пример подобного случая. В женском погребении одного из склепов (180/1904) боспорского раннесредневекового некрополя за головой погребенной лежал мужской пояс с серебряными накладками геральдического стиля. Впрочем, эта тема, требующая специального изучения, выходит за рамки нашего исследования.

ГЛАВА 2

ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ МОРСКОГО ЧУЛЕКА

Определение датировки погребений из Морского Чулека, как уже отмечалось выше, является первоочередной задачей нашего исследования, от результатов которого зависит решение главной проблемы – определения исторического места памятника. С этой целью нами был проведен анализ каждой категории вещей, входящих в состав комплексов. К сожалению, не все из находок изучены одинаково подробно, что объясняется как отсутствием конкретных аналогичных материалов, так и уровнем освещения их в археологической литературе.

Наиболее трудным в этом отношении оказался комплекс вещей из погребения 1, в котором почти нет твердо датировуемых предметов (табл. 1). Единственная находка, датировка которой представляется правильной, это – пара серег калачикообразной формы (табл. I, 1, 2). Если принять точку зрения, что они являются прототипами колтов – височных подвесок, получивших широкое распространение в позднем V – начале VII в., то в результате разработанной нами эволюционной таблицы украшений, находки из Морского Чулека, как самые ранние изделия, относятся ко второй половине V в. (рис. 2, 1). Этот вывод подтверждается и тем, что серьги подобного типа до сих пор неизвестны как в памятниках гуннской эпохи – последней четверти IV – первой половины V в., так и в погребениях, определенно датированных VI–VII вв., занимая, таким образом, промежуточную позицию, что соответствует, скорее всего, второй половине V в.

Отчасти в качестве датирующего предмета можно рассматривать золотую цепь, которая по некоторым признакам относится к группе подобных украшений раннесредневекового периода второй половины V – VI в. н. э. Другие же находки из погребения 1: золотые кольца, браслеты, серебряная пряжка и глиняный кружок не могут быть использованы для определения хронологических рамок вещевого комплекса данного захоронения (см. гл. 1, раздел погребение 1). Однако опираясь на датировку калачикообразных серег, полученную в результате сравнительного анализа с более поздними подобными украшениями, а также на ограниченный период их бытования, погребение 1 следует классифицировать как памятник постгуннской эпохи и датировать второй половиной V – началом VI в. Более определенно датируется погребение 2, которое представлено разнообразными и, как показало изучение,

синхронными категориями вещей. К ним относятся украшения костюма – нагрудная цепь, серьги-подвески, браслеты, перстни, а также декоративные детали конской сбруи и особенно набор блях от сбруйных ремней, публикуемый под № 1 (табл. IV–VII).

Набор № 1 определяется как гарнитура украшений конской упряжи византийского происхождения и имеет надежные аналогии для определения центра его производства и датировки. В этом отношении особое значение приобретает комплект конской упряжи из знаменитого погребения гепидского могильника Апахида 2. В нем были обнаружены предметы, не просто похожие на изделия из Морского Чулека, а почти идентичные им. Особенно близки, например, круглые бляхи-фалары. Они аналогичны не только по форме и декоративному оформлению, но и по конструкции и технике исполнения.

Погребение Апахида 2 – один из уникальных памятников по богатству погребального инвентаря, в котором основную массу вещей представляют золотые украшения, исполненные в технике клуазонне, со вставками пилевого граната. Погребение исследователями единодушно датируется третьей четвертью V в. Основанием для такой датировки служит не менее знаменитое по богатству золотых вещей захоронение франкского короля Хильдерика, год смерти которого на основании письменных источников (письмо св. Реми Хлодвигу) определяется как 481/482 гг. Среди положенных с ним в могилу вещей выделяется группа ювелирных изделий средиземноморской работы, исполненных, как и апахидские находки, в стиле «клуазонне» (Kazanski, Périn 1988; Kazanski, Périn 1996).

В специальном разделе первой главы «Украшения конской упряжи» вопросы происхождения, назначения и хронологии набора № 1 разбираются подробно на фоне широкого привлечения аналогичных материалов. В результате этого исследования можно сделать конкретные и, на наш взгляд, достаточно обоснованные выводы: набор № 1 украшений конской упряжи из погребения 2 Морского Чулека является византийской продукцией и, возможно, был сделан в одной из константинопольских мастерских. Время, к которому относится изготовление набора № 1, по аналогии с ближайшим комплектом сбруйных украшений из Апахиды 2, можно ограничить второй половиной V в. Их назначение – составляющая часть декора ремней сбруи и ошейника – также определяется на основании конкретных аналогий.

Кроме набора византийского происхождения в погребении 2 находился еще один набор украшений конской упряжи, от которого, к сожалению, сохранились лишь две бляхи и декоративные гвозди. Другие же предметы от второго набора, перечисленные в архивных документах, не поступили в Эрмитаж и место их нахождения неизвестно.

Вывод о том, что данные бляхи и гвозди относятся к украшениям конской упряжи, основывается на находках из погребения Шамси, открытого в Киргизии, в котором аналогичные декоративные бляшки были обнаружены непосредственно на уздечных ремнях и сохранившихся деревянных деталях

седла (рис. 30). Именно находки из Шамси позволили отождествить с декоративным оформлением конской упряжи аналогичные изделия из другого, еще более удаленного на восток погребального комплекса, обнаруженного у оз. Боровое в Казахстане (Zaseckaja 1993).

Как уже говорилось, исследователи на основании широких аналогий гуннского и постгуннского периодов пришли, на наш взгляд, к справедливому выводу, что дата захоронения Шамси ограничивается концом V – началом VI в. (Kožomberdieva et al. 1998. P. 461, 465–468). В частности, в качестве аналогий ими привлечены находки из женских погребений первой половины – середины V в., обнаруженные на территории Казахстана у с. Кара-Агач и Канаттас (Кадырбаев 1959. С. 162–202; Засецкая 1994 С. 112, 113; Werner 1956. Taf. 31). Например, цилиндрические подвески на диадеме и подтреугольные на височных украшениях из Шамси аналогичны подобным подвескам на венце из погребения Кара-Агач, а кожаный пояс, украшенный по верхнему и нижнему краям узкими прямоугольными пластинками с двумя штифтами, посредством которых пластинки крепились к кожаной основе, находит аналогию в поясе из Канаттаса. Кроме того, подобные пояса из наборных прямоугольных пластинок встречены в ряде других погребений гуннской эпохи, обнаруженных на всей территории Евразии (Kazanski 1993 а. P. 121–124. Fig. 3–6; Vona 2002. Fig. 37, 101, 141).

Обнаруженные в Шамси круглые, овальные и почковидные бляхи разных размеров со вставками сердолика в напаянных из узкой полоски гнездах, окруженных ободками из зерни и с расположенной между ними гладкой узкой полоской, находят себе прямые аналогии в бляхах из погребения Боровое, с которыми бесспорно составляют единый круг изделий.

Анализ украшений стиля «клуазонне» из Шамси позволил Д. Адамс также отнести эту находку к V в. (Adams 2000. S. 42, 43). Это подтверждается и найденными здесь почкообразными накладками на ремне, известными по северокавказским погребениям второй половины V – первой половины VI в. (Kazanski, Mastukova 1999. Fig. 13, 15, 16). Однако почковидный орнамент в виде гранатовых вставок в гнездах-ячейках встречается и на предметах первой половины V в. Например, так украшены золотые накладки, браслеты, пряжка и перекрестие меча из так называемых «двух склепов 24 июня 1904 г.» боспорского некрополя (Засецкая 1993. Табл. 23, 81; 26, 106 б; 28, 130; 29, 131 б, 138). Приведенные доводы позволяют согласиться с датировкой погребального комплекса Шамси, предложенной авторами второй публикации этого памятника; при этом нижняя граница датировки несколько опускается с конца V до середины – третьей четверти V в.

Что же касается датировки погребения у оз. Боровое, то ее точное определение в силу неоднородности и разновременности материала вызывает некоторые трудности. А. Н. Бернштам, посвятивший свою научную деятельность проблемам гуннской археологии Средней Азии, предположил, что комплекс Борового отражает культуру гуннов IV–V вв. (Бернштам 1949. С. 216–229).

Временем правления гуннского вождя Аттилы – серединой V в., датирует это захоронение И. Вернер (Werner 1956. S. 122). Более подробно этот вопрос рассмотрен в статье И. П. Засецкой (Засецкая 1995. С. 95–110).

Погребальный инвентарь из Борового включает наряду с предметами бесспорно гуннской эпохи и материалы более позднего периода. К первым относятся золотые пластинки и наконечники поясов, украшенные вставками граната и зернью, которые по форме и стилю декора идентичны изделиям из памятников южнорусских степей этого времени, а также золотые обкладки треугольной формы с чешуйчатым орнаментом от ленчиков седла. Они относятся к раннему типу – первой половине V в., отличаясь лишь большими размерами (Засецкая 1984. С. 66–77. Рис. 2, 4). Бляхи от конской упряжи, по аналогии с подобными находками из Шамси, а также отчасти с перстнями из Морского Чулека, датируются второй половиной V в. В то же время из комплекса Борового происходят две накладки прямоугольной и трапециевидной формы и скоба от ножен кинжала, которые относятся уже к VI в.

Назначение этих предметов удалось определить только после находки кинжала в богато орнаментированных ножнах в погребении знатного воина, обнаруженном в Южной Корее в могиле 14, расположенной у дороги, называемой Керим-ло. Как показали японские исследователи совместно с советским ученым А. К. Амброзом, две накладки из комплекса у оз. Боровое по аналогии с декоративными деталями южнокорейского кинжала украшали устье ножен, а скоба служила петлей для подвешивания кинжала к поясу (Anazawa, Manome 1980. P. 245–278; 2000. P. 71–85; Амброз 1986. С. 66–77. Рис. 7). В результате исследования авторы предложили две реконструкции декора ножен кинжала из Борового, в которых помимо указанных выше трех предметов в качестве декора были представлены и другие драгоценные изделия из этого же комплекса. Однако, как показала И. П. Засецкая, последние, представленные медальонами и бляшками со вставками сердолика, не могли служить украшениями ножен, а являлись принадлежностью конского убранства (Zaseckaja 1993. P. 437–439. Fig. 1, 2). Этот вывод подтверждается найденной в архиве ИИМК фотографией (рис. 31, 1–6), на которой вместе с уже известными нам тремя деталями декора ножен изображены еще два предмета – удлиненная пластина, постепенно расширяющаяся к одному концу, и короткая – прямоугольная (Zaseckaja 1993. Fig. 4, 1–6). Обе пластины несомненно являются составной частью декоративной композиции ножен, о чем свидетельствуют не только их форма и размеры, но и характер и мотивы орнамента, идентичные декору на трапециевидной накладке. Используя новый дополнительный материал, И. П. Засецкая предложила третий вариант реконструкции ножен кинжала из Борового (Zaseckaja 1993. Fig. 5, 2) (рис. 31, 7)¹.

¹ Упомянутая в статье японских исследователей анонимная реконструкция «из Эрмитажа», бывшая якобы на экспозиции в Токио и Осаке (год и название экспозиции не указаны), нам не известна (Anazawa, Manome 2000. P. 73). Возможно, организаторы выставки использовали неоднократно опубликованную реконструкцию декоративного оформления ножен из Борового И. П. Засецкой (Zaseckaja 1993. Fig. 5.2; Zaseckaja

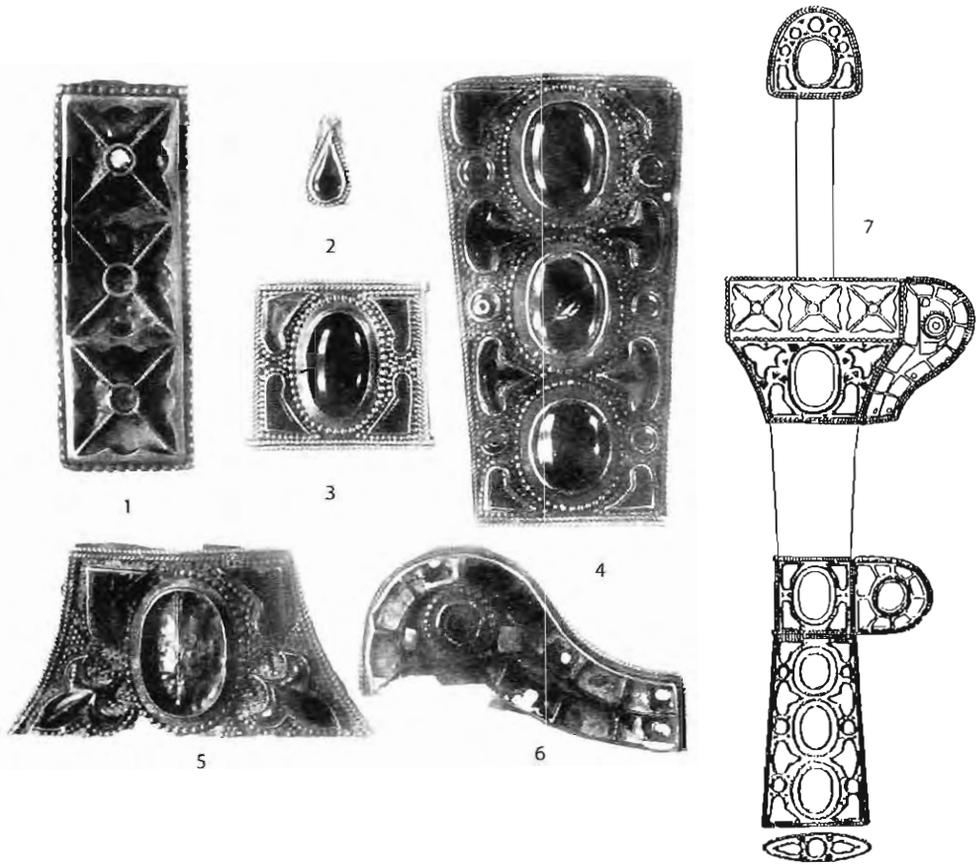

Рис. 31. Ножны кинжала из погребения у оз. Боровое, Казахстан
1-6 – детали украшения (архивная фотография); 7 – реконструкция кинжала (по Засецкой 1994)

Несмотря на принадлежность корейского и казахстанского кинжалов к одному классификационному типу оружия, они различаются по целому ряду признаков морфологического и стилистического свойства (рис. 32, 1, 2). Так например, декор корейских ножен в основном выполнен в технике перегородчатой инкрустации из фигурных со срезанной поверхностью агатов, ножны же из Борового преимущественно украшены вставками граната в отдельно напаянных гнездах. В отличие от корейских ножен, которые орнаментированы ободками и треугольниками из зерни, на казахстанском экземпляре кроме этого имеются ободки из филигранной проволоки. Различие

1994. Fig. 28, 3; 29, 1; Zaseckaja 1995. Fig. 3, 2). Но при этом они изменили форму навершия, используя для этой цели серебряные фигурные накладки (Засецкая 1975. Кат. 24). В данном случае мы полностью согласны с мнением В. Аназавы и Я. Маноме, что эти изделия не могли служить украшением навершия кинжала. Не понятно только, почему исследователи обошли молчанием работы И. П. Засецкой, которые, кстати, были ей переданы в Яонию специально для доктора В. Аназавы. В этих работах И. П. Засецкая не только публикует новую реконструкцию ножен, но и дает подробный сравнительный анализ корейского и казахстанского кинжалов, определяет их время бытования, а также датировку комплекса Борового в целом.

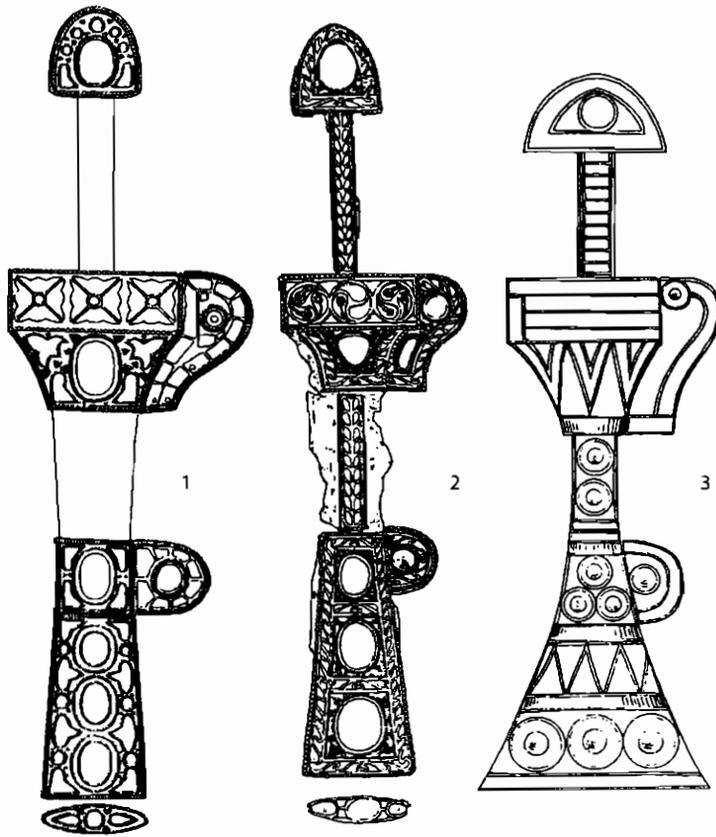

Рис. 32. Сравнительная таблица кинжалов типа А (по классификации В. Аназавы и Я. Маноме) 1 – кинжал из Борового, Казахстан; 2 – кинжал из Керим-ло, Южная Корея; 3 – кинжал из грота Кызыл 69, Восточный Туркестан (по Засецкой 1994)

наблюдается также в орнаментальных мотивах и отчасти в размерах и контурах декоративных накладок. Орнамент на корейских ножнах включает элементы, характерные для ювелирных изделий меровингской эпохи второй половины V–VI в., например, такие как бордюры из волнообразной линии и композиции из вихревых спиралей (Anazawa, Manome 1980. P. 275; Zaseckaja 1993. P. 438–439; Adams 2000. S. 41).

Подобные узоры отсутствуют в декоре ножен из Борового, для которого основными мотивами орнамента являются изображения лотоса и Я-образных фигур. Кстати, следует заметить, что фигуры лотоса со вставками граната украшают ожерелье из Шамси (Памятники Киргизии 1983. С. 47. Кат. 144). Продолжая сравнивать корейские и казахстанские ножны, укажем на отличия, хотя и не очень значительные, в размерах и форме некоторых деталей. Например, нижняя пластина корейских ножен имеет слабо выраженное «веерообразное» расширение, в то время как на казахстанских подобный признак

почти отсутствует; накладки от устья ножен и фигурная скоба корейского кинжала отличаются большим изяществом формы, что выразилось в изогнутости линии контуров пластин, и в то же время несколько меньшими размерами.

Отмеченные отличительные особенности формы и главным образом декора южнокорейского и казахстанского кинжалов могут быть обусловлены как хронологическим разрывом, так и разными центрами производства. Учитывая четко выступающие индивидуальные черты этих изделий, можно с достаточной долей вероятности утверждать, что они являются продукцией по крайней мере двух ювелирных мастерских с разными художественными традициями.

В настоящее время трудно точно указать место изготовления данных кинжалов. Оба кинжала по форме относятся к образцам восточного происхождения, о чем свидетельствуют многочисленные аналогии в памятниках настенной живописи Центральной Азии (Амброз 1986. С. 53–73. Рис. 1; Anazawa, Manome 2000. Fig. 5, 7, 8). Вместе с тем совершенно очевидно, что мастер, который изготовил корейский кинжал, был хорошо знаком с ранневизантийским ювелирным искусством.

Для определения хронологии кинжалов за точку отсчета следует принять дату южнокорейского экземпляра. Сначала японские исследователи датировали могилу 14 Керим-ло VI в., отнеся ее к стадии С (520–600) по хронологической классификации японского исследователя Акио-Ито (Anazawa, Manome 1980. P. 274). В своей последующей работе авторы, учитывая наличие в погребальном комплексе предметов, бытование которых относится к следующей стадии Д (от 600 г. и позднее), пришли к выводу, что погребение в целом и кинжал в частности могут датироваться временем не ранее середины VI в. (Anazawa, Manome 2000. P. 274)².

Основываясь на сравнительном анализе кинжалов типа «А», ведущим признаком которого является характер расширения нижней части ножен, веерообразной формы, И. П. Засецкая пришла к выводу, что датировка кинжалов из Южной Кореи и Казахстана ограничивается первой половиной VI в. При этом она высказала предположение, что кинжал из Борового, возможно, несколько древнее корейского (Засецкая 1995. С. 106, 107; Zaseckaja 1993. P. 439). Также первой половиной VI в. датирует кинжалы типа Боровое – Керим-ло немецкий археолог А. Кох, посвятивший статью кинжалу из Южной Кореи (Koch 1999. S. 419).

Таким образом, комплекс из Борового на основании совокупности дат всех входящих в него групп предметов датируется в пределах V – первой половины VI в. Учитывая наличие в комплексе предметов первой половины V в.,

² Кинжалы в ножнах, близкие казахстанскому и корейскому, известны по фрескам в китайском Туркестане (Кизил, гроты 66–67, 69, Кумтура, грот 15: Koch 1999. Abb. 9; Anazawa, Manome 2000. P. 74. Fig. 7, 7, 9, 10). Точная дата этих изображений не ясна (Anazawa, Manome 2000. P. 74), предполагается их принадлежность ко второй половине VI в. (Koch 1999. S. 415).

время захоронения, скорее всего, следует относить к началу VI в., и не позднее (Засецкая 1995. С. 107, 109; Zaseckaja 1993. P. 439).

Возвращаясь к вопросу датировки погребения 2 из Морского Чулека, можно сказать, что оба найденные в нем набора конской сбруи не выходят за пределы третьей четверти V – начала VI в. Не противоречат этой дате и другие предметы, найденные в данном комплексе. Например, как показало специальное исследование, трехчастные перстни, прямые аналоги которым происходят из киргизского погребения Шамси, относятся к более раннему времени, чем подобные же украшения из погребений, определенно датирующихся VI в. (рис. 2). То же можно сказать и о датировке золотой цепи, серег-подвесок и браслетов, бытование которых ограничивается второй половиной V – началом VI в.

Исследование древностей чулекских захоронений показало, что, с одной стороны, они примыкают к горизонту европейских «княжеских» находок, таких как Апахида 1 и 2, Клуз-Сомешени, Ольвия, Турнэ, Пуан, Блучина, Гроссернер и др., датируемых третьей четвертью – концом V в., а с другой – к восточным комплексам типа Шамси – Боровое второй половины или конца V – начала VI в. Эти данные и определяют возможные хронологические рамки погребения 2 Морского Чулека как вторая половина V – начало VI в.

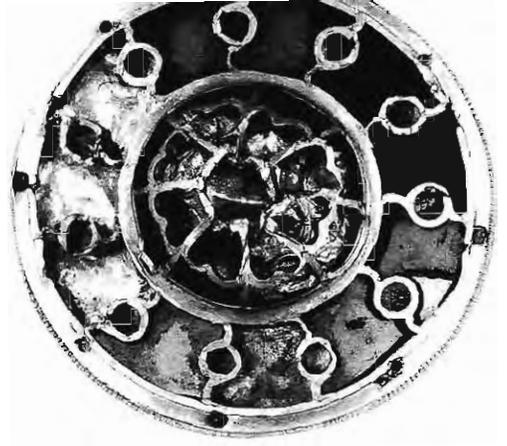
Все эти памятники, в том числе и чулекские, характеризуются богатством погребального инвентаря, представленного золотыми украшениями костюма и конской сбруи, дорогим оружием, а также наличием импортных, в основном византийского происхождения, предметов. Находки из Морского Чулека не намного уступают по количеству и богатству материалу из перечисленных выше европейских комплексов, что подтверждает вывод о принадлежности погребенных из Приазовья к высшим слоям кочевнического общества, возможно «княжеского» достоинства³.

³ Например, сравним вес двух золотых браслетов из чулекского погребения 2, который составляет 230,86 г, и одиночных браслетов из мужских воинских захоронений: Турнэ (могила Хильдерика) около 300 г, Апахида 1 – 230,2 г, Блучина – 226,7 г, Пуан – 171 г (Werner 1980. Tab. 1; Kyhlberg 1986. Cat. 7.3. № 1, 31, 36, 38, 53, 54). Браслетик из могилы кельнской принцессы весит 66 г, браслет из погребения 145 1904 г. в Керчи – 43,91 г, браслет из детского погребения Гроссернер – 41,64 г, браслет из кладов в Хельге – 74,25 г, браслеты из мужских погребений Вольфсхейм и Фюрст соответственно 87,05 и 69,16 г, браслет из погребения в Чепари – всего 20,63 г, а пары золотых браслетов разной формы из Унтерзибенбрунна и Регей соответственно 129,12 и 121,8 г (Werner 1980. S. 5. Tab. 2).

Для выяснения вопроса о степени богатства Морского Чулека приведем данные об общем весе золотых вещей из некоторых княжеских и королевских могил и кладов V в.: клад гуннского времени Симлеул-Шильваней 1 – 2,499 кг; клад Симлеул-Шильваней 2 – 2,559 кг; погребение с сожжением Сегед-Надьсекшош – 1,479 кг; погребения постгуннской эпохи: Апахида 1 – 1,043 кг, Апахида 2 – 457 кг, находка в Бакодпуште – 404,47 г (Kiss 1987. S. 60, 61). Вес «чиновничьих» золотых крестообразных фибул IV–V вв., жалуемых императором, колеблется в пределах от 20,3 г до 163,5 г (река Девня), при этом вес фибулы, полученной гепидским князем, погребенным в Апахиде 1 составляет всего 54,29 г (Martin 1987. Tab. 2). Вес золотых вещей из кладов постгуннского времени происходящего из Киевской губернии (хранится в ГИМ), – около 485 г. Общий вес золотых изделий в погребении 2 из Морского Чулека равен 785,73 г. Для выяснения вопроса о степени богатства Чулека интересно также привести данные о количестве солидов в кладов V в.: Шиканч (terminus post quem 443 г) – 1440 солидов; Дортмунд – (terminus post quem 407 г) – 432 солида, Рим (terminus post quem 467 г) – 396 солидов, Бина (terminus post quem 443 г) – 108 солидов, Реджо Эмилия (terminus post quem 476 г) – 60 солидов, Шеси (terminus post quem 405 г) – 24 солида (Martin 1987. Tab. 7). Напомним, что стандартный вес солида равен 4,5 г (Werner 1980. S. 5).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть неправомерность привлечения в качестве хронологических индикаторов для определения датировки чулукских погребений аналогичных по назначению шаходок из богатых захоронений второй трети VI – начала VII в., например, таких как михаэльсфельдское или уфимское, относящихся к другому, более позднему, периоду постгуннской эпохи.

ГЛАВА 3

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ВЕЩЕЙ И РАНГ ИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Как показало исследование отдельных категорий вещей из погребений Морского Чулека, значительная их часть происходит из византийских мастерских доюстиниановской эпохи. Такое же явление наблюдается и в погребальном инвентаре не раз упомянутых выше западноевропейских аристократических захоронений третьей четверти – конца V в., отчасти синхронных приазовским древностям. Особенно увеличивается византийский импорт на периферию в царствование Юстиниана I (525–565). В связи с этим возникает вопрос, каким образом роскошные византийские изделия попадали в руки соседних народов, в том числе и к приазовским варварам. На рынок вещи такого класса не поступали, тем более что империя всячески ограничивала утечку предметов из драгоценных металлов за границу. Остается предположить, что они являлись либо военной добычей, либо изготовлялись на месте пришлыми ювелирами, либо служили дипломатическими дарами.

Первая версия вполне вероятна: мы знаем находки византийской литургической посуды в богатых кочевнических могилах (например, блюдо епископа Патерна в Перецепине). Они могли попасть к варварам только военным путем, вряд ли православные византийцы стали бы раздаривать дикарям-язычникам священные сосуды, да еще из епископского имущества. Набеги же гунно-болгарских кочевников на Балканы хорошо известны. Что же касается чулекской упряжи, отметим, что именно конские украшения фигурируют в списке добычи, взятой нахом Хормиздом у тюрок (Феофилакт Симокатта. Кн. 3. VI. 14)¹.

Согласно второй версии – это продукция варварских мастеров, работавших по иностранным образцам, – аргументируется рассказом из жития св. Северина. Из него мы узнаем, что королева дунайских ругиев фактически обратила в рабство варварских мастеров, которые изготовляли ей королевские украшения. Лишь вмещательство св. Северина позволило получить им свободу (Eugippe. 8. 2–4). Не исключено, что такие мастера существовали и в Восточной Европе.

Наконец, не менее вероятна и третья версия. Дары варварам, равно как и получение ответных подарков, было обычной практикой византийской дипломатии. Одаривался как правитель, к которому направлялось посольство,

¹ Благодарю И. Р. Лхмедова за то, что он указал мне на отрывок из сочинения Феофилакта Симокатты, подтверждающий существование у древних народов иерархии в одежде и украшениях.

так и его окружение, а равно и более мелкие владетели. При этом должна была строго выдерживаться иерархия подарков, ее несоблюдение могло привести к непредсказуемым последствиям. Так византийцы, намереваясь возмутить против Аттилы вождей акациров, раздали подарки «не по чину», что вызвало возмущение верховного акацирского правителя Куридаха, немедленно донесшего обо всем Аттиле (Приск. 8).

Подарки могли быть чрезвычайно разнообразными, вплоть до слона и золотого ложа, подаренных византийским императором аварскому кагану (Феофилакт Симокатта. Кн. 1. III. 8–11). Про императора Аврелиана также рассказывали, что еще до вступления на трон он, будучи римским послом при сасанидском дворе, получил в подарок от шаха слона, а также дорогой кубок с изображением солнечного божества (*Histoire auguste. Le divin Aurélien. V. 5, 6*). Дарили не только слонов, но и носорогов – одного такого зверя китайский император получил в подарок в 584 г. от народа мань, правда, он немедленно отправил его обратно (Шефер 1981. С. 119). Впрочем, носорогов присылали в Китай и позднее, в том числе в начале VIII в., откуда-то с Запада, из «Персии» (Там же). Аттила одаривает византийских послов конями и мехами (Приск. 14) и вдобавок заставляет своих приближенных также подарить послам по коню (Там же. 8). Кони были очень распространенным дипломатическим подарком и в отношениях между Китаем и центральноазиатскими кочевниками (Шефер 1981. С. 88). Часто дарили не только зверей, но и людей. Так например, тюркский каган в 586 г. одаривает византийского посла кыргызской наложницей (Менандр. 20; Гумилев 1993. С. 54). Танские императоры получали в подарок музыкантов, артистов, а также карликов, в том числе и пигмеев, откуда-то из западных стран (Шефер 1981. Рис. 74 б, 75 б, 78–86).

Распространено было и дарение одежды, деталей костюма и украшений. Известно, что авары получали в подарок от Юстиниана I цепочки, украшенные золотом, ложа, шелковые одежды (Менандр. 5). Позднее, при Юстине II авары также получают «обычные» подарки по установленному Юстинианом обычаю, в том числе золотые цепи, ложа и другие предметы роскоши (Менандр. 14). В 568 г. аварский хан требует от жителей осажденного Сирмия серебряное блюдо, небольшое количество золота и какой-то «скифский плащ», его требования представляются умеренными (Менандр. 27). Делегация персидских армян преподносит Юстину II большое количество сирийских тканей (Grégoire de Tours. IV. 40).

Еще чуть позже сасанидский шах Хосрой дарит императору Маврикию, среди прочих подарков, драгоценные камни и «различные одежды» (Анонимная сирийская хроника 1234 г. Цит. по: Пигулевская 1946. С. 256). Хотанский владетель дарит танскому императору Тайцзуну нефритовый пояс из 24 пластин, изображавших солнце и луну (Ставиский, Яценко 2002. С. 340). Танские императоры «отдаивали» своих вассалов золотыми поясами и облачением императорского подданного (Шефер 1981. С. 45). Посольство из Тохаристана в 682 г. преподнесло императору Гао-цзуну золотое одеяние, которое, однако,

императором было отвергнуто (Там же. С. 264). Император Ираклий у стен осажденного Тбилиси дарит предводителю тюркских союзников свой венец, пиршественную утварь, императорские одежды и украшенные жемчугом серьги. Подобные серьги получает и окружение тюркского предводителя (Никифор. 622). Франкский король Хильперик показывал своим гостям золотые монеты, полученные в подарок от византийского императора Тиберия, а также украшения, поднесенные разными посольствами (Grégoire de Tours. VI. 2). Другой представитель меровингской династии, король Хильдберт, дарит своему племяннику, королю Теодеберту, оружие, одежды, украшения, коней и посуду (Ibidem. III. 24).

Нам неизвестны конкретные случаи дарения в IV–VII вв. оружия или конского снаряжения варварским вождям от имени византийского императора², однако, как мы увидим далее из истории византийско-персидских отношений, такая практика наверняка имела место. Кроме того, известны случаи, когда варварские послы покупали оружие в Константинополе (Менандр. 9).

Отличившимся воинам византийской армии дарили оружие и конское снаряжение. После удачного сражения с персами «стратиг произвел смотр всему войску, щедро наградил раненых, золотое и серебряное украшения были ответными дарами за доблесть их духа... Одному высокое звание было наградой за его смелость, другому – персидский конь, прекрасный по виду, отличный в сражениях; иной получил серебряный шлем и колчан, а другой – щит, панцирь и копье» (Феофилакт Симокатта. Кн. 2. VI. 10, 11). Оружие, а также одежда и чеканная монета входят и в состав воинского жалования (Там же. Кн. 7. I. 2). Находки парадных византийских мечей в «варварском» контексте Восточной Европы, на наш взгляд, подтверждают возможность получения оружия в качестве дипломатических даров (см. Приложение 1).

Особо важным представляются инвеституционные дары, когда варварские предводители получали от императора инсигнии власти и таким образом инкорпорировались (хотя бы символически) в позднеримско-византийскую иерархию. В этом смысле было бы интересно сопоставить набор византийских вещей в чулукском погребении 2 (конский убор, браслеты, перстень) с данными письменных источников.

Согласно Аммиану Марцеллину (Аммиан Марцеллин. XXI. 10. 8), Юлиан Отступник упрекал Константина Великого в том, что «тот впервые стал возвышать варваров до консульских фасцев и трабей», то есть дарить им консульские златотканые одежды, украшенные драгоценными камнями.

В контексте инвеституры варварских предводителей интересно перечисление консульских инсигний, полученных Хлодвигом от императора Анаста-

² Обычай дарения оружия подробно зафиксирован в Азии, например, в отношениях между империей Тан и ее вассалами. Так император Суан-цзюн пожаловал царю страны Шрибходжа (на Суматре) «пурпурный кафтан и меч с золотой инкрустацией» (Шефер 1981. С. 47). Корейское государство Пэкче присылало в качестве подношения в империю Тан доспехи, манчжурские мечи-мохэ, а владение Наньчжао прислало меч, в сталь которого был добавлен яд, клинок закален в конской крови, а рукоять и гарда отделаны золотом и рогом носорога (Шефер 1981. С. 343, 346).

сия: пурпурная туника, хламида, диадема (Grégoire de Tours. II. 38). По Прокпию Кесарийскому (Война с вандалами. I. 25), вождь маврусиев получает от императора при инвеституре серебряный с позолотой жезл, серебряный головной убор, похожий на венок, белый плащ с золотой застежкой на правом плече, белый хитон с вышивкой и золоченую обувь.

Царь закавказских лазов получает в аналогичной ситуации золотую корону, усеянную драгоценными камнями, хитон, шитый золотом, пурпурные сапоги и митру, украшенную золотом и драгоценными камнями. Агафий сообщает, что «пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено. Но разрешена только белая, однако, не обычная. Посредине с обеих сторон отсвечивает она золотым шитьем, с императорской фибулой на хламиде, украшенной драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями» (Агафий. III. 15). Первым такие дары получил при крещении в 522–523 гг. лазский царь Цафий. Это были корона, белая хламида с изображением императора Юстина и белый шелковый хитон (Беляев 1926. С. 218; см. также: Прокций Кесарийский. Война с персами. Прим. 99. С. 415).

Интересно, что в состав церемониальной одежды «древних» франкских правителей, согласно автору IX в. Ноткеру Заике из Санкт-Галленского монастыря, входила обувь, расшитая золотом, плащ белого или сапфирового цвета, жезл из яблоневого дерева, с золотой или серебряной рукояткой (Notker Balabulus de Saint-Gall. De gesta Caroli Magni. I. 36. Цит по: Salin 1949. P. 108). Похожий набор инсигний носил и Карл Великий. В описании, оставленном Эгинхардом, упоминаются плащ с золотой фибулой, обувь, украшенная геммами, золотая диадема с драгоценными камнями, туника с шелковыми аппликациями по краю (Eginhard. Vita Karoli magni imperatoris. 23; цит. по Salin 1949. P. 110). Налицо явное подражание византийскому инвеституционному убору.

В археологическом материале инсигнии, получаемые варварами от римского императора, представлены в первую очередь находками Т-образных фибул, вроде тех, что фигурируют в костюме Стилихона на диптихе из Монцы или в уборе юстиниановских придворных на равеннских мозаиках в церкви Сан-Витале (подробнее об этом см.: Theune-Grosskopf 1995). Наиболее известны золотые фибулы из могилы франкского короля Хильдерика в Турнэ и из погребения гепидского предводителя (короля?) Омфаруса из Апахиды (L'Or des princes barbares 2000. Cat. 30, 1; 37, 1). Имеются подобные золотые фибулы и в варварских италийских кладах Реджио Эмилия и Десана (I Goti 1994. Fig. III, 28 c; III, 29 e). Принадлежность этих двух кладов именно варварам³, а не италоримлянам устанавливается по присутствию в их составе пальчатых (Реджио Эмилия) и двупластинчатых (Десана) женских фибул, характерных для восточных германцев. В могиле безымянного герульского (?) вождя из Блучины присутствует местная имитация из серебра римской Т-образной фибулы (L'Or des princes barbares 2000. Cat. 33, 8).

³ Традиционное отнесение этих находок к готам условно, они могут быть связаны и с варварами Одоакра (ругии, герулы, скиры и т. д.) (подробнее об этом см.: Menke 1986).

К числу инвестиционных, скорее всего, относятся и так называемые «императорские» фибулы полихромного стиля (они действительно хорошо представлены на портретах императоров) и их имитации. Это броши с подвесками из Словакии: одна происходит из позднеимператорской привилегированной могилы в Островянах, другая – недокументированная находка из Ребрина, а также две фибулы-дериваты римских Т-образных, обнаруженные в варварских могилах первой половины V в. Петросса и Шимлеул-Сильваней в Румынии (Soupault-Becquelin 1997).

Жезлы, упоминаемые в качестве инвестиционных, также известны в варварских «королевских» могилах, в частности в Швеции и в Англии (Ambroziani 1983; Arrhenius 1995). Другие инвестиционные предметы, известные по письменным источникам (в частности диадемы), археологически надежно не представлены.

Предметы вооружения, воинской экипировки или конского убора не фигурируют в списках инсигний, раздаваемых императором варварским вождям. В целом, как мы могли убедиться, к числу инвестиционных предметов относятся только парадные одежды и сопутствующие им украшения (фибулы, диадемы), а также жезлы. Тем не менее, чулекская узда византийского происхождения могла принадлежать к инвестиционным подаркам. Об этом свидетельствует сообщение Прокопия, согласно которому император Юстин намеревался «усыновить» Хосрова, сына шаха Кавада, по варварскому обычаю, т. е. посредством вручения ему оружия и доспехов (Прокопий Кесарийский. Война с персами. I. 9. 22). Персы очень обиделись за то, что их приравнивали к варварам, и мероприятие сорвалось. Однако в отношениях с другими народами такая практика, несомненно, имела место, иначе император не стал бы делать шаху подобное предложение. Общеизвестно, что у варваров парадная узда рассматривалась как часть воинской экипировки, именно поэтому она присутствует в «воинских» наборах в знатных погребениях V в. (Турнэ, Алахида, Гроссернер и др.). Отсюда можно заключить, что чулекская узда могла первоначально иметь инвестиционный характер.

Общеизвестна роль одежды и элементов костюма, а также украшений в знаковой системе социальной иерархии разных народов конца античности и начала средневековья. Она существовала как у варваров, так и в империи. В поздней Римской империи и затем в ранней Византии также существовала развитая иерархическая система, хорошо известная по письменным источникам и иконографическим данным (Беляев 1926. С. 218, 227). По утверждению «Истории августов», Александр Север регламентировал даже ширину пурпурной полосы на тогах сенаторов и всадников (Histoire auguste. Alexandre Sévère. XXVII. 3).

Регламентация одежды в Римской империи хорошо видна на примере запретительных указов, призванных бороться с расточительством аристократии. Так, Александру Северу авторы (или автор) «Истории августов» приписывают указ о запрете на ношение одежды и обуви с драгоценными камнями

(Ibidem. IV. 2)⁴. Тот же Александр Север якобы ограничил убор придворных дам: они имели право на сеть-вуаль для прически, пару серег, ожерелье из бус, расшитую золотом тунику-плащ и церемониальное платье, золотые украшения которого не должны были превышать шесть унций (Ibidem. XLI. 1). Император Аврелиан позволил матронам носить одежду пурпурного цвета, до этого они носили разноцветные наряды, особенно в моде был опаловый цвет (Histoire auguste. Le divin Aurélien. XLVI. 4). Конечно, «История августов» – сочинение апокрифическое, существование ее авторов, указанных в заголовках биографий, более чем сомнительно, но это произведение, созданное на рубеже IV–V вв., хорошо отражает римские реалии своего времени.

Подвергалась регламентации и воинская одежда. Так, по «Истории августов» император Аврелиан разрешил солдатам носить золотые фибулы, тогда как ранее им позволялись лишь серебряные. Он же якобы разрешил солдатам носить туники, украшенные парагаудами (расшитыми аппликациями) (Ibidem. XLVI. 5, 6).

Такая регламентация поддерживалась, в частности, императорскими пожалованиями и выдачами. В апокрифическом письме Валериана по поводу жалования трибуна Клавдия, будущего императора, приведенном в «Истории августов», в перечне ежегодно выдаваемых вещей упоминаются две красные воинские туники, два воинских плаща, две фибулы из позолоченного серебра, одна золотая фибула с медной иглой, портупейный пояс, украшенный позолоченным серебром, кольцо весом в унцию с двумя камнями, браслет весом в семь унций, гривна-торк (Histoire auguste. Le divin Claude. XIV. 5). В другом списке императорских пожалований тому же Клавдию фигурируют две расшитые пурпуром хламиды, шестнадцать различных одежд, туника с парагаудами, расшитая золотом весом в три унции, три пары «парфянской» обуви, десять легких далматских одежд, дарданская хламида-плащ, иллирийская пелерина, плащ с капюшоном, два меховых капюшона⁵ (Ibidem. XVII. 6). Будущий император Аврелиан получает за боевые заслуги, в числе прочего, четыре красные генеральские туники, два проконсульских плаща, две тоги, одна из которых украшена шитьем, тунику, украшенную пальмами, нижнюю длинную одежду

⁴ Эту «персидскую» моду якобы ввел Элагабал (Histoire auguste. Antonin Élagabal. XXIII. 3). На самом же деле обувь и одежда с драгоценными камнями появилась при римском дворе лишь при Диоклетиане, а диадемы с камнями – при Константине (Ibidem. 529. Note 6; 568. Note 2), т. е. значительно позднее Элагабала и Александра Севера.

⁵ Их упоминание указывает на позднюю дату текста, так как ранее V века римляне, за исключением крестьян, пастухов и легионных знаменосцев (Leguilloux 2004. P. 86), меховой одежды не носили (Howard-Johnston 1998; Kolendo 1999). Самое раннее упоминание меха в Византийской империи содержится, насколько нам известно, в вышеприведенном тексте Приска о подарках Атиллы византийскому посольству. Если судить по письменным источникам, в предшествующую эпоху римляне считали ношение меховой одежды признаком дикости и бедности (Leguilloux 2004. P. 86). Известно употребление ими меха бобра, которому приписывали целебные свойства – из него шили специальные тапочки для лечения подагры (Leguilloux 2004. P. 84). Стоил он не очень дорого, за одну выделанную шкурку бобра, по эдикту Диоклетиана от 301 г., просили 30 денариев, столько же, сколько за выделанную баранью шкуру (Ibidem. P. 10, 11). Знатные римляне, правда, любили одежду из меха экзотических животных (Ibidem. P. 87), но, судя по имеющимся данным, речь идет о нарядах из звериных шкур, привозимых из Африки и Восточной Азии по Красному морю (Ibidem. P. 80, 81), а не о меховой одежде в прямом смысле этого слова.

без рукавов (*Histoire auguste. Le divin Aurélien. XIII. 3*). Наконец, в жалованье, полученном Пробом от Аврелиана, присутствуют две темно-красные туники, два галльских плаща с фибулами, два украшенных шитьем нижних одеяния (*Histoire auguste. Probus. IV. 5*). За подвиги на войне против дунайских сармат Проб получает, помимо прочего, два золотых браслета и золотой торк (*Ibidem. V. 1*). Напомним еще раз, что «История августов» – источник апокрифический, созданный на рубеже IV–V вв., и приведенные данные не имеют отношения к реальным Клавдию, Валериану, Пробу или Аврелиану. Однако, и это для нас самое важное, они четко отражают представления римского автора о характере воинского «довольствия» в Поздней Империи.

К VI в. одежда византийской армии униформизируется, входят в моду «сарака» и «парагауда» (точнее, одежда, украшенная нашивной парагаудой, не очень длинные хитоны с рукавами, носимые с поясом), в то время как гражданские служащие носят, помимо парагауды, хламиду (Беляев 1926. С. 215, 227; Spiedel 1997). Причем, разным категориям солдат выдавались в составе довольствия парагауды разного цвета (Беляев 1926. С. 215). С 369 г. золототканые, шелковые и расшитые золотой нитью парагауды, как мужские, так и женские, было разрешено производить только в дворцовых ателье, видимо они стали инсигнией (Там же. С. 217).

Отличившиеся солдаты в армии Велизария получают право на ношение почетных браслетов и ожерелий (Прокопий из Кесарии. Война с готами. III. 1. 8). Скорее всего, речь идет о торках (Spiedel 1996), вроде тех, что мы видим на императорских гвардейцах на арке Константина, на блюде из Гордиковского склепа, а также на блюде Феодосия, мозаике церкви Сан-Витале или на колонне константинопольского ипподрома (Grabar 1966. Fig. 171, 246, 347, 351; Spiedel 1996. Fig. 1; Soupault 2003. Pl. 88). Скорее всего, именно таким торком в конечном счете и короновали восставшие солдаты Юлиана Отступника (Аммиан Марцеллин. XX. 4. 18).

У варваров иерархия одежды и украшений также достаточно строго соблюдалась. Так, византийский полководец Нарзес говорил франкам, что «все богатство готов захвачено римлянами, так же как и инсигнии готской власти, так что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то он не будет иметь знаков отличия и достоинства, но должен будет носить простую воинскую одежду» (Агафий. I. 20). С поля боя готы выносят не только знамя Тотилы, но и в случае гибели знаменосца его отрубленную левую руку, с тем чтобы ромеям не достался очень ценный золотой браслет, который знаменосец носил на левой руке (Прокопий из Кесарии. Война с готами. III. 24. 24, 25). В описании прибытия франкского принца Сигисмера в Лион (около 470 г.) указано, что он был в одежде ярко-красного и белого цветов и блистал золотом, в то время как его свита была в разноцветной одежде, поясах, украшенных мехом, и в зеленых плащах, расшитых красной нитью (Sidoiné Apollinaire. Epist. IV. 20. Цит. по: Salin 1949. P. 100). У Феофилакта Симокатты телохранитель императора Маврикия представлен «верхом на златоуздом коне, оде-

тый в блестящую одежду и подпоясанный золотым поясом с прекрасными украшениями» (Феофилакт Симокатта. Кн. 6. II. 6). Тот же автор рассказывает криминальную историю про пояс этого юноши, убитого гепидом из свиты Маврикия. Мастер, которому гепид, убивший телохранителя и укравший его пояс и украшения, отдал вещи на переплавку, заметил, что «отдельные части пояса сделаны замечательно, форма сгибов обличает высокое положение владельца», что не соответствовало облику гепида-заказчика и отдал его в руки правосудия. Таким образом, это свидетельствует о существовании устойчивой системы представлений о знаковой системе престижного убора. Переданный в руки правосудия гепид пытался оправдаться, выдавая пояс за собственность «сына наложницы царя» лангобардов, взятого с поля боя. Суд первоначально поверил ему, но, сопоставив его возраст и время событий, произошедших еще до рождения гепида, изменил свое решение. Налицо четкое разграничение представлений о социальном значении воинских гарнитур, в котором телохранитель императора может быть равен представителю семьи «варварского» царя (Там же. X. 4–16).

Существовала иерархия одежды и украшений и у сасанидских персов. Так, Прокопий Кесарийский отмечает (Война с персами. I. 17. 28), что у персов запрещено носить золотые перстни, пояса, пряжки и что-либо подобное, если это не пожаловано царем. Византийские солдаты на поле боя грабят трупы персов, при этом им достаются не только «щиты, луки и колчаны, но и золотые вещи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться виднейшие и знатнейшие мидяне, и этим отличаются от толпы» (Агафий. III. 28). Перебежчик Антонин получает от персидского царя право носить тиару, «а эта честь дает право на участие в царском совете, голос на совещаниях с царем и подачу мнения на советах» (Аммиан Марцеллин. XVIII. 5, 6).

Трудно, конечно, представить, какова была иерархия одежды и украшений у приазовских кочевников, тем более что оба погребения из Морского Чулека женские. Однако, несомненно, что похороненные в них особы были высокого социального ранга, о чем свидетельствуют найденные здесь золотые изделия: цепи, серьги, браслеты, кольца-перстни – украшения костюма, а также дорогие импортные наборы конской упряжи, обнаруженные в более богатом погребении 2.

Не вызывает особого удивления и тот факт, что большинство золотых украшений импортного, в основном византийского происхождения. Как известно из письменных источников подарки из Византии получали не только мужчины, но и знатные женщины. Например, при посещении вдовы гуннского вождя Бледы, брата Аттилы, византийские дипломаты преподнесли ей три серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, финики и другие лакомства (Приск. 8). Особо стоит отметить случай, когда Юстиниан I подарил предводительнице северокавказских племен савиров Воа (Боарикс) «много царской одежды, различной посуды и немало денег» (Иоанн Малала. XVIII).

Можно уверенно предположить, что «царская одежда», подаренная Юстинианом савирской царице Воа, во-первых, скорее всего, была женской, а во-вторых, видимо, инвеституционной. Наверное, эта одежда походила на парадный убор Теодоры и знатных придворных дам, известный нам по равеннской мозаике в Сан-Витале (подробнее об этом см.: Мастыкова 2005).

Каким образом золотые ювелирные изделия византийского происхождения попали к женщинам, похороненным в погребениях Морского Чулека, были ли они дарами, полученными непосредственно особами женского пола, или являлись семейными драгоценностями по мужской линии, трудно ответить однозначно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МОРСКОЙ ЧУЛЕК И ИСТОРИЯ ПОНТИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ПОСТГУННСКУЮ ЭПОХУ

Изучение материалов из погребальных комплексов Морского Чулека на фоне широкого круга аналогий позволяет отнести их к определенному историческому периоду, известному в научной литературе как постгуннская эпоха второй половины V – первой половины VI в., наступившая после распада гуннского племенного союза в 454–455 гг. Однако более точная дата чулекских погребений ограничивается, как мы видели, второй половиной V – началом VI в. Как уже отмечалось выше, находки из погребений Морского Чулека содержат украшения, типичные как для европейских, так и для азиатских народов. Чтобы попытаться определить их этнокультурную принадлежность, прежде всего необходимо рассмотреть этногеографию азовско-черноморских степей в постгуннское время. Однако в наши задачи не входит полная реконструкция этнической и политической ситуации в понтийских степях в этот период.

В 454 г. умирает вождь и правитель гуннов Аттила, который, объединив под своей властью разноэтничные племена и народы, создал могущественную «державу» от Кавказа до Дуная, с центром в степях современной Восточной Венгрии. После его смерти между наследниками разгорелся спор за власть, и, как пишет Иордан, «пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все вместе и утратили власть» (Иордан. 260). Сыновья Аттилы требовали разделения подвластных племен жребием, не считаясь с мнением их вождей, что вызвало возмущение у последних. В результате сначала откололись от гуннов гепиды со своим королем Ардарихом, а затем и другие находившиеся в подчинении у Аттилы племена, – «и вот все вооружаются для взаимной гибели, и сражение происходит в Паннонии, близ реки, название которой Недао» (Там же).

В этой схватке победили гепиды. Старший сын Аттилы Эллак был убит. Гунны вынуждены были отступить в причерноморские степи, при этом возглавил отступление сын Аттилы Денгизих (Динтцик) (Там же. 203). В это время в азовско-причерноморских степях проживало многочисленное племя акациров, которое и возглавлял с 440-х гг. до своей гибели Эллак (Приск. 8). Оно, возможно, и играло главную роль в политическом объединении гуннского племенного союза сразу после смерти Аттилы. Однако, как отмечает Приск, у этого народа было много начальников по коленам и родам,

по крайней мере, в эпоху Атиллы. В то же время, по сообщению Иордана, другие сыновья Атиллы отходят на Нижний Дунай – Эртак занимает Малую Скифию, а Эмнетзур и Ультзиндур поселяются со своими ордами по Нижнему Дунаю, на территории современной Болгарии (Иордан. 266). Вероятно, имя Ультзиндура восходит к племенному названию амилзуров (Приск. 8), они же альпидзуры, или альцидзуры (Иордан. 72, 101), с которыми были связаны события более раннего периода истории европейских гуннов.

В 432 г. гуннский вождь Руа предпринимает поход на Дунай и решает как пишет Приск Панийский (Приск. 1), вести войну против амилзуров, итимаров, тонсуров, воисков и других народов, поселившихся на Истре и стремившихся к союзу с римлянами. Из более ранних источников, в частности, из сочинения Зосима, оставившего подробное изложение истории с 270 по 410 гг., мы узнаем, что в 400-е гг. гунны под предводительством Ульдиса воевали против готского военачальника Гайны на стороне Рима (Зосим. 5. 21). Другой автор, Еремия Созомен, который написал девять книг по истории, охватывающих период с 324 по 423 гг., в последней книге пишет, что «Ульдис, предводитель живущих по Истру варваров, с огромными силами переправился через реку и захватил часть Фракии» (Созомен. IV. 5). Однако, в конце концов, он был изгнан римлянами из Фракии и, с трудом переправившись через Дунай, спасся бегством. Дальнейшая судьба его неизвестна. Из описанных выше сообщений явствует, что в 400-е гг. территория на левой стороне Нижнего Дуная была занята варварскими племенами, скорее всего, гуннами, которые представляли собой самостоятельную, оторвавшуюся от общей массы группу, не вошедшую в политическое объединение гуннского племенного союза, господствующего в Северном Причерноморье (с ними идентифицируются «европейские» гунны Псевдо-Маркиана и Филосторгия, они же гунны Доната и Харатона, упоминаемые Олимпиодором, впоследствии «царские» гунны Приска. См.: Маркиан. II. 39; Филосторгий. XI. 8; Олимпиодор. 18; Приск. 8). Вполне вероятно, что это были именно племена, упомянутые позднее Приском, против которых собирался воевать Руа в 432 г. (Засецкая 1994. С. 144–146).

В 456 г. (Demougeot 1979. P. 769) сыновья Атиллы предприняли попытку снова закрепиться на Среднем Дунае, однако были отбиты остроготами и отступили на Днепр (Иордан. 268–269), скорее всего туда, куда они отошли после разгрома у Недао. Но теперь к ним присоединились и нижнедунайские гунны. Действительно, при следующей попытке напасть на остроготов в 466 г. (Demougeot 1979. P. 770) под началом Денгизиха, руководившего операцией, оказываются биттугуры, бардоры¹, германцы, ангискиры, а также ултзиндзуры (Иордан. 272), которых мы видели в 455 г. на Нижнем Дунае. Завоевание снова не удалось – гунны окончательно отогнаны на Восток.

Таким образом, в 455–466 гг. в нижнеднепровских-причерноморских степях закрепляются средне- и нижнедунайские гунны – биттугуры, бардоры,

¹ Позднее гуннское племя витторов знает Агафий (II. 11). Это, скорее всего, те же бардоры. В их этнониме можно узнать гуннское название Днепра – Вар.

ультиндзуры, возглавляемые Денгизихом. Его брат Эрнак, возможно, какое-то время остается в степях Малой Скифии (Altheim 1952. P. 203, 204). Однако, видимо, и он вскоре отходит на восток, так как впоследствии Эрнак не участвует в акциях Денгизиха на Дунае в 466 г. Акациры же в составе гуннского союза больше не упоминаются. Скорее всего, после смерти Эллага они вышли из-под гуннского контроля, или же утратили свою главенствующую роль.

Но возможно и другое объяснение, связанное с миграцией в начале 460-х гг. в степи Северного Причерноморья новых племен. Как сообщают письменные источники, некие сарагуры, уроги, оногуры вытеснили господствовавшее здесь племя акациров. В 463 г. эти народы отправили посольство в Константинополь (Приск. 30). Может быть, именно поэтому в 466 г. мы застаем гуннского вождя Денгизиха у дунайской границы – его потеснила на Запад новая волна кочевников. В 467 г. (Demougeot 1979. P. 770, 771) или в 468/469 гг. (Thompson 1996. P. 172) в Константинополь прибывает посольство Денгизиха и Эрнака с просьбой открыть дунайские рынки. Однако они получают отказ, после чего в этом же году Денгизих совершает свой последний набег на Дунай, в котором гибнет (Артамонов 1962. С. 62; Demougeot 1979. P. 771; Thompson 1996. P. 173). Его брат Эрнак в нашествии участия не принимает. Он в это время был занят местной войной (Приск. 36), видимо, с сарагурами, движущимися на запад под давлением савиров, следующей волны миграции с востока в степи Северного Причерноморья.

В результате всех этих событий в конце V в. вышеназванные племена заняли определенные территории. Сарагуры, вероятно, закрепились на Северном Кавказе, откуда они в 466 г. совершили набег на Закавказье (Приск. 37. Интерпретация текста: Гадло 1979. С. 53). Но вскоре здесь устанавливает свое господство савиры (о них см.: Артамонов 1962. С. 69–78; Ромашов 2001. С. 269–271). Оногуры же расселяются западнее сарагуров (Артамонов 1962. С. 75, 76), скорее всего, как мы увидим, на Нижнем Дону и в Приазовье (Altheim 1952. С. 205; Haussig 1971. P. 71, 72), огуры (уроги), видимо, оказываются на Нижней Волге (Артамонов 1962. С. 76), где их впоследствии фиксируют письменные источники (например, Феофилакт Симокатта. Кн. 7. VII. 7).

Не исключено, что в днепровско-дунайском регионе наиболее заметной силой оставались гуннские племена ультиндууров-ультиндзууров, переселившиеся под началом сыновей Аттилы с Нижнего Дуная на Днепр. По сообщению Агафия, в царствование Льва (457–474) самыми известными гуннскими народами являлись ультиндзуры и вуругунды (Агафий. V. 11). Первые, как мы видели, являются осколком державы Аттилы, вторые, большинством исследователей сопоставляются с оногурами, которые появляются в понтийских степях в постгуннское время.

Таким образом, похоже, что в 450-е – 470-е гг. черноморские степи поделены между двумя основными группировками: гунны, в первую очередь ультиндзуры под началом сыновей Аттилы, на Западе, и оногуры, входившие в тройственный сарагуро-огуро-оногурский союз, на Востоке.

Чуть позже в современных событиях источниках в Причерноморье появляются и болгары. В первый раз они упоминаются в 354 г. в Анонимном Хронографе на Северном Кавказе (Сиротенко 1972. С. 195; Гадло 1979. С. 57), но этот текст, сохранившийся в рукописи V в. не всеми исследователями признается достоверным (Халиков 1989. С. 17). По крайней мере, в надежно датированных источниках ранее середины VI в. болгары известны только в Северо-Западном Причерноморье и на Дунае. В 480–481 гг. болгары призваны (откуда?) императором Зеноном, чтобы действовать против готов. В 488 г. они под руководством вождя Бузана засвидетельствованы на Саве. Известны и их вторжения на Дунай в 499, 501–502 и 504 гг. и в 513–514 гг. По поздним источникам (Феофан), болгары и гунны были представлены в армии узурпатора Виталлиана, опять в балкано-дунайском регионе; последние вторжения болгар происходят в 530 и 537 гг. (см. подборку сведений с указанием на источники: Артамонов 1962. С. 79–84; Сиротенко 1972). После 537 г. прямых упоминаний о болгарских нашествиях нет (в известии Прокопия о набеге 540 г., иногда приписываемом болгарам, на самом деле указаны некие гунны, имя которых в VI в. явно стало собирательным), зато начинается пик склавинских нашествий на Балканы 540-х – 550-х гг. (Kazanski 1999. P. 67). Видимо, на какое-то время склавины отрезали болгар от дунайской границы или по крайней мере создали непреодолимые препятствия для их акций². Интересно, что около этого времени, в 550-е гг., появляется первое достоверное упоминание о болгарях на Северном Кавказе, где Захария размещает их вместе с аланами где-то к северу от Каспийских ворот (Дарьял и/или Дербент) и отмечает наличие у них городов (Пигулевская 2000. С. 568). Похоже, прекращение активности болгар на Дунае совпадает с их появлением на Кавказе³.

В наши задачи никоим образом не входит изучение происхождения болгар, нам важно лишь подчеркнуть, что, во-первых, древние авторы в V–VI вв. не отождествляли болгар и оногуров (см. также: Божилев, Димитров 1995. С. 14, 15)⁴, как делают некоторые современные исследователи, а иногда четко их противопоставляли (Иордан; Захария, см. ниже), и, во-вторых, для времени ранее середины VI в. они знают болгар лишь в Северо-Западном Причерноморье, на Дунае и на Балканах.

В этом смысле показательна география Скифии (середина VI в.), представленная Иорданом (Иордан. 36, 37). Он помещает болгар над Понтом, за ними, то есть к востоку, если следовать логике описания, размещаются гунны, раз-

² В то же время склавины и анты могли пропускать других кочевников, с которыми у них могли быть мирные отношения. Так, чуть позднее известны совместные набеги склавинов и каких-то гуннов в 540–542 гг., склавинов и кутригуров в 559 г. Гунны, анты и склавины вместе служат в кавалерийском корпусе Мартина и Валериана в армии Велизария на итальяском театре военных действий.

³ Болгары на Кавказе упоминаются Мовзесом Хоренаци в V в. (Сиротенко 1972. С. 195; Халиков 1989. С. 17), впрочем датировка этого текста столь ранним временем признается не всеми специалистами. Благодарим Константина Цукермана за любезную консультацию.

⁴ Зато такое отождествление (как и отождествление болгар и кутригуров, см. ниже) встречается у более поздних авторов, что, скорее всего, объясняется какими-то политическими и этническими изменениями второй половины VI – VII в.

деленные на две ветви – кавказские савиры и крымские альциагиры. Где-то на северных окраинах кочевого мира (в междуречье Днепра и Дона?) живут акациры (якобы по соседству с балтийскими эстиями)⁵, видимо, выбитые с юга сарагурами и их союзниками (Ромашов 2001. С. 263). Наконец, Иордан упоминает как отдельный народ и оногуров (хунугуров), ведущих меховую торговлю (Иордан. 37). Похоже, что в географии Иордана болгары заняли место гуннов Денгизиха и Эрнака⁶. Существенно, что их походы продолжают военную политику сыновей Аттилы. Впрочем, можно только гадать, что и делает большинство историков, были ли болгары до этого в составе гуннской орды и занимали ли в ней ведущее место к 480 г., или же это новый народ, призванный откуда-то с Востока – из Центральной Азии (?) (Haussig 1987. P. 694⁷) – Зеноном и захвативший лидерство в днепровско-дунайских степях.

Однако уже к 550 г. ситуация меняется. Прокопий Кесарийский в середине VI в. к западу от Дона размещает кутригуров, а к востоку от Дона – утигуров; близкая ситуация представлена для этого времени и у Агафия (см. Ромашов 2001. С. 280–288). Те и другие, если верить их этногенетической легенде, рассказанной Прокопием, появились в Причерноморье ранее, после 429 г. (Там же. С. 281), и таким образом не имели отношения ни к гуннам Аттилы (Божиллов, Димитров, 1995. С. 16), ни, видимо, к союзу сарагуров-оногуров-огуров. С 551 г. эти два народа, до того ничем себя на проявившие, становятся особенно активными в военном плане. Несомненно, до прихода авар они лидируют в понтийских степях⁸.

⁵ Напомним, что в позднеантичной географической традиции Восточная Европа представлялась в виде вытянутой с запада на восток ленты, где среднее и верхнее течение Дона оказывалось в непосредственной близости от балтийского берега (Ellegerd 1987. P. 15, 16). Видимо, это обстоятельство и объясняет соседство акациров с Прибалтикой.

⁶ Если принять мнение М. И. Артамонова, что альциагиры соответствуют ульгидзурам Агафия (Артамонов 1962. С. 85), то получается, что болгары вытеснили остатки орд сыновей Аттилы в Крым. Такое отождествление нам представляется не бесспорным. В самом деле, как мы могли убедиться, ульгидзуры Агафия являются осколком орд Аттилы. Альциагиры же, по Иордану, вместе с савирами, составляют две ветви гуннов, то есть вроде бы являются родственниками (Иордан. 37). Однако савиры пришли в Европу лишь в конце V в. (Артамонов 1962. С. 69, 70), что ставит под сомнение принадлежность к империи Аттилы их родственников альциагиров.

⁷ В целом этноисторические и этногеографические реконструкции Х.-В. Хауссита носят совершенно фантастический характер и, как правило, никак им не аргументируются.

⁸ По мнению многих исследователей, кутригуры идентичны болгарам (см. историографический обзор: Ромашов 2001. С. 282–285, сам автор также отстаивает тождество болгар и кутригуров). При этом упускается из виду, что эти два народа, хоть и занимают одну и ту же территорию к северу от Черного моря, действуют или локализируются там по данным источников в разное время: болгары – до 550 г., кутригуры – в 550–570-е гг. В 570-х – 620-х гг. как кутригуры, так и болгары упоминаются только на Дунае, в составе аварских войск; откуда происходят эти контингенты, в источниках не указано. А. В. Комар считает, что кутригуры появляются в Причерноморье около 479 г., «поскольку Виктор Тонненский, современник нападения кутригуров на Византию в 559 г., четко называет нападавших „булгарами“ (Bulgares)» (Комар 2004. С. 169, 170). Такое заключение нам представляется необоснованным. В приведенной цитате речь все-таки идет о 559 г., ни один автор не упоминает кутригуров на Черном море ранее 550 г. Общеизвестно также, что Захария Ритор, хорошо осведомленный о кочевых народах (он получил о них информацию «из первых рук» от сирийцев Иоханана и Томаса, проведенных в плену у степняков 34 года), однозначно разделяет для середины VI в. болгар и кутригуров: «Агар, сабир, бургар, алан, куртагар, авар, хасар, дирмар, сиругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьями и оружием» (цит. по: Пигулевская 2000. С. 568). В этом списке перечислены как европейские, так и азиатские народы

Все вышеизложенное позволяет обозначить возможную атрибуцию чулекских могил. Они не могут принадлежать ни болгарам, занимавшим в это время Северо-Западное Причерноморье, ни кутригурам, владевшим территорией к западу от Дона и появляющимся в источниках лишь в 550-е гг. Принадлежность акацирам, проживавшим здесь, в «понтійской Скифии» до 463 г., возможна, но маловероятна, поскольку акациры были выбиты отсюда на север сарагурами и их союзниками. Итак, нижнедонские и приазовские степи с 463 г. и условно до 550 г. принадлежат союзу племен сарагуров-оногуров-уругов/огуров. Поскольку есть основания поместить сарагуров на Кавказе, а огуrow на Волге, реальными хозяевами донских степей могут быть оногуры, где их и помещают некоторые историки (Altheim 1952. P. 205).

Предположение некоторых авторов, которые вслед за Д. Моравчиком считают, что оногуры были северокавказским народом (из последних работ см.: Божилов, Димитров 1995. С. 21; Ромашов 2001. С. 288), вряд ли справедливо⁹. Иордан прямо указывает, что оногуры (хунугуры) занимаются меховой торговлей (Иордан. 37). Речь идет о *pellium murinarum*, в которых французский переводчик Иордана видит куниц (Jordanés. 37), а Е. Ч. Скржинская – степных грызунов (Иордан. 37). Торговля шкурками степных грызунов в значительных масштабах вряд ли возможна, по крайней мере, никакими другими источниками для восточноевропейской степи античности и средневековья она не документирована. Зато VI в. – время расцвета транзитной меховой торговли между севером Европы и Средиземноморьем (Howard-Johnston 1998; Kolendo 1999); о ней в другом месте прямо говорит Иордан: «Это они-то (суэханс-свеи) и пересылают посредством торговли через бесчисленные народы сапфериновые шкурки для употребления римлян и потому славятся великолепной чернотой этих мехов» (Иордан. 23). Совершенно очевидно, что и оногуры торговали не степными сусликами и мышами-полевками, а выступали в качестве посредников в трансевропейской меховой торговле между Севером и Югом (Haussig 1971. P. 71, 72), что исключает их кавказскую локализацию.

Общеизвестно, что районом добычи мехов в Восточной Европе была исключительно лесная зона (например, Славяне и скандинавы 1986. С. 102, 103. Рис. 42; Kazanski 1992. P. 95). Также не вызывает сомнений, что в эпоху оногуров, как и до них, в позднеримское время (Kazanski 1992), или позднее, в эпоху Киевской Руси, основными магистральями торговли с лесной зоной служили большие реки. Чтобы участвовать в такой торговле оногуры должны

(например, эфталиты), точная их локализация по Захари не представляется возможной. Не исключено, что кутригуры и утигуры действительно проживали в восточноевропейских степях ранее 550 г. как второстепенные народы, входившие в состав других кочевых объединений, но пока это недоказуемо. В момент их короткого политического и военного взлета 550-х – 560-х гг., они могли поглотить, хотя бы временно, как болгар, так и оногуров, откуда и их смешение с последними у более поздних авторов.

⁹ Известно, однако, что оногуры были в Закавказье, но это было позднее, в царствование Юстиниана I. В частности Агафий Миринейский в своем историческом сочинении упоминает крепость Оногурис в Закавказье (Агафий. II. 22; III. 3–5 и т.д.). Не исключено, что оногуры попадали сюда в качестве византийских наемников.

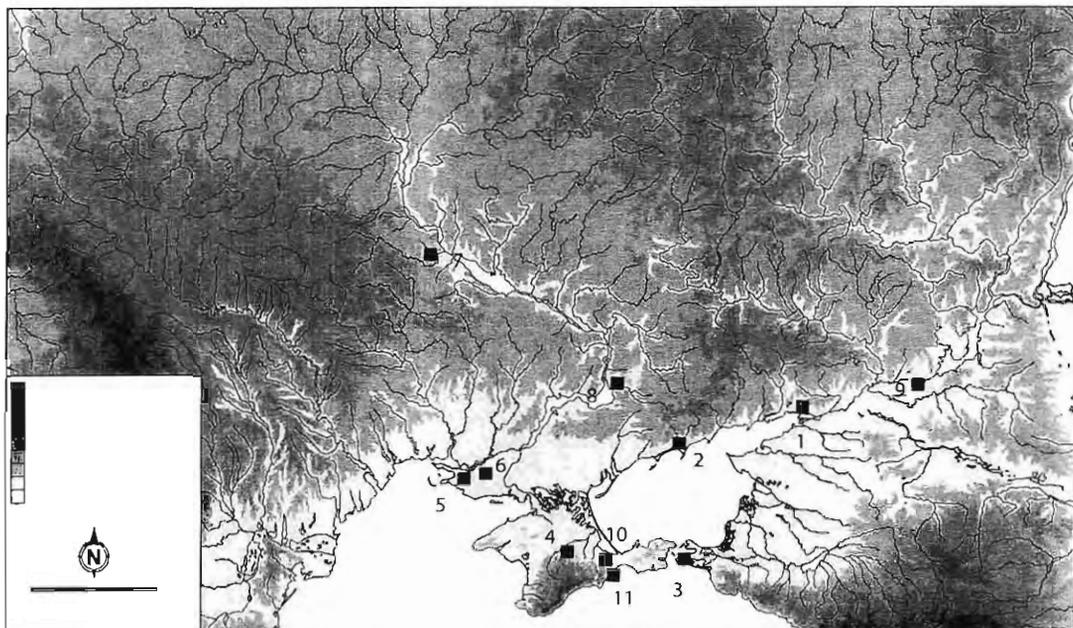

Рис. 33. Карта кочевнических погребений постгуннского времени (вторая половина V – ранний VI в.) в Северном Причерноморье

1 – Морской Чулек; 2 – Дмитриевка; 3 – Тамань; 4 – Чикаренко; 5 – Лисьи Могилы; 6 – Малые Копани; 7 – Бабичи; 8 – Новогригорьевка; 9 – Ясырев; 10 – Новопокровка; 11 – Айвазовское

были контролировать одну из великих рек степного Причерноморья, текущих из лесной зоны, – Днепр или Дон. На Нижнем Днепре, по Иордану, как мы видели, в это время сидели болгары. Остается Нижний Дон, с которого, кстати, было легко попасть и на Волгу, а по ней – в богатые пушниной районы Приуралья.

Таким образом, «княжеские» погребения Морского Чулека, обнаруженные под Таганрогом близ устья Дона, скорее всего, могут принадлежать оногурам. Кстати, Равеннский Аноним в своей «Космографии» (конец VII – начало VIII в.), во многом заимствующей данные из сочинения Иордана, прямо размещает Оногурию (Onogoria) по соседству «с верхней точкой Меотийского болота» (Равеннский Аноним. IV. 2), что, несомненно, соответствует Северному, а скорее всего, Северо-Восточному Приазовью.

Оногурская принадлежность чулекских могил может объяснить и некоторые особенности формирования их погребального инвентаря. Пришедшие из Азии оногуры принесли элементы конского убора и украшений с зернью и сердоликами, напоминающие вещи из Шамси и Борового. В то же время в 463 г. их представители в составе посольства к императору могли получить в качестве подарка конский убор с перегородчатой инкрустацией средиземноморского стиля византийской работы, позднее и попавший в чулекское погребение. Как видно из приведенных выше сообщений древних авторов, исторический период, к которому относятся погребения из Морского Чулека, в истории

Рис. 34. Меч из погребения у д. Дмитриевка, Запорожская область

Северного Причерноморья и, прежде всего ее степной полосы, отличается смутностью и неопределенностью. Постоянная смена племен, движущихся с Востока на Запад, не способствовала поддержанию стабильности на данной территории, что нашло яркое отражение в археологических памятниках.

По сравнению с предшествующей гуннской эпохой постгуннский период в северопричерноморских степях представлен лишь несколькими комплексами (рис. 33). В первую очередь это – находки с вещами, исполненными в средиземноморском стиле «клуазонне»¹⁰.

¹⁰ Е. А. Гороховский, а вслед за ним А. М. Обломский и А. В. Комар отнесли к числу кочевнических древностей второй половины V – первой половины VI в. такие погребения как Животинное, Сахарная Головка, Лихачевка, Константиноград, Старая Сарата, Ново-Подкрыж (Gorokhovskiy 1992. P. 147; Обломский 2002. С. 83; Комар 2004). Аргументация приведена лишь в работах А. М. Обломского (для Лихачевки) и А. В. Комара (для совокупности названных памятников).

Но постгуннским временем надежно могут быть датированы, на наш взгляд, лишь погребения в Животинном и Сахарной Головке, однако непонятно, на каком основании эти находки в некрополях оседлого населения Верхнего Подонья и Юго-Западного Крыма отнесены к кочевникам. Характер находок из Константинограда не ясен, происходящие оттуда пряжки могут принадлежать и к более раннему времени, поскольку они были синхронизированы с погребением в Смолине (Gorokhovskiy 1992), а также напоминают некоторые пряжки из Муслимова (ср. Засецкая 1994. Табл. 44, 2).

Погребение в Старой Сарате содержит пряжку, которую сам А. В. Комар датирует очень широко (Комар 2004. С. 182), при этом, ошибочно приписывая Х.-В. Беме мнение о поздней дате галльских аналогий, и серьгу с напаянными ограничителями и псаженной бусиной – если верить публикации В. И. Гросу (1990. Рис. 29,2), параллели которой для второй половины V – первой половины VI в. нам неизвестны. В целом серьги с напаянными ограничителями появляются не позднее начала – первой половины V в., как

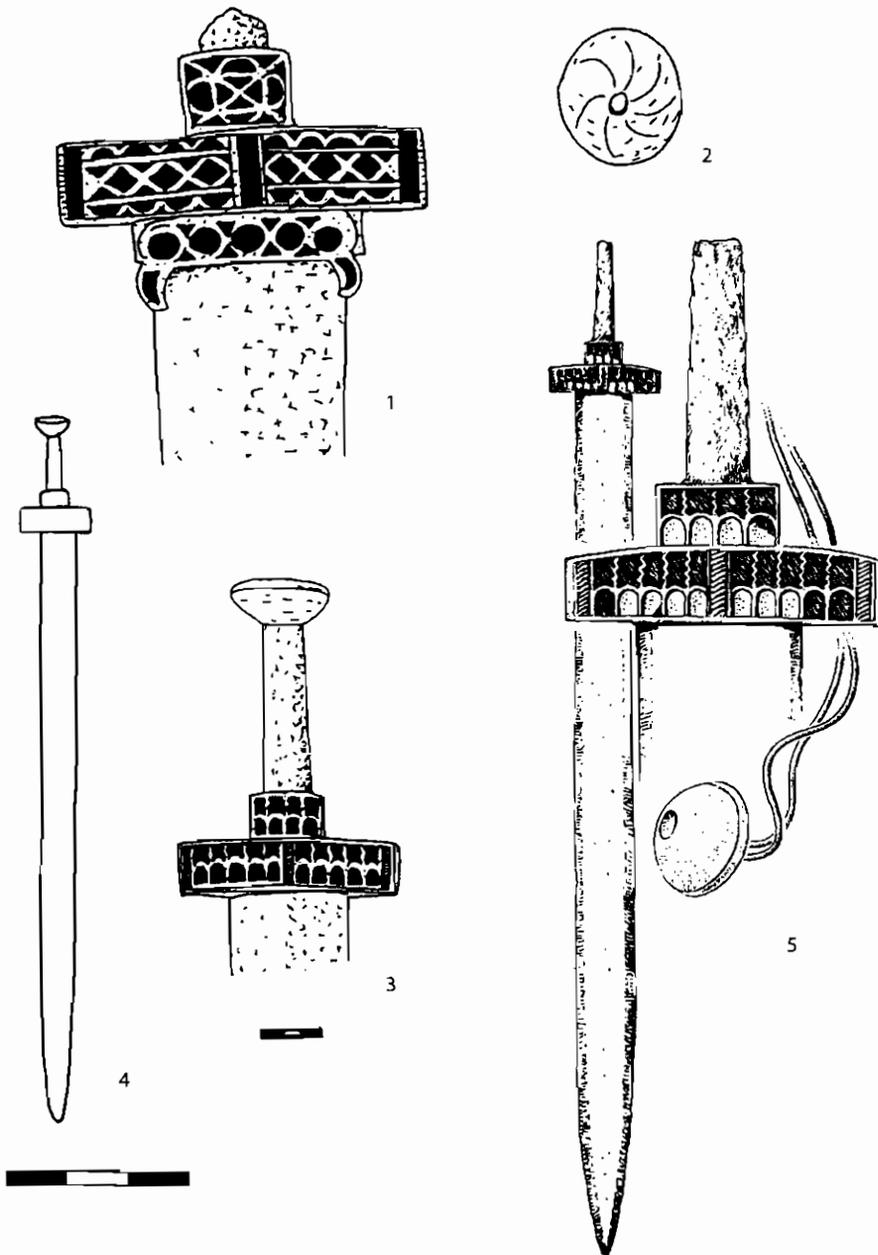

Рис. 3. Мечи из кочевнических погребений на Тамани (1, 2) и у д. Дмитриевки (3-5) (4 по ОАК – 1904; 5 по Вона 2002)

Кроме двух чулекских захоронений (рис. 33, 1), нам известно еще одно бескурганное мужское погребение, найденное у д. Дмитриевка (рис. 33, 2), на северном берегу Азовского моря (ОАК за 1904 г. с. 123. Рис. 215 а, б; Засецкая 1994. С. 168. Табл. 10, 8, 9). Из этого погребения происходит двулезвийный меч с широким массивным перекрестием, украшенным декором из полудрагоценных камней в технике перегородчатой инкрустации, и янтарным навершием или подвеской (рис. 34, 35, 3–5). Оружие было найдено при скелете человека и коня на глубине 2,50 м. Меч с инкрустированной гардой является, скорее всего, византийским по происхождению (см. Приложение 1) (Kazanski 2001). Также, видимо, мужское погребение под курганом, сопровождавшееся средиземноморским мечом второй половины V – раннего VI в. найдено на Тамани (рис. 33, 3; 35, 1, 2) (Menghin 1994–1995. P. 179). Возможно, к постгуннскому времени относится и уже упоминавшееся курганное впускное погребение, обнаруженное в урочище Лисьи Могилы на Херсонщине (рис. 33, 5) (Ратнер, Костюк 1989. С. 77–78. Рис. на с. 77). Оно содержало, как мы видели, калачиковидную серьгу, скорее всего постгуннского времени, аналогии которой имеются в погребении 1 Морского Чулека, а также предметы бронзового поясного набора.

К этим пяти азовско-пантийским погребениям можно присоединить еще несколько захоронений из степного Крыма и Нижнего Поволжья. Первое обнаружено в кургане у с. Чикаренко в Северо-Восточном Крыму (рис. 33, 4; 36). Здесь были найдены фрагменты железного меча, стеклянная и глиняная посуда, а также золотая гарнитура с инкрустированным декором второй половины V в., в том числе пряжка, аналогичная подобной вещи из могилы Хильдерика (Баранов 1973; Айбабин 1999. Рис. 29; Kazanski, Périn 1988. P. 29). Второе – уже рассматривавшееся восточно-крымское женское погребение у с. Новопокровка (рис. 33, 10; 3), которое также относится к числу кочевнических (Гаврилов 1996; Рашев 2004. С. 138). Ингумация была совершена в яме с приступкой, покойная лежала в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребальный инвентарь состоял из пары золотых колтов, янтарных бус, бронзового зеркала и пинцета, а также железного шила и ножа с волютами на рукояти (Гаврилов 1996).

свидетельствует находка в погребении 60 паннонского некрополя Чаквар (Шаламон, Баркоци 1982. Рис. 6, 40), существование которого прекращается в первой половине V в.

Пряжки из Ново-Подкряжа и Лихачевки, послужившие основанием для отнесения этих погребений к постгуннскому времени, вполне могут принадлежать и гуннской эпохе, даже на основании параллелей, названных А. В. Комаром (2004. С. 181), таких как Керчь и Новогригорьевка. Плоские язычки пряжек, треугольные в сечении с загнутым концом и прямоугольным выступом у основания, как в Лихачевке, отмечены в гуннское время (например, в Венгрии: Voла 2002. Fig. 145, 1b, 151, 1). Украшения в виде креста на язычках пряжек, как в Ново-Подкряже, известны не только в постгуннское время, как полагает А. В. Комар, но и ранее, уже в позднеримское время (например, всем известная могила в Кишпеке). Как отмечает сам А. В. Комар, округлые обоймы с одной заклепкой как в Ново-Подкряже и Лихачевке существуют уже в гуннское время (Комар 2004, 181), равно как и прямоугольные обоймы с одной заклепкой (ср.: Засецкая 1994. Табл. 11, 19, 26, 10, 11 и т.д.). Видимо, до более детального изучения этого типа пряжек (что никем не было еще сделано), лучше воздержаться от каких-либо заключений об их точной датировке. Кольца с тремя обоймами, как в Лихачевке, представлены в гуннское время, например в могиле 88 из Лучистого (Айбабин 1999. Табл. 27, 119). Таким образом, аргументация А. В. Комара и А. М. Обломского нам не представляется убедительной, названные ими погребения могут оказаться и «гуннскими» по времени.

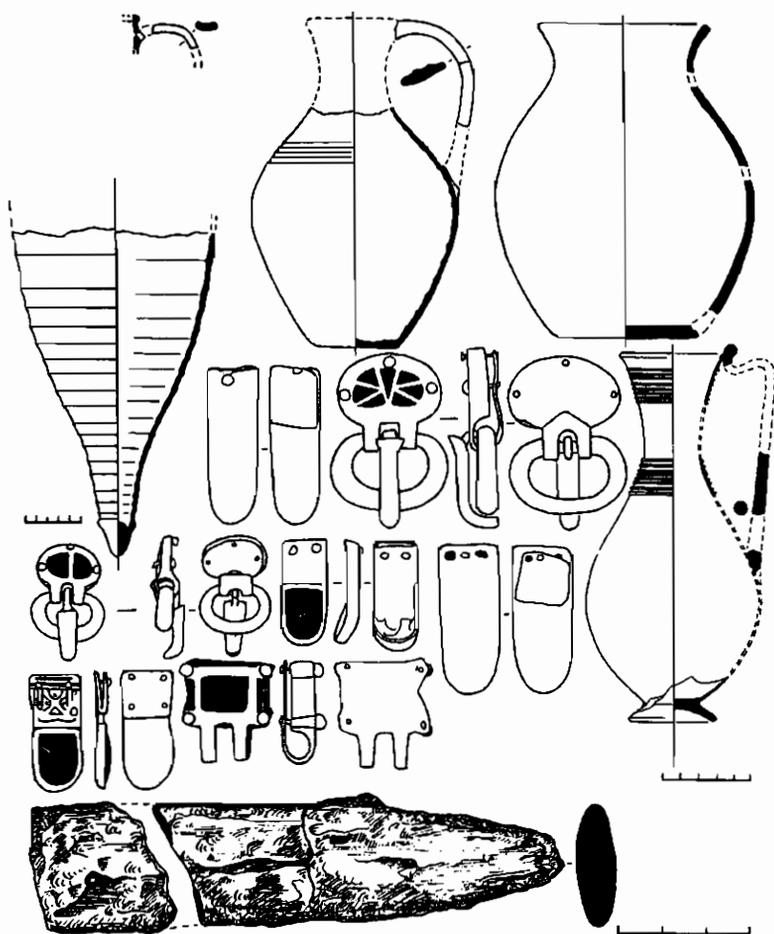

Рис. 36. Находки из погребения у с. Чикаренко, Северное Причерноморье (по Айбабину 1999)

Еще одно погребение постгуннской эпохи, из которого также происходят вещи, украшенные перегородчатой инкрустацией средиземноморского стиля, было найдено случайно в 1929 г. у г. Покровск Саратовской области, на территории колхоза «Восход», под этим именем оно, как правило, фигурирует в археологической литературе. Бескурганное погребение, совершенное по обряду труположения в грунтовой могиле, располагалось в неглубоком овраге. Несмотря на то, что погребение оказалось разрушенным, в нем были найдены разнообразные предметы, представленные оружием (железный двулезвийный меч с нефритовой скобой для подвешивания и фигурным перекрестием, декорированным вставками альмандина в гнездах-ячейках, железный наконечник копья и остатки железной кольчуги), деталями конской упряжи (узкие накладки со вставками сердолика в отдельных гнездах

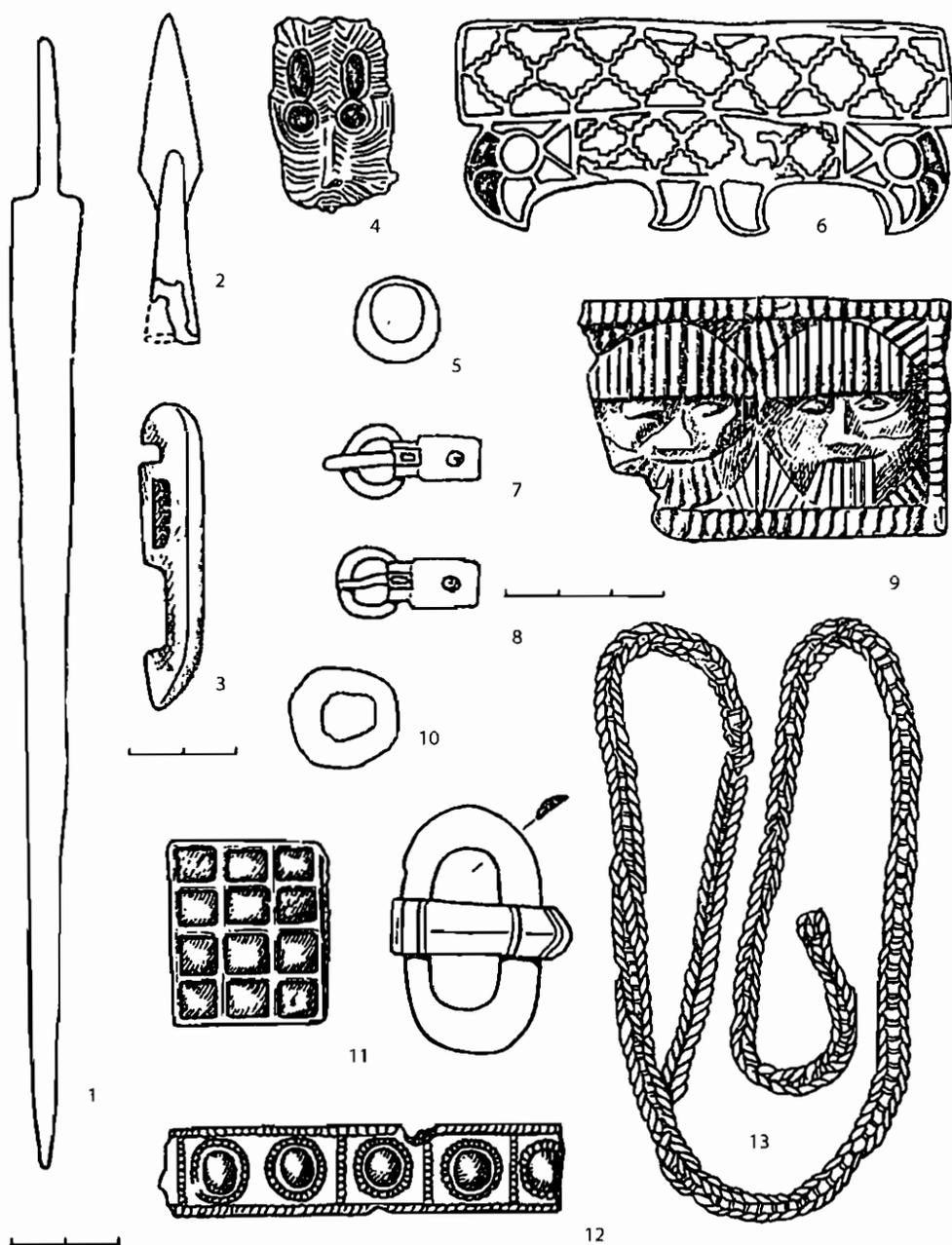

Рис. 37. Находки из погребения Покровск – Восход, Саратовская область (по Засецкой 1994, табл. 32)

и прямоугольные широкие пластины с изображениями парных бородатых личин от сбруйных ремней), изделиями из драгоценных металлов (золотая цепь, золотая серьга-калачик, бронзовый, обтянутый золотым листом браслет, серебряные пряжки и, вероятно, византийского происхождения крупная бронзовая пряжка с золотым покрытием и перегородчатой инкрустацией из зеленого стекла на щитке). Перечисленный погребальный инвентарь свидетельствует, что здесь был похоронен знатный воин (Засецкая 1994. С. 184, 185. Табл. 32) (рис. 37).

Погребение Покровск – Восход по характеру вещевого комплекса занимает по периодизации И. П. Засецкой промежуточное положение между хронологическими группами гуннской эпохи (последняя четверть IV – первая половина V в.) и постгуннского времени (вторая половина V – начало VI в.) (Засецкая 1994. С. 126–128). Эта последняя характеризуется наличием типологически новых находок по сравнению с памятниками предшествующего периода. Это, прежде всего набор украшений конской упряжи в виде блях с изображением «личины» и широких прямоугольных пластин, украшенных рядами зерновидных и катушечновидных фигур. Кроме того, отличительным признаком погребений второй группы является почти полное отсутствие вещей полихромного стиля.

Ко второй группе относятся и погребальные комплексы Заволжья и Южного Приуралья: два погребения с культом огня происходят из курганов 17 и 18 у г. Покровск, в которых были найдены вышеописанные бляхи и пластины от конской упряжи, железные удила, предметы вооружения – обкладки лука и наконечники стрел (рис. 38), и детское захоронение в кургане 4 Владимирского могильника Самарской области со своеобразным погребальным обрядом. Непосредственно при погребенном никаких вещей не было, но несколько в стороне от него был обнаружен комок скипевшихся предметов с явными признаками пребывания в огне, здесь же находились мелкие угольки и отдельные вкрапления золы. Однако на месте (на погребенной почве) нахождения вещей следов разведения костра не оказалось. Вероятно, вещи обжигались где-то на стороне, а затем были положены рядом с захоронением. Среди вещей находилось оружие, представленное разного типа наконечниками стрел и украшениями конской упряжи – декоративными бляхами и обкладками седла (рис. 39).

К этим памятникам по характеру вещевого комплекса примыкают одно погребение из Северного Причерноморья – могила VII у с. Новогригорьевка Запорожской области с трупосожжением на стороне (рис. 40, 1–10) – и два погребения из Южного Приуралья у станицы Шипово Оренбургской области – мужское в кургане 3 (рис. 41 и 42) и женское в кургане 2 (рис. 40, 11–19) с обрядом трупоположения. Оба кургана находились в непосредственной близости, при этом насыпь одного из них частично перекрывала насыпь другого. О культурно-временном единстве этих двух комплексов свидетельствуют одинаковый обряд погребения, а также найденные в них аналогичные вещи, в частности, пряжки (ср. рис. 40, 16 и рис. 41, 3).

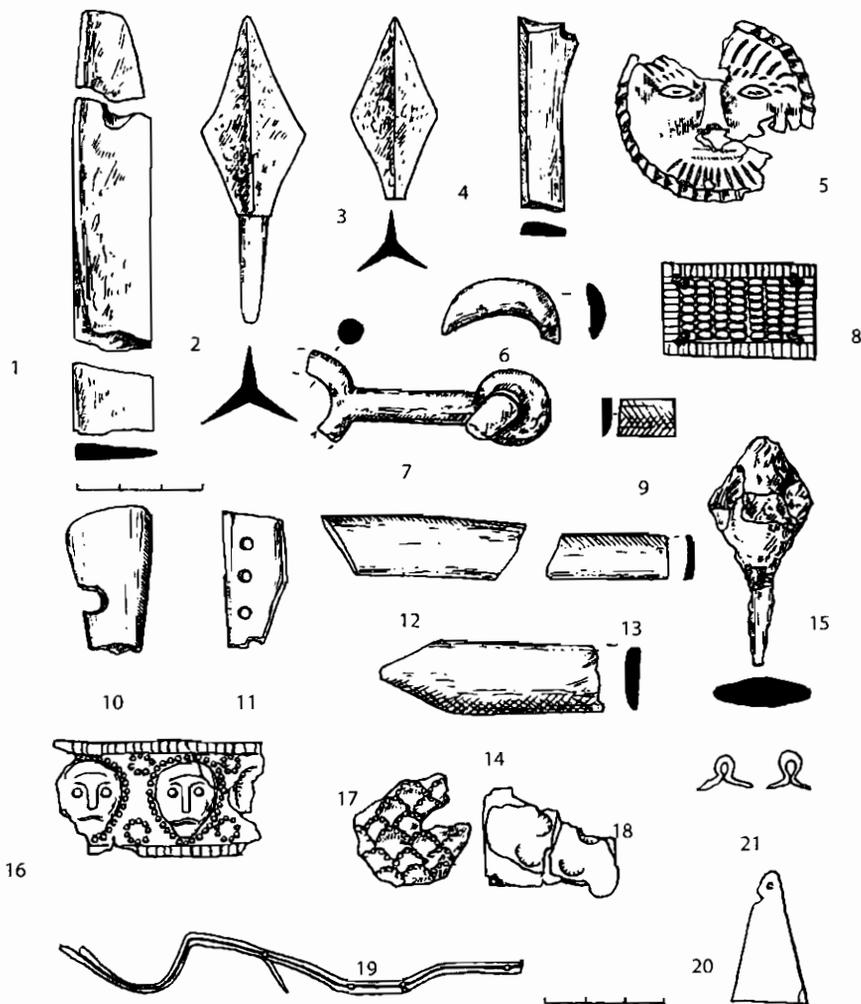

Рис. 38. Находки из погребений с сожжением у г. Покровск, Саратовская область, курганы 17 (1–9) и 18 (10–20) (по Засецкой 1994, табл. 31)

Для определения хронологических рамок второй группы существенное значение имеет датировка шиповских погребений, которые исследователями датируются по-разному. И. П. Засецкая, вопреки предложенной А. К. Амброзом датировке – VI–VII вв. (Амброз 1973. С. 115–120), относит шиповские комплексы ко второй половине V – началу VI в. (Засецкая 1994. С. 127, 128). В то же время И. О. Гавритухин полагает, что значительная часть шиповских находок датируется серединой – второй половиной VI в. (Гавритухин 1999. С. 93), т. е. практически временем широкого распространения «геральдических» поясов. Близкую датировку предлагает и А. В. Богачев (Богачев 1996).

Среди вещей мужского захоронения имеются два предмета, датировка которых определяется достаточно точно. Это узкие бронзовые, обтянутые

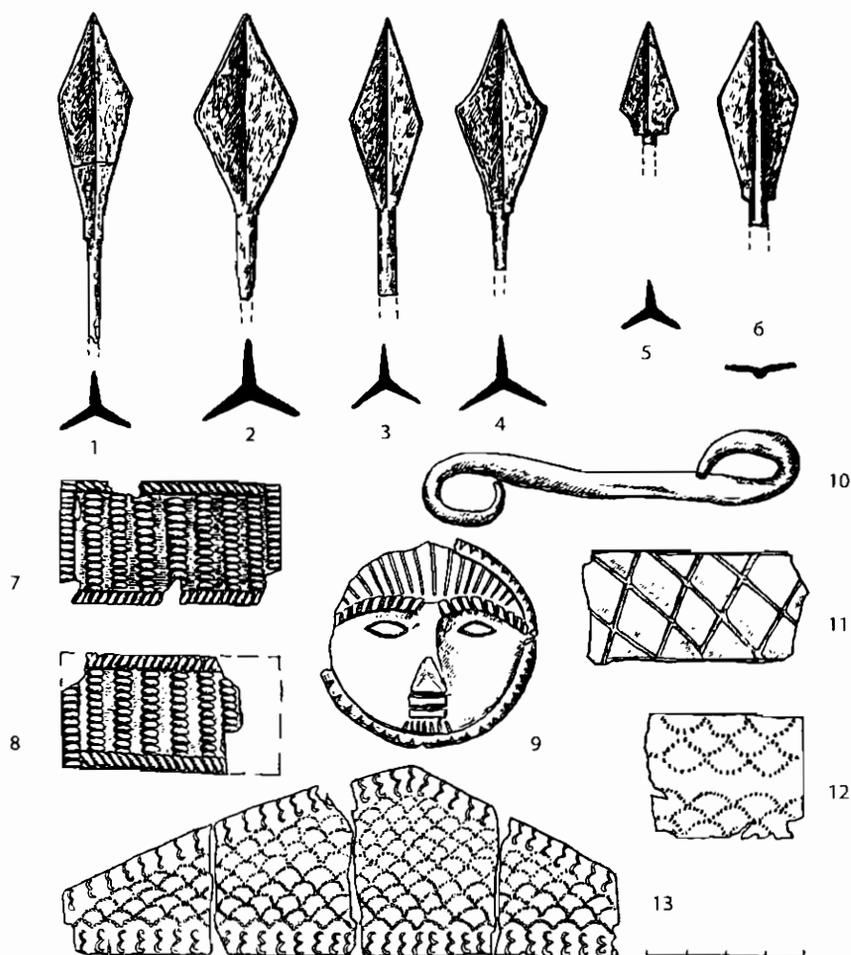

Рис. 39. Находки из детского погребения с культом огня у с. Владимирское, Самарская область (по Засецкой 1994, табл. 35)

золотым листком обкладки от уздечных ремней, орнаментированные по краю двойным рубчатým узором в виде кружков, соединенных прямой линией (рис. 41, 11).

Полная аналогия шиповским накладкам имеется в погребении с сожжением первой группы по классификации И. П. Засецкой (первая половина – середина V в.) из Нижнего Поволжья у д. Нижняя Добринка (Засецкая 1994. Рис. 25, 37, 64; Zaseckaja 1999). При этом здесь мы имеем дело не с продолжением традиций, а с предметами, изготовленными в одно и то же время и в одном и том же центре, что подтверждается идентичностью орнамента, одинаковыми размерами и, главным образом, техникой изготовления.

Серединой – второй половиной V в. датируются золотые обкладки от лентчиков седла, занимающие в эволюционном ряду промежуточное положение

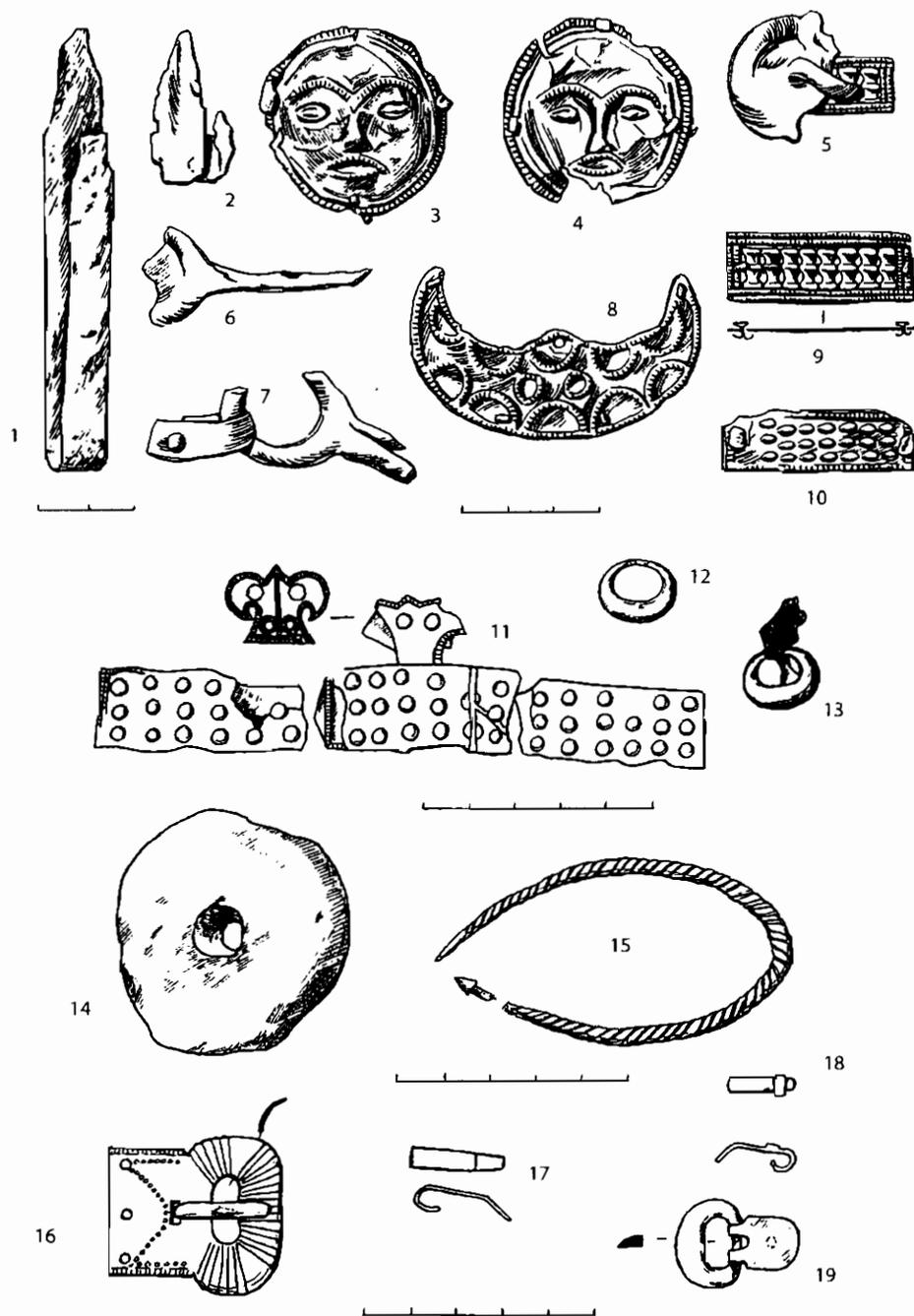

Рис. 40. Находки из могилы VII у с. Новогригорьевка, Запорожье (1-10) и из женского погребения в кургане 2 у станции Шипово, Оренбургская область (11-19) (по Засецкой 1994, табл. 6; 42)

между ранними обкладками первой половины V в. и поздними первой половины VI в. (Засецкая 1994. С. 45–49. Рис. 9, тип 4, вариант а; рис. 10) (Приложение 2).

В погребении Шипово 3 найдены волютовидные подвески (рис. 41, 8) (Засецкая 1994. Табл. 40, 8). Подобные подвески известны также на Тамани и в Майкопе (Damm 1988. Nr. 44, 51, 52). В одном из ожерелий, происходящем якобы из Майкопа, такие волютообразные подвески соседствуют с подвесками в виде мухи, последние же известны по итальянскому кладу в Реджио Эмилия (Damm 1988. Nr. 44; Bierbrauer 1975. Taf. 32, 3, 4). На основании Т-образной фибулы типа Келлер 6 (Bierbrauer 1975. Taf. 32, 6), идентичной фибуле из могилы Хильдерика (Kazanski, Mastykova, Périn 2002. P. 172) клад в Реджио Эмилия должен быть отнесен не к итало-остроготскому времени (т. е. первая половина VI в.), как это часто делается, а к последней трети V в., т. е. ко времени Одоакра в Италии.

Изучение шиповских материалов позволило сделать вывод, что данные погребения (мужское и женское), несомненно, тесно связаны с гуннской эпохой, но в то же время характеризуются явлениями, не свойственными погребениям южнорусских степей первой половины V в.. Таковыми являются украшения конской сбруи и седла, некоторые зеркала и упомянутые выше три идентичные пряжки (рис. 40, 16; 41, 3).

Предположение некоторых исследователей, что данные экземпляры цельно-пластинчатых пряжек якобы имитируют геральдические пряжки VI–VII вв. не соответствует действительности. Найденные в шиповских погребениях «цельнокроенные» пряжки вырезаны из тонкой ковanej бронзовой пластины. Овальная рамка со слабо выраженным В-образным изгибом в передней части плавно переходит в широкий прямоугольный щиток. Внешняя слегка выпуклая сторона рамки украшена тремя группами поперечных бороздок. По краю щитка – рубчатый ободок. Кроме того, щиток украшен мелкими кружками, образующими М-образную линию. Орнамент на рамке и щитке выполнен в технике тиснения. Пряжка с лицевой стороны полностью покрыта тонким золотым листком, края которого загнуты внутрь. Язычок пластинчатый короткий. К ремню пряжка крепилась при помощи трех штифтов. Техника изготовления пряжек, включая и золотое покрытие, типична для разного рода предметов, в том числе и пряжек, гуннского периода, выделенных И. П. Засецкой в отдельную стилистическую группу полихромных изделий (Засецкая 1994. Рис. 14).

В настоящее время трудно точно определить происхождение и дату изготовления шиповских пряжек. Однако в любом случае они не являются репликами геральдических образцов VI–VII вв. Последние представляют собой массивные литые изделия с ярко выраженными В-образными рамками с массивными язычками и щитками разных геометрических форм. Для них характерно наличие скошенных граней по краям рамки и щитка. Ничего подобного нет на шиповских экземплярах. Изображение граней на рисунке

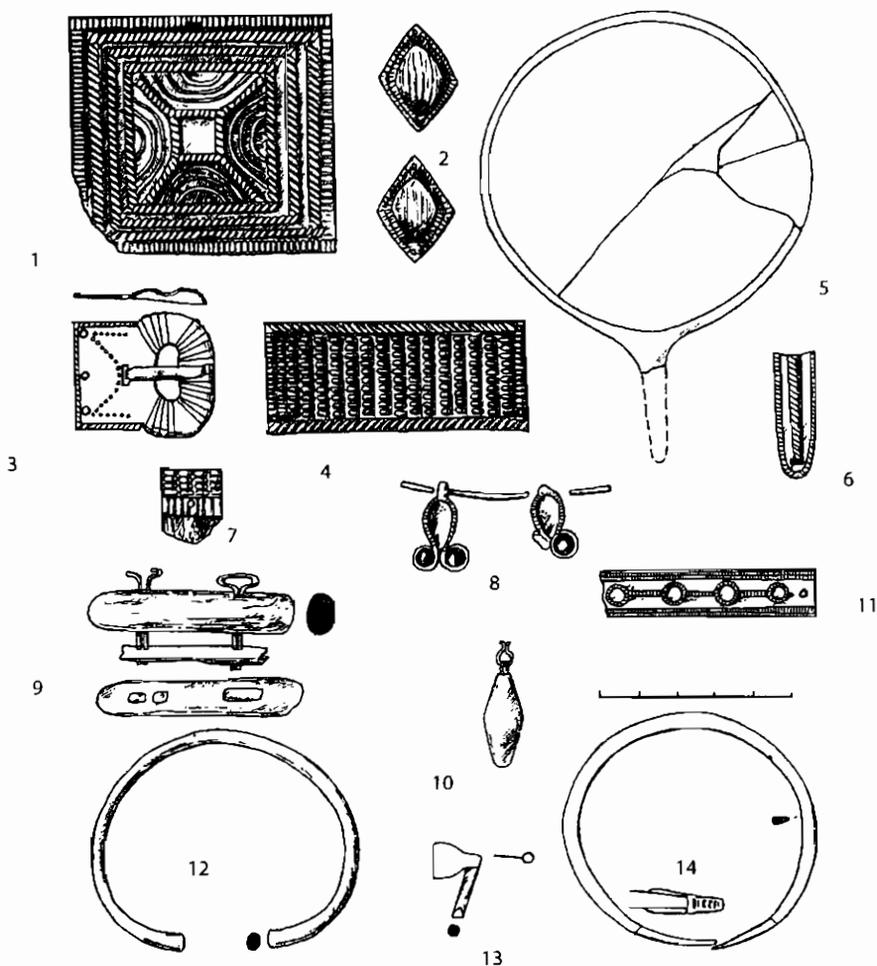

Рис. 41. Находки из мужского погребения в кургане 3 у станицы Шипово, Оренбургская область (по Засецкой 1994, табл. 40)

А. К. Амброза не соответствует оригиналу (Амброз 1981. С. 110. Рис. 6, 16). Единственный общий признак для рассматриваемых пряжек с геральдическими образцами – это неподвижность рамки. Однако данная конструктивная черта не является признаком позднего происхождения изделий. Пряжки с неподвижной рамкой известны и в сарматскую эпоху, особенно в поволжско-прикамских и уральских древностях (Генинг 1979. Рис. Г, 3, 4, В, 3, Д, 1, 3, 4, 9–11). По форме рамки и рифленого орнамента шиповские находки близки европейским образцам V в. (Alfoldi 1932. Taf. VIII, 8; Werner 1956, Taf. 43, 11 12). К этой же группе можно отнести и погребение в кургане 6 могильника Каменный Амбар 5 в Южном Приуралье, которое представляло собой ингумацию в яме с приступкой и сопровождалось шкурой или чучелом лошади и двумя пряжками (Костюков 1995).

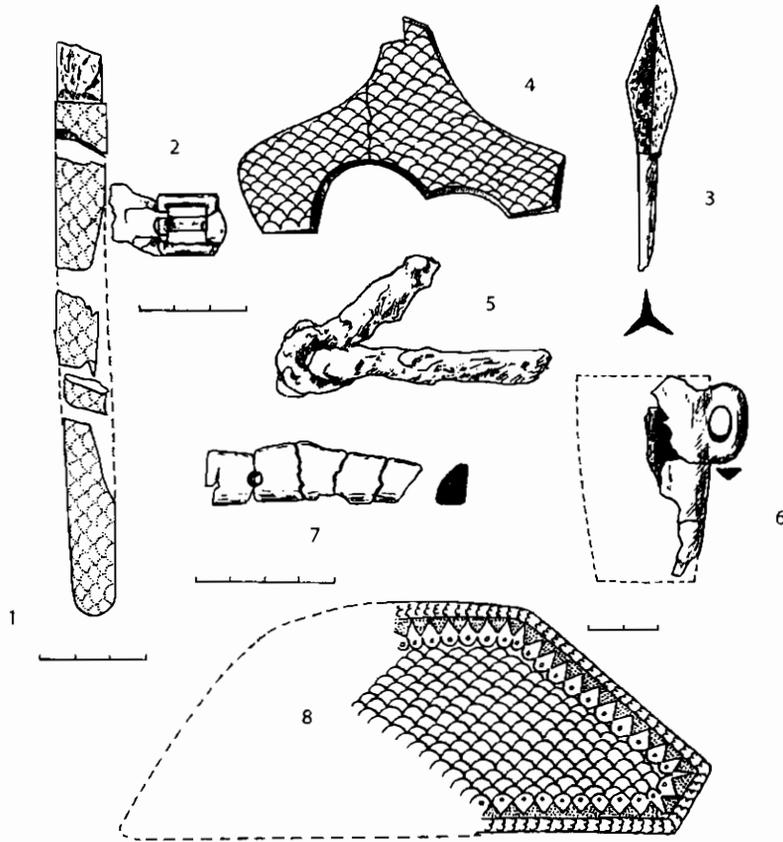

Рис. 42. Находки из мужского погребения в кургане 3 у станицы Шипово, Оренбургская область (продолжение; по Засецкой 1994, табл. 41)

Все перечисленные погребения Волго-Уральского региона характеризуются, как мы уже указывали выше, специфическим составом вещевого комплекса. Вероятно, кочевники, оставившие данные памятники представляли собой особую этнокультурную группу населения Волго-Уральского региона лишь спорадически, в составе других орд, проникавших на Запад. Об этом свидетельствуют две подобного рода могилы, обнаруженные западнее, в Подонье и Поднепровье. Одна (погребение VII) у с. Новогригорьевка в Запорожье (рис. 33, 8) (Засецкая 1994. С. 165. Табл. 6, 1–10), другая, с зеркалом как в Шипово, в могильнике Ясырев 1 на Дону (рис. 33, 9) (Мошкова, Федорова-Давыдова 1974. Табл. 6, 9). Возможно это были огуры, т. е. угры¹¹.

¹¹ Помимо вышеназванных памятников следует упомянуть еще три находки, скорее всего постгуннского времени. Две из них известны по схематическим наброскам в архиве А. А. Спицина (Архив ИИМК РАН). Первая находка происходит из кургана раскопанного в 1889 г. у с. Бабичи, около Черкасс (рис. 33, 7) (Архив ИИМК. Ф. 5, Д. 334. Л. 54). В кургане была найдена металлическая накладка на седло типа 4, варианта «в» второй половины V – первой половины VI в. (Kazanski 1990. P. 59, carte, 19. ср.: франкское погребение второй четверти VI в. Крефельд-Геллен 1782 или погребения второй половины V – первой трети VI в. на

Таким образом, отсутствие полноценных памятников массового характера в степях Северного Причерноморья в период с середины V – начала VI в., к которому относятся все перечисленные погребения, в том числе и комплексы Морского Чулека, подтверждают данные письменных источников о постоянной смене племен, движущихся с Востока на Запад. Как справедливо заключает М. И. Артамонов, объединения этих племен были неустойчивы и кратковременны, так как вызывались временными причинами, чаще всего военного характера (Артамонов 1962. С. 78).

Не изменилась политическая обстановка в южнорусских степях и в эпоху Юстиниана I, что также, как и в первом случае, фиксируется отсутствием сколько-нибудь значительного количества археологических находок. К наиболее ярким памятникам второй трети VI – начала VII в. относятся уже не раз упоминавшиеся погребальные комплексы из Михаэльсфельда в Прикубанье, у с. Суханово на Нижнем Днепре, на территории Уфы в Башкирии. Все они, особенно уфимское и михаэльсфельдское, отличаются богатством инвентаря, большую часть которого составляют золотые украшения византийского происхождения Юстиниановской поры.

В целом, вышеназванные степные погребения постгуннского времени принадлежат, несомненно, разным кочевым народам. Исходя из общеисторических соображений, погребения второй половины V – начала VI в., содержащие предметы средиземноморского стиля перегородчатой инкрустации (Морской Чулек, Дмитриевка, Тамань, Покровск – Восход, Новопокровка) можно предварительно связать с ордами, находившимися в тесном контакте с Византией, такими как акациры, оногуры, сарагуры, болгары, гунны сыновей Атиллы (такие как ультидзуры), альциагиры, савиры. Комплексы же второй трети VI – начала VII в., как уфимское, сухановское, михаэльсфельдское, материал которых имеет параллели в памятниках Центральной Азии, тоже связаны с кочевниками, пришедшими с Востока в постгуннское время. К их числу относятся оногуры, сарагуры, савиры, и, возможно, болгары, утригуры и кутригуры.

могильнике Дюрсо (об этих накладках см.: Приложение 2) и элементы гарнитуры, где, впрочем, присутствуют наконечники ремней с завершением в виде полумесяца, типичные для гуннского времени. Вторая находка происходит из с. Малые Копани под Херсоном (рис. 33, б) (Архив ИИМК, Ф. 5. Д. 330. Л. 61). Здесь при человеческих костях были найдены солид Льва I и вещи, среди которых можно опознать шаровидную серьгу с трапециевидными подвесками, аналогичную серьге из «княжеского» погребения первой половины V в. в Унтерзибенбрунн (*L'Or des princes barbares* 2000. Cat. 9, 4), а также гроздевидная серьга. Последние известны на окраинах Византии уже в первой половине V в., например, в «царской» могиле 47 Нубийского некрополя Баллана, датированной 430–440 гг. (Török 1988. Pl. 77, 19, 20) некое округлое украшение, вероятно колт, с зернью и инкрустацией.

Возможно, к постгуннскому времени относится и детское погребение у с. Айвазовское (рис. 33, 11), под Феодосией (Кругликова 1957), интерпретируемое как кочевническое (например: Айбабин 1999. Рис. 33, 39). Оно содержало в частности костяную подпружную пряжку V–VII вв., бусину, более всего характерную для V – начала VII в. и металлическую антропоморфную фигурку. Хотя подобные фигурки появляются еще в гуннское время (например, в Танаисе, сооружение ДД 1981 г.: Шелов 1984), они также характерны и для постгуннского времени (см. например: Засецкая 1998. Табл. 15, 6). К сожалению верхняя дата бытования таких фигурок пока не выяснена, поэтому отнесение могилы в Айвазовском к постгуннскому времени носит предварительный характер.

Как уже указывалось выше, погребения, обнаруженные в Приазовье на Морском Чулеке, принадлежат знатым женщинам высших слоев кочевнического общества «княжеского» достоинства. Остается лишь добавить, что присутствие привилегированных погребений на Морском Чулеке, вероятно, указывает на существование здесь в постгуннскую эпоху какого-то временного центра власти.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ МЕЧИ С ИНКРУСТИРОВАННОЙ ГАРДОЙ

В Восточной Европе нам известно 12 парадных мечей византийского происхождения, в Центральной и Западной Европе они встречаются гораздо реже (рис. 43) (Kazanski 2001). Из них два происходят из Пятигорья: Мокрая Балка, погребение 123 (рис. 49, 4) (Афанасьев, Рунич 2001. Рис. 151, 1–4) и Лермонтовская Скала 2, погребение 10 (рис. 51, 1) (Рунич 1976. С. 261, 263, 264. Рис. 3, 19–21). Два меча найдены на могильнике Дюрсо, в погребении 479 (рис. 46, 7) (Дмитриев 1979. Рис. 8, 11, 12) и в конском погребении 13 (рис. 46, 42) (Дмитриев 1979. Рис. 2, 19, 20). Еще два происходят из Абхазии, из могильников Шапка – Верин Холм, погребение 1981 (рис. 47, 4) (Воронов, Шенкао 1982. С. 158. Рис. 23, 4) и Гагра – Цихерва (рис. 47, 12) (Воронов 1979. Табл. 37, 21), один с Кубани (Малай, не опубликован, раскопки Н. Лимберис), один с Тамани (рис. 35, 1) (Zengel 1987; Böhner 1948. Abb. 2, 4; Menghin 1994–1995. Abb. 37), один из Керчи (рис. 47, 13), коллекция Алексеева (Засецкая 1982. С. 30. Рис. 6, 7), и один из погребения Дмитриевка в Северо-Восточном Приазовье (рис. 34; 35, 3–5) (ОАК за 1904 г. С. 123. Рис. 215). За пределами Северо-Восточного Причерноморья и Западного Кавказа находки подобных мечей единичны: Большой Буйнакский курган в Северном Дагестане, погребение 18 (Абрамова 1980. Рис. 7, 20), Покровск – Восход в саратовском Поволжье (рис. 37, 6) (Засецкая 1994. Табл. 32, 6; Werner 1956. Taf. 40), Паннонхалма в Западной Венгрии (рис. 48, 6) (Tomka 1986. S. 452–456), Альтлюсхейм на Рейне (рис. 44, 4) (Garscha 1936; Böhner 1948. Taf. 39, 3; Werner 1956. Taf. 1, 2; Garscha 1960), фрагмент гарды неизвестного происхождения в Археологическом музее Дижона (рис. 47, 14) (Escher 2003. Fig. 1), Бежа в Южной Португалии (рис. 45, 9) (Raddatz 1959; Dannheimer 1961; Koenig 1981. S. 346–350. Taf. 51, 52).

Их отличает широкая гарда, украшенная перегородчатой инкрустацией. Эти мечи были выделены И. Вернером в тип 3 (Werner 1956. S. 41), позднее они получили название «понтийских» (Menghin 1994–1995). Часто они имеют массивную железную гарду (Керчь, Тамань, Покровск – Восход, Шапка – Верин Холм, Паннонхалма, Дижон, Бежа, видимо Буйнакск), эта разновидность специально изучалась П. Томкой (Tomka 1986. P. 452–456). В. Менгин называет такие мечи «азиатскими». Считается, что мечи с массивной железной гардой появляются в Западной и Центральной Европе в эпоху переселения народов (Werner 1956. S. 38–40; Szameit 1984. S. 149; Menghin 1994–1995. S. 164–175;

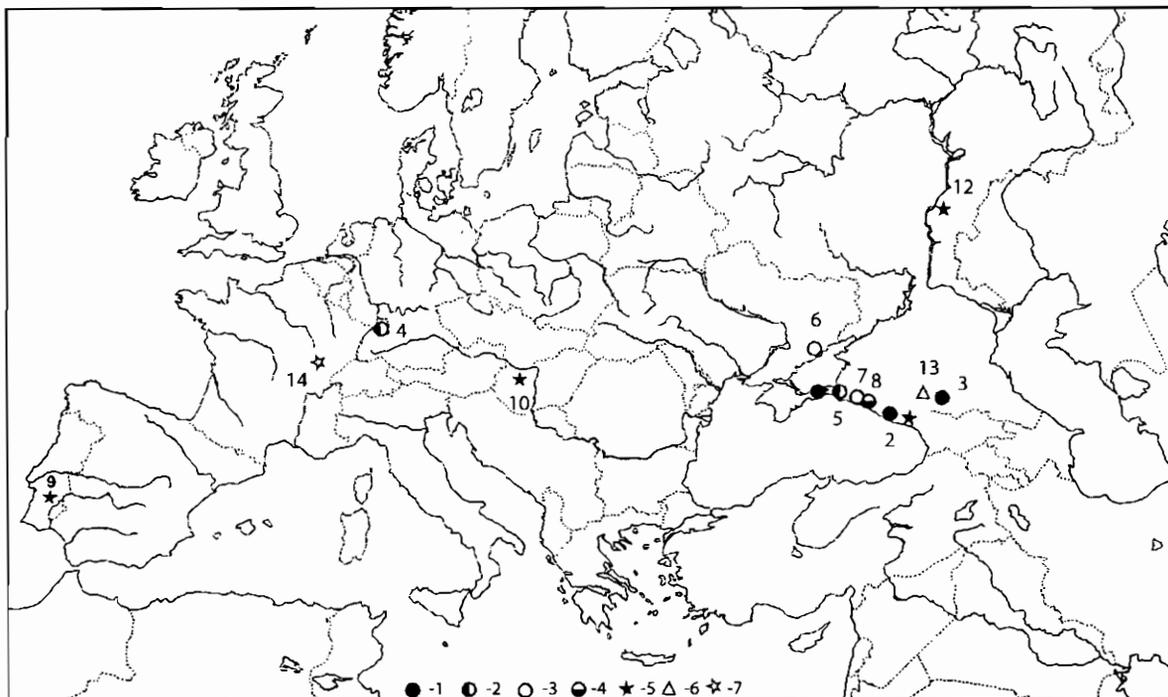

Рис. 43. Распространение мечей с инкрустированной гардой средиземноморского типа (по Kazanski 2001)

1 – тип 1; 2 – тип 2; 3 – тип 3; 4 – тип 4; 5 – тип 5; 6 – тип 6; 7 – тип 7.

1 – Керчь, Крым; 2 – Гагра – Цихарева, Абхазия; 3 – Лермонтовская Скала 2, Северный Кавказ; 4 – Альтлюсхейм, Германия; 5 – Тамань, 6 – Дмитриевка, Северное Причерноморье; 7 – Дюрсо, Северо-Восточное Причерноморье; 8 – Буйнакск, Северный Дагестан; 9 – Бежа, Португалия; 10 – Паннонхалма, Венгрия; 11 – Шапка – Верин Холм, Абхазия; 12 – Покровск – Восход, Саратовское Поволжье; 13 – Мокрая Балка, Северный Кавказ; 14 – Дижон, Франция

Kazanski 1996. Fig. 8; Anke 1998. S. 73–75), у сармат восточноевропейских степей они известны уже в римское время (Скрипкин 1990. Рис. 21, 28, 22, 1, 3, 6, 7). По рисунку декора гарды представляется возможным выделить несколько типов:

1. Два декоративных концентрических поля: Керчь, Гагра, Лермонтовская Скала (рис. 44, 1–3).

2. Два декоративных поля, каждое разделено на три горизонтальные зоны: Альтлюсхейм, Тамань (рис. 44, 4,5).

3. Два декоративных поля с арочным декором: Дмитриевка, Дюрсо, погребение 479 (рис. 44, 6, 7).

4. Одно поле, представляющее собой горизонтальную зону из вертикальных прямоугольников с зигзагообразными перегородками: Дюрсо, конское погребение 13 (рис. 44, 8).

5. Одно поле, образованное горизонтальной линией квадратов или ромбов, соединенных углами: Бежа, Паннонхалма, Шапка – Верин Холм, Покровск – Восход (рис. 44, 9–12). Этот мотив известен и на гардах типа 2 (Тамань).

6. Два симметричных поля, образованные изолированными инкрустациями: Мокрая Балка (рис. 44, 13);

7. Одно поле с горизонтальным декором в виде «елочки»: Дижон (рис. 44, 14).

Находка меча в могильнике Лермонтовская Скала 2 позволяет установить дату первого типа. Он происходит из катакомбы 10, содержащей три погребения: женское и два мужских (рис. 50, 1), одному из них и принадлежит меч. К сожалению, погребение было потревожено, вещи и останки погребенных частично перемещены. По мнению А. К. Амброза, эта катакомба содержала погребения двух различных эпох: мужское погребение в центре камеры с пряжкой гуннского времени на тазовых костях (рис. 51, 15) и погребение (видимо женское, поскольку оно сопровождалось металлическим зеркалом) у входа являются более ранними, тогда как второе мужское погребение, сопровождавшееся пряжками с полой рамкой, относится к более позднему времени, якобы к VII в. (Амброз 1989. С. 52).

Нет оснований, однако, позволяющих предположить столь длительный хронологический разрыв между временем совершения этих трех погребений. Исходя из внутренней топографии камеры, наиболее поздним может оказаться женское погребение, расположенное у выхода из гробницы (судя по найденному в нем зеркалу. Рис. 52, 1). Среди других предметов женского туалета здесь была обнаружена двухпластинчатая фибула типа I по классификации А. К. Амброза (рис. 52, 32), которая не может быть датирована временем позднее первой половины V в. (Амброз 1966. С. 77–86).

Близко к нему по времени и второе мужское погребение. Оно для нас представляет особый интерес, поскольку именно с ним связаны предметы инкрустированной золотой гарнитуры (например, рис. 51, 7–10), а также, возможно, меч с инкрустированной гардой (рис. 51, 1). Отнесение А. К. Амброзом пряжек с полой рамкой к VII в. явно ошибочно. Полая рамка хорошо известна на Северном Кавказе уже в постгуннское время, как показывают находки в погребениях 259, 410 и 479 на могильнике Дюрсо, датированные, как нами было показано, второй половиной V – первой третью VI в. (Казанский 2001)¹. Видимо, этим временем и надо датировать самый поздний материал из катакомбы в Лермонтовской Скале. Можно добавить и другие аргументы для предлагаемой здесь датировки. Так, к 480–540 гг. относится найденная здесь «тюрингская» фибула (рис. 51, 4) (см. подробнее: Kazanski, Mastykova 1999. P. 545–551). Золотая пряжка с двумя птичьими головами из Лермонтовской Скалы (рис. 51, 9) имеет параллели на Северном Кавказе (Нальчик: см., например, Амброз 1989. Рис. 20, 16) и в керченской могиле 163 1904 г. (Засецкая 1993. Кат. 269). Керченская могила содержала два горизонта погребений. Нижний горизонт, откуда происходит интересующая нас пряжка, был разрушен, а в верхнем были обнаружены два погребения, одно из которых сопровождалось

¹ Предлагаемые более поздние даты для фазы 3 некрополя Дюрсо (вторая треть и даже вторая половина VI в.) опираются на ошибочную датировку седельных пластин типа Крефельд-Геллеп 1782 (см. выше).

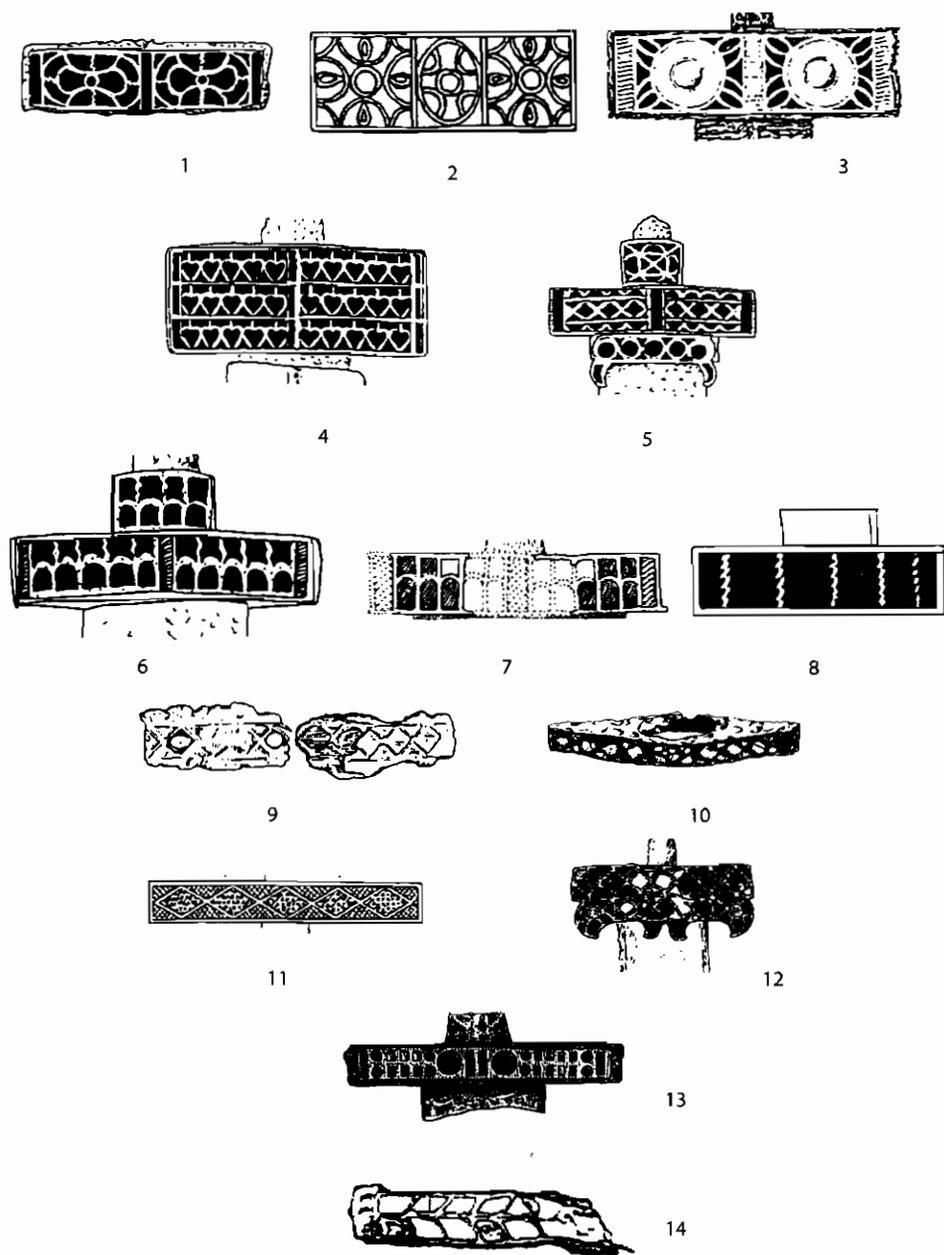

Рис. 44. Гарды мечей с инкрустацией – типология (по Kazanski 2001)

1-3 – тип 1; 4, 5 – тип 2; 6, 7 – тип 3; 8 – тип 4; 9-12 – тип 5; 13 – тип 6; 14 – тип 7;

1 – Керчь, Крым; 2 – Гагра – Цихарева, Абхазия; 3 – Лермонтовская Скала, Северный Кавказ; 4 – Альтлюсхейм, Германия; 5 – Тамань, 6 – Дмитриевка, Северное Причерноморье; 7 – погребение 479, Дюрсо, Северо-Восточное Причерноморье; 8 – конское погребение 13, Дюрсо; 9 – Бежа, Португалия; 10 – Паннонхалма, Венгрия; 11 – Шапка – Верин Холм, Абхазия; 12 – Покровск – Восход, Саратовское Поволжье; 13 – Мокрая Балка, Северный Кавказ; 14 – Дижон, Франция

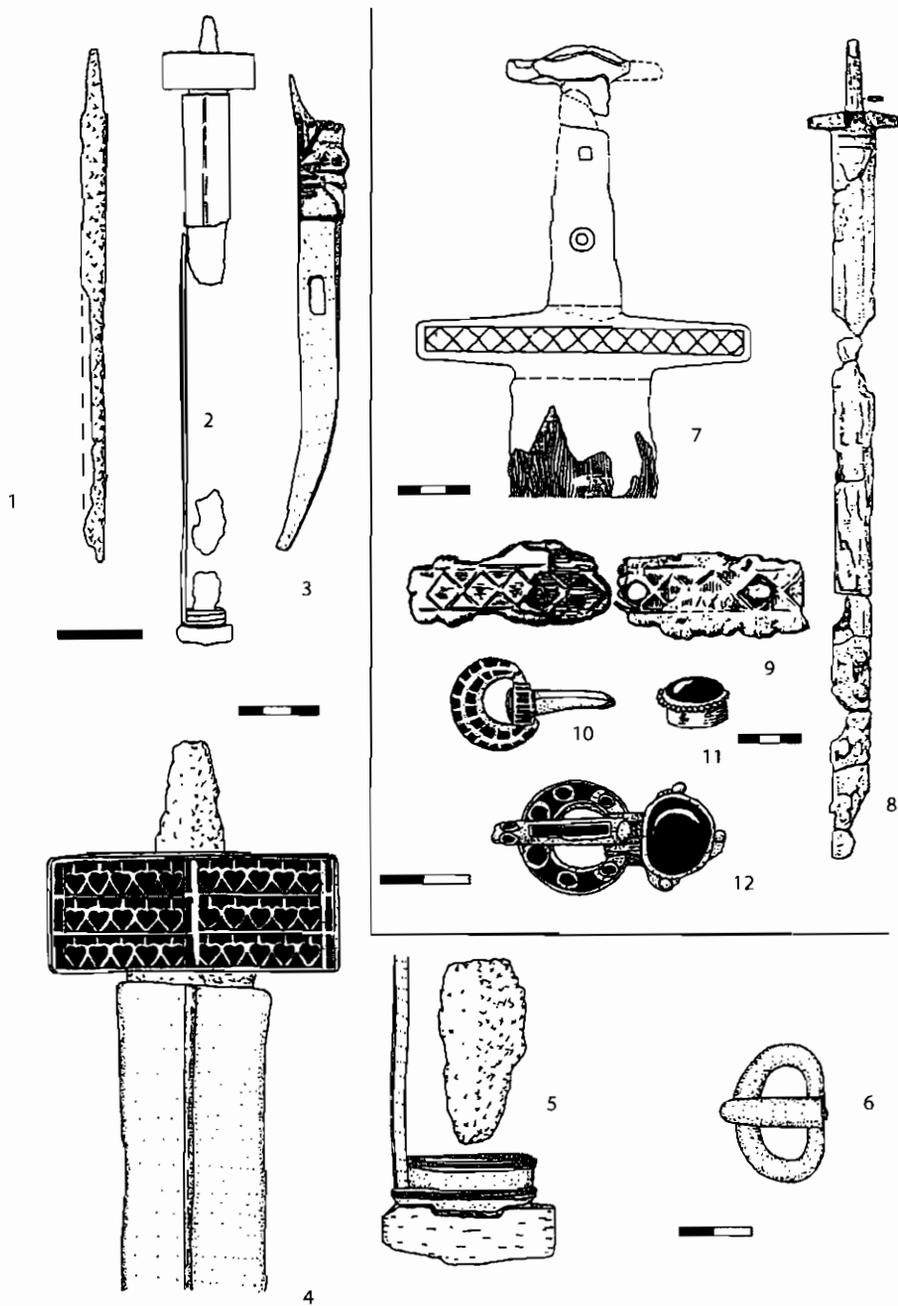

Рис. 45. Мечи с инкрустированной гардой из погребений Альтлюсхейм (1-6) и Бежа (7-12) (по Kazanski 2001)

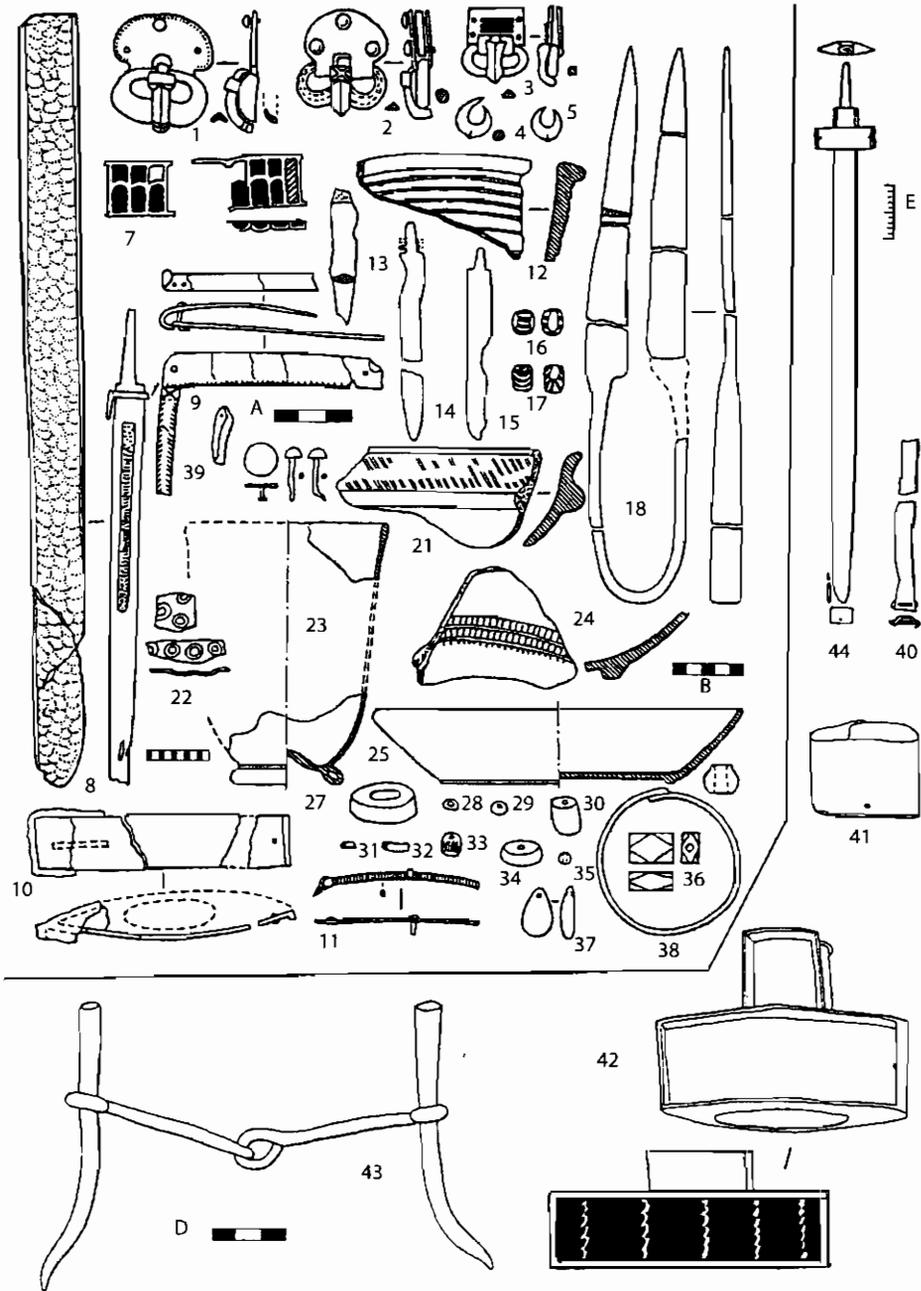

Рис. 46. Находки из погребения на могильнике Дюрсо с мечами с инкрустированной гардой 1-39 – погребение 479; 40-43 – конское погребение 13 (по Дмитриеву 1979)

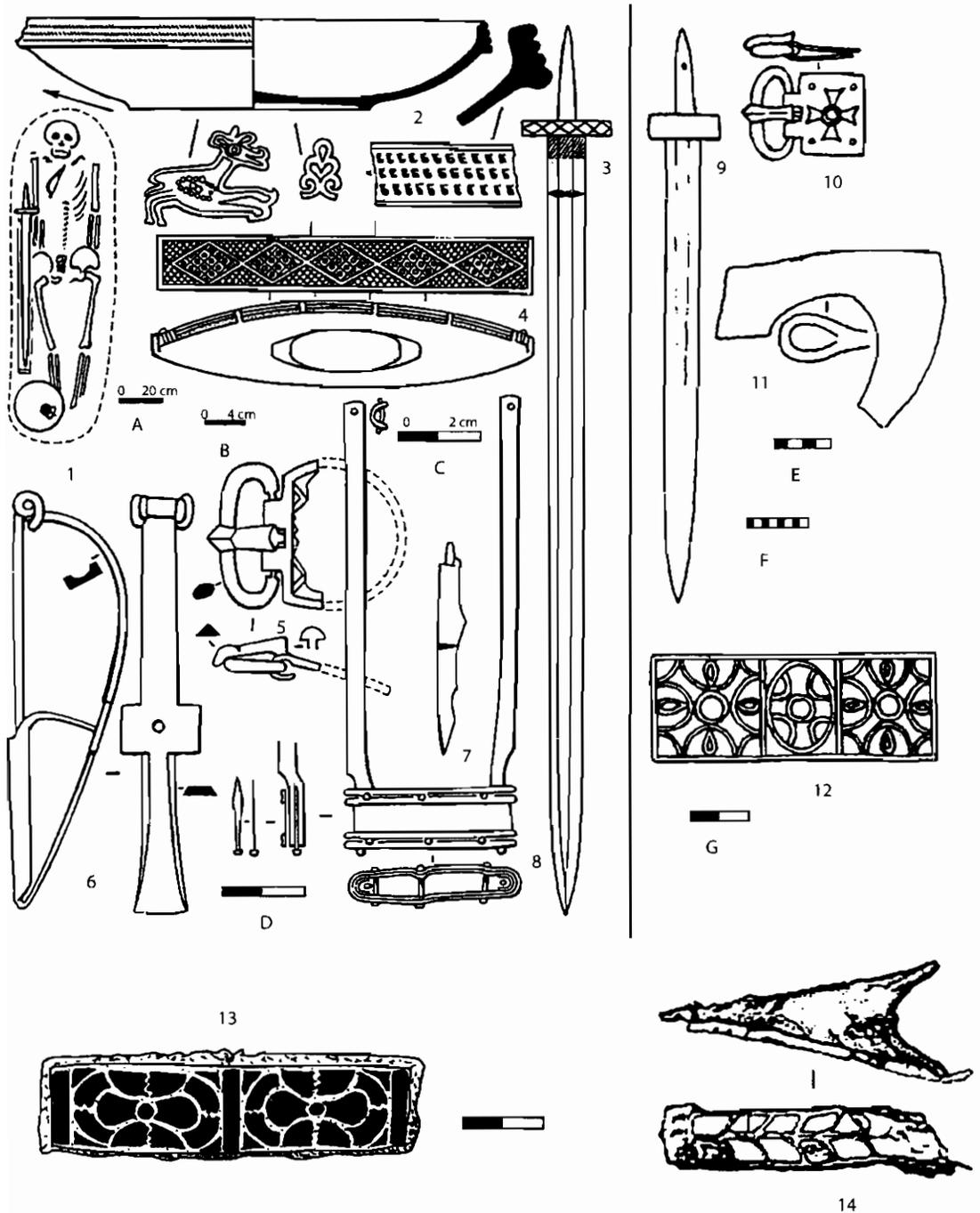

Рис. 47. Мечи с инкрустированной гардой из погребений в Абхазии
 1-6 - Шапка - Верин Холм (по Воронову, Шенкао 1982); 9-12 - Гагра - Цихерва (по Воронову 1979);
 Случайные находки инкрустированных гард 13 - Керчь (по Засецкой 1982); 14 - Дижон
 (по Esher 2003)

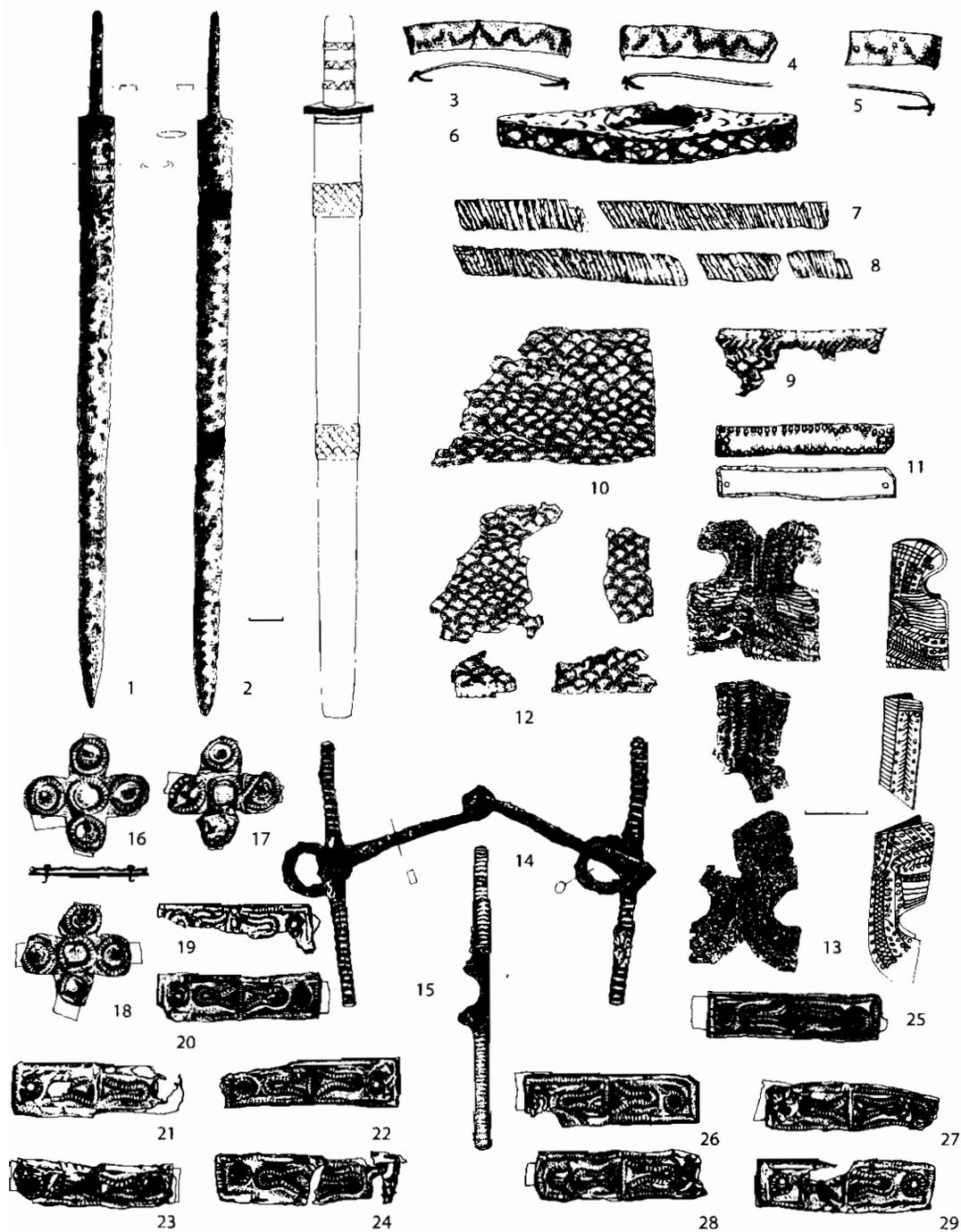

Рис. 48. Находки из погребения с мечом из Паннонхалма в Венгрии (по Томка 1986)

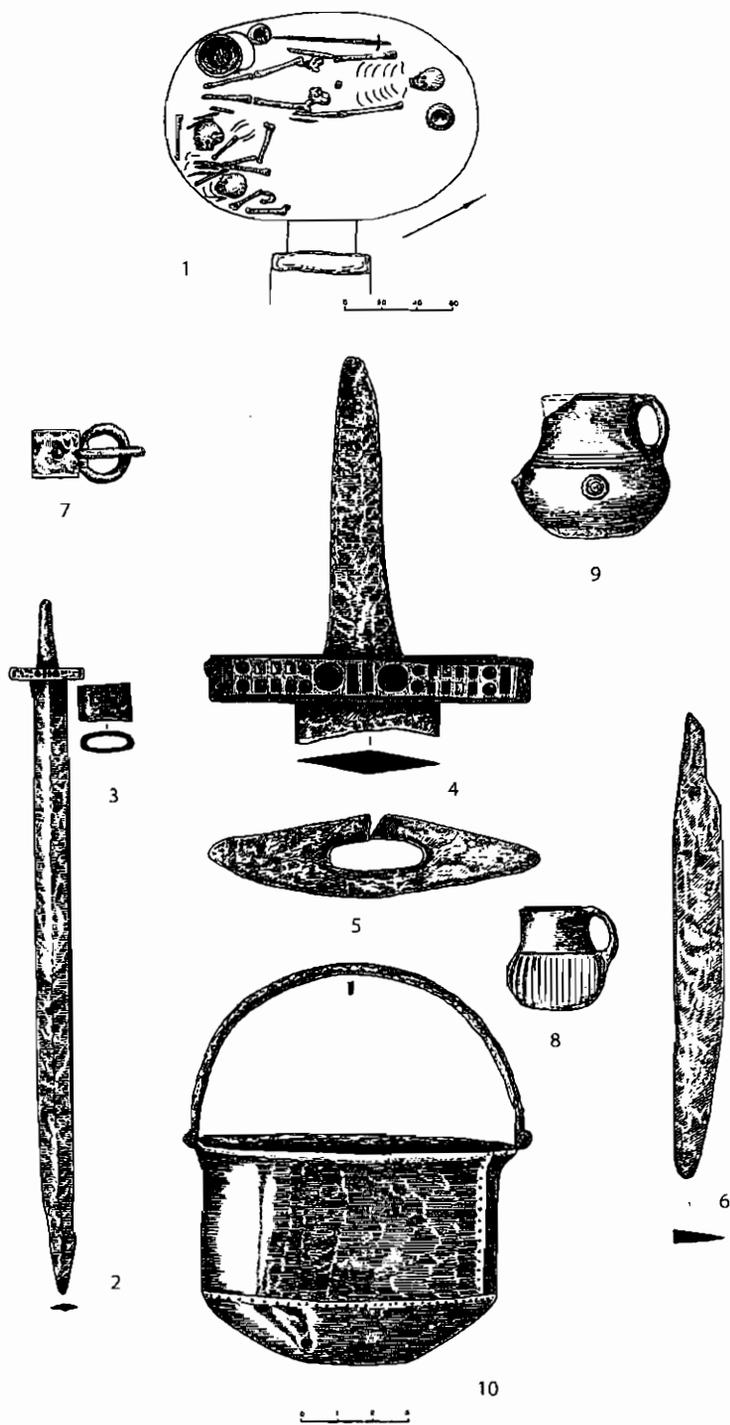

Рис. 49. Находки из погребения 123 на могильнике Мокрая Балка, Северный Кавказ (по Афанасьеву, Руничу 2001)

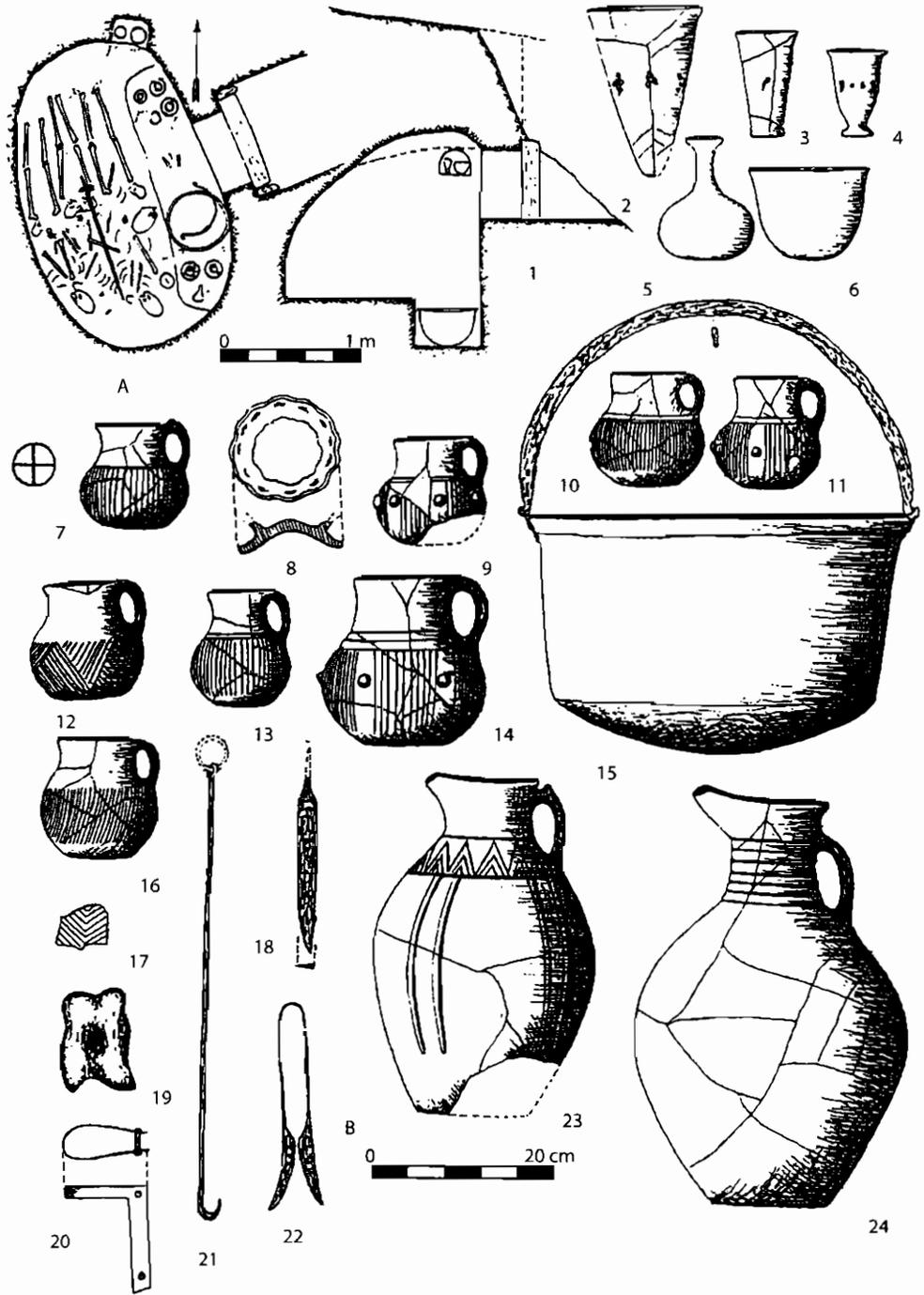

Рис. 50. Находки из погребения 10, Лермонтовская Скала 2, Северный Кавказ (по Руничу 1976)

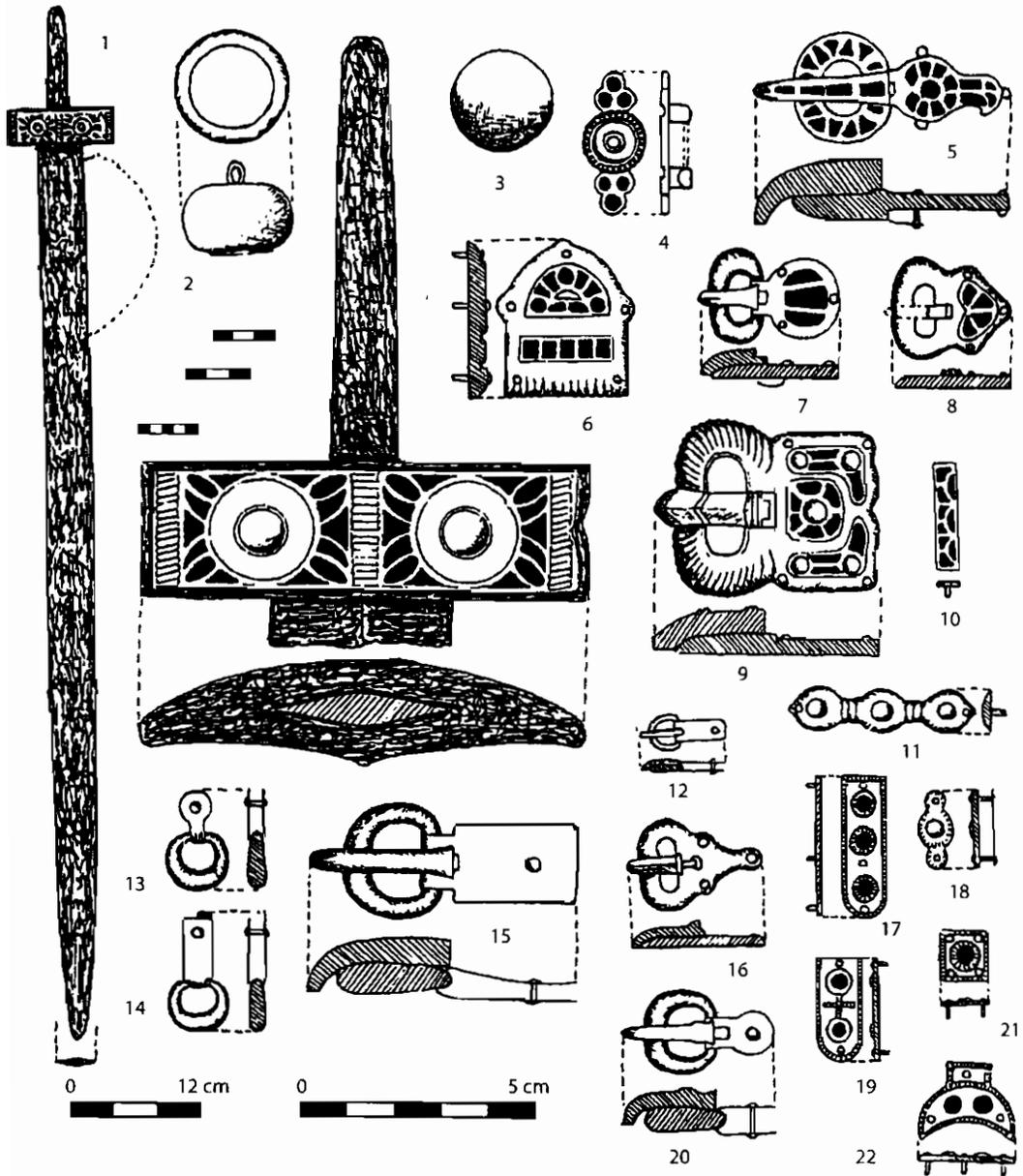

Рис. 51. Находки из погребения 10, Лермонтовская Скала 2 (продолжение; по Руничу 1976)

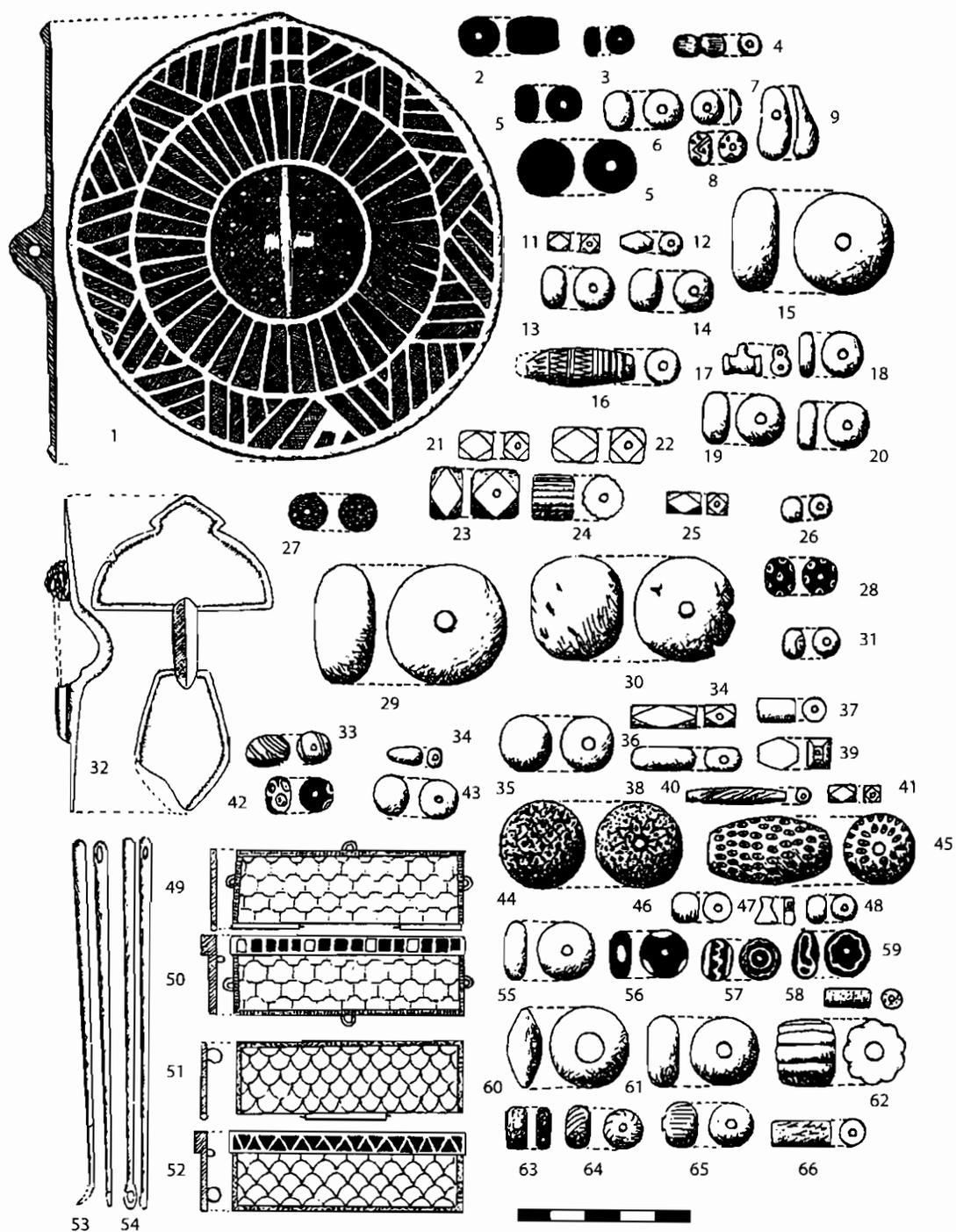

Рис. 52. Находки из погребения 10, Лермонтовская Скала 2 (продолжение; по Руничу 1976)

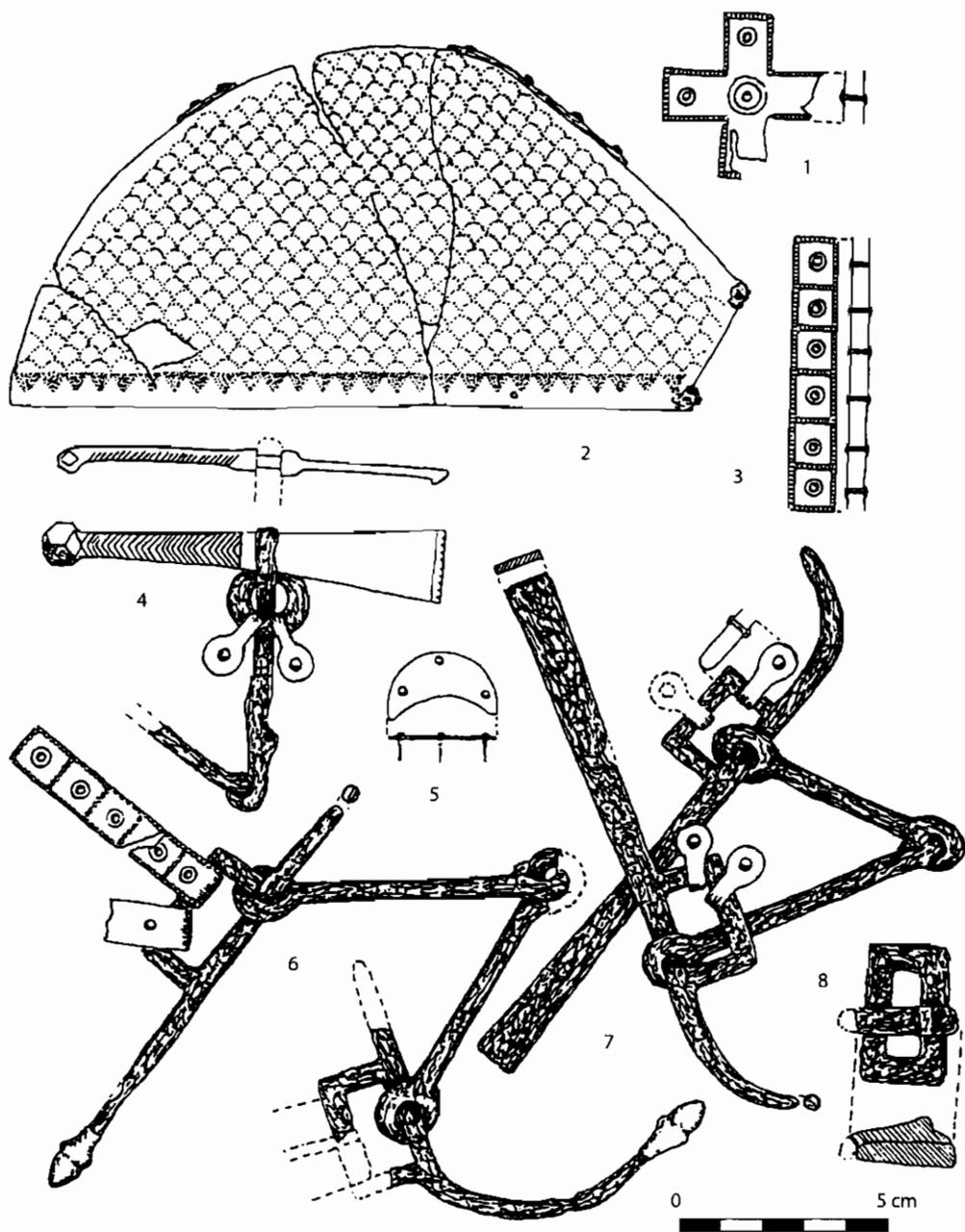

Рис. 53. Находки из погребения 10, Лермонтовская Скала 2 (продолжение; по Руничу 1976)

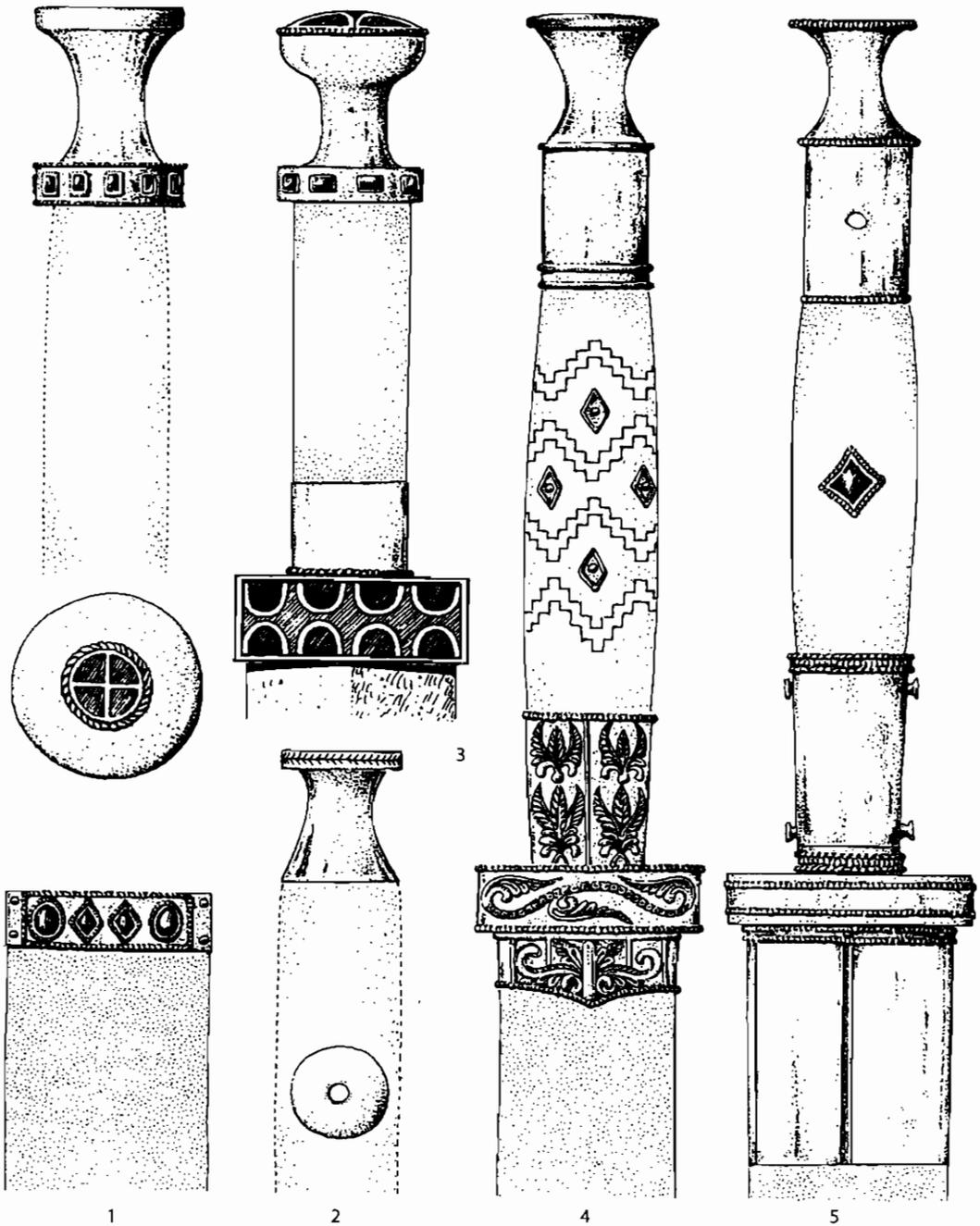

Рис. 54. Мечи «персидского» типа (по Вона 2002)

1 – совхоз Калинина, Крым; 2 – склеп 145, 1904 г., Керчь; 3 – Цибилеум, Западный Кавказ;
4 – курган 5, Тураево; 5 – Муслюмово, Пермская область

остроготской пряжкой типа Крайнбург, датированной первой половиной VI в. (Bierbrauer 1975. S. 143–145; Zasetzkaya 2004. P. 91, 92. Fig. 4, 1; 5, 8). Последнее обстоятельство позволяет отнести пряжку, аналогичную северокавказской, ко времени не позднее первой половины VI в., а, скорее всего к позднему V в., тем более, что близкие мотивы – две противостоящие птичьих головы – известны и на вещах из могилы Хильдерика, умершего в 481/482 гг. (Kazanski, Périn 1988. P. 33). Выше мы уже говорили о датировке накладки от конского убора из этой могилы. Таким образом, у нас есть все основания датировать самые поздние вещи из Лермонтовской Скалы, а стало быть, и меч, временем с середины V по первую половину VI в. (Kazanski, Mastykova 1999. P. 529–539).

Мечи типа 2 имеют, как нам кажется, близкую датировку. Погребение в Альтлюсхейме датируется, скорее всего, первой половиной V в., поскольку для более позднего времени большие портупейные скобы (рис. 45, 3), как на этом мече, неизвестны. Меч с Тамани имеет в своем декоре четырехлепестковый мотив (рис. 35, 1), типичный для меровингских и визиготских украшений второй половины V – первой трети VI в. (см. ниже).

Мечи типа 3 датируются, судя по находке в погребении 479 некрополя Дюрсо, второй половиной V в. (о хронологии раннего этапа Дюрсо см.: Казанский 2001).

Сложнее датировать мечи типа 4, поскольку конская могила Дюрсо содержит вещи со сравнительно широкой датой; во всяком случае, если принять во внимание общую датировку могильника, они не ранее середины V в.

Датировка мечей типа 5 может быть определена по находкам в Паннонхалме, Бежа, Покровск – Восходе, Шапке – Верин Холме. Два первых погребения, несомненно, относятся к первой половине V в. Для Паннонхалмы это было показано П. Томкой (Томка 1986), а датировка погребения в Бежа легко устанавливается по пряжке (рис. 45, 12), имеющей параллели в Регей и Керчи (Kazanski 1991. Fig. 1, 6–8). Погребение в Покровск – Восходе датируется, скорее всего, серединой V в. (Засецкая 1986. С. 86). Зато погребение 1981 г. на могильнике Шапка – Верин Холм явно позднее. Оно содержало краснолаковую миску типа Hayes LRC 3 C-D (рис. 47, 2), принадлежавшую позднему V в. (Hayes 1972. P. 337. Fig. 68, 10, 13. Fig. 76 a, b). Впрочем, такие миски известны и в VI в. Так, в крепости Цибилиум керамика Hayes LRC 3 C-D встречается в слоях, перекрывающих горизонт пожара, датированный сасанидской монетой 505–506 г. И, видимо, связанный с военными событиями 550–551 гг. (Воронов, Бгажба 1985. С. 6–31. Рис. 113). Фибулы, как в погребении Шапка – Верин Холм (рис. 47, 6), известны в погребении 4 могильника Шапка – Церковный Холм 4 вместе с кубком с каплями синего стекла (Воронов, Юшин 1973. Рис. 4, 4), конца IV – V в., и в погребении 7 того же могильника с пряжкой гуннского времени (Воронов, Юшин 1973. Рис. 7, 5). Византийская пряжка из рассматриваемого погребения (рис. 47, 5) датируется, скорее всего, второй половиной V – первой половиной VI в. (Kazanski 1994. P. 143, 144). Таким образом, похоже, что погребение с мечом на могильнике Шапка – Верин Холм может быть датировано V–VI вв.

Наконец, мечи типа 6 датируются по погребению в Мокрой Балке, содержащему пряжки гуннского времени (рис. 49, 7), концом IV – серединой V в. Мечи типа 7 пока надежной датировки не имеют.

Декор гарды этих мечей, как мы видели, очень разнообразен, что свидетельствует об их изготовлении на заказ. При этом мотивы декора (сердцевидные, листовидные, мальтийский крест, крест в овале, арочные, зигзагообразные и волнистые линии) и характер обработки камней-инкрустаций (в частности, в виде валика с каннелюрами и без них) являются типичными для изделий средиземноморских мастерских. Поскольку в Западной и Центральной Европе находки таких мечей единичны (3 экз.), речь идет, скорее всего, о восточно-римском/византийском оружии.

О мотивах декора в виде сердечек или арок уже специально говорилось в разделе о конском уборе. Другие мотивы, как мы постараемся показать ниже, относятся к той же средиземноморской традиции. Это в частности относится к мотиву «лестницы» (по терминологии западноевропейских археологов), представленному на мечах из Паннонхалмы и Покровск – Восхода. Наиболее ранние его проявления нам известны на Ближнем Востоке, в частности, на сирийском браслете второй половины II в. (Pfeiler 1970. Pl. 9A; Muche 1988. Pl. 76, 8.1.5). В гуннское время этот мотив известен на «княжеских» вещах из Вольфсхейма, Керчи (Новиковский склеп), Печюсцага (Werner 1956. Abb. 2. Taf. 4, 1, 50, 10; Arrhenius 1985. S. 64. Fig. 62).

Позднее, во второй половине V и в VI в., мотив «лестницы» широко распространяется в Европе, в первую очередь на вещах средиземноморского происхождения (вещи из могил Хильдерика, Ольвия, Гурдон) (Arrhenius 1985. P. 103–113. Fig. 63, 64, 106), на итало-остротоготских вещах (Bierbrauer 1975. Taf. 63, 4; Kidd 1989. Fig. 1), в Северной Африке (Roth 1980. Abb. 5, 5, 8), а также на меровингском Западе (например: Werner 1958. Abb. 1, 5; 3, 2. Taf. 11, 1, 2; 12; Arrhenius 1986, 105. Fig. 108, 109; Martin 1980. Taf. 16g) и в германских дунайских королевствах (Апахида, Блучина, Клуж-Сомешени, Любляна и др.) (Arrhenius 1985. P. 111. Fig. 123, 124; Harhoiu 1998. Taf. 58.2, 61.1, 11, 71.1; Slabe 1978. Fig. 5; L'Or des princes barbares 2000. Cat. 29, 5, 7, 9, 29; 30, 7, 8, 12; 31; 32, 11, 12; 33, 9).

Зигзагообразные перегородки, как на гардах мечей из Керчи, Дмитриевки, Дюрсо, конское погребение 13, известны также на украшениях гуннского времени из Зеленокумска (Засецкая 1994. Табл. 13, 4), «Тамани-Керчи» (Damm 1988. Abb. 151, она же как «Майкоп»: Fremersdorf 1953. Taf. 7), Сегеда-Надьзекшоша, «Венгрии» (Arrhenius 1986, 102. Fig. 103. Fig. 110). Во второй половине V – VI в. зигзагообразные перегородки широко распространяются в Западной и Центральной Европе (Апахида, Сомешени, Блучина, Рюдэн, Ромерсхейм, Турнэ, Пикиньи, Пуан и др.) (см. например: Kessler, Schnellerkamp 1933. Fig. 3, 4, 5; Salin, France-Lanord 1956. Fig. 4; Werner 1966. Abb. 2, 1, 3, 3, 1, 2; Arrhenius 1986. P. 38. Fig. 11. P. 106, 116–119, 122–125, 186; Harhoiu 1998. Taf. 58–71). Известны такие перегородки и на украшениях в средиземноморском регионе –

в Северной Африке (Koenig 1981. Abb. 7g; Arrhenius 1986. P. 38. Fig. 12), Испании (Historia 1940, таблица между с. 648 и 649), Южной Галлии (Arrhenius 1986. P. 52, 53. Fig. 40), Италии (Bierbrauer 1975. Taf. 6, 1, 2; 18.1, 2; 36, 2, 3; Arrhenius 1986, 63. Fig. 60), Малой Азии (Hanfmann, 1974. Fig. 21). В Восточной Европе в постгуннское время эти перегородки встречаются редко и почти исключительно на импортных изделиях западного или средиземноморского происхождения (Ахмедов, Казанский 2004. Рис. 1, 2).

Четырехлепестковый декор, с вписанным внутренним квадратом, как на мече из Тамани, также является средиземноморским, но более характерным для западной части Средиземноморья. Мы его можем наблюдать на ювелирных изделиях начиная со второй половины – конца V в. Он представлен на испано-визиготских пряжках с инкрустированным декором, например, в погребениях 209, 417, 463, 514, 540 некрополя Дуратон (Molinerо Perez 1948; Molinerо Perez 1971, *passim*), в некрополе Мадрона (Molinerо, Perez 1971. Lám. 71, 1, 134, 1), Кастилььера (Historia 1940. Fig. 431) на пряжках из Марселлана и Трессана в Лангедоке (Rouquete 1969. Fig. 2; Caillet 1985. N° 120) а также на импортных испано-визиготских пряжках из Руана и Гондорфа (Haith 1982. P. 36; Schulze-Dörrlamm 1990. Taf. 47, 20). Подобный декор появляется и на меровингских вещах в Северной Галлии, например, на пряжке из погребения 1682 пикардийского некрополя Арси – Сент-Реститю (Werner 1966. Abb. 3, 6), но особенно он характерен для меровингских брошей последней четверти V – второй трети VI в. (Kazanski 2002. P. 18. Pl. 40, 18; Legoux, Périn, Vallet 2004. N° 208). Как видим, четырехлепестковый декор с вписанным квадратом более всего характерен для меровингских и испано-визиготских украшений. Прямые контакты понтийского региона с меровингским миром по источникам неизвестны. Зато авторы VI в. свидетельствуют о присутствии на Боспоре Киммерийском византийского отряда «испанцев», под командованием трибуна Далматия (см. подробнее: Кулаковский 1891. С. 26, 27).

Декор в виде вытянутых листьев, как на гарде спаты из Лермонтовской Скалы, также имеет средиземноморское происхождение. Как подчеркнул Ф. Бирбрауер, этот мотив хорошо известен на византийских и итало-острэготских изделиях (Bierbrauer 1974. S. 196. Abb. 1). Наконец, присутствие на мечах из Дмитриевки и Лермонтовской Скалы резных гранатов в виде продолговатых полукруглых пластинок с поперечным рифлением также указывает на средиземноморское происхождение этих предметов. Действительно, такой декор хорошо известен на украшениях средиземноморского происхождения середины – второй половины V в., например, на вещах из Трессана, Пуана, Апахиды (Arrhenius 1986. Fig. 40, 125, 145).

Итак, рассмотрение мотивов инкрустационного декора на гардах мечей подтверждает их принадлежность к изделиям средиземноморской традиции. Кстати, византийское происхождение мечей из Дмитриевки и Покровск – Восхода уже постулировалось Б. Аррениус (Arrhenius 1986. P. 101–113). К той же традиции она отнесла и меч из Альтлюсхейма, хотя последний, по ее мне-

нию, был скорее произведен в местном рейнском ателье, работавшем в средиземноморском стиле (Arrhenius 1986. P. 106, 123).

Иконографические данные подтверждают, на наш взгляд, мнение Б. Аррениуса о римском или византийском происхождении мечей с инкрустированной гардой. По крайней мере, на изображениях эпохи тетрархов видны гарды мечей с богатым декором (Kazanski 1991. P. 128. Fig. 3, 7). На некоторых изображениях можно увидеть и металлические ножны, похожие на те, что имеет меч из Альтлюсхейма (Kazanski 1991. Fig. 3, 8, 17). Большие портупейные скобы, как на мечах из Покровск – Восхода и Альтлюсхейма, также существовали в Римской империи (Trousdale 1975. P. 102–108. Fig. 87–89; Kazanski 1991. Fig. 3, 7, 8, 10, 16)².

Надо, однако, иметь в виду, что центром распространения мечей с инкрустированной гардой мог быть также и сасанидский Иран. Здесь известны, по иконографическим данным, богато украшенные, может быть инкрустированные, гарды мечей (Тревер, Луконин 1987. Табл. 10, 12, 13, 18–23; Overlaet 1989. Fig. 4 a, c, d, e, f), большие портупейные скобы (Trousdale 1975. P. 85–102. Fig. 67–69, 71–76; Тревер, Луконин 1987. Табл. 8), похожие бутероли (Тревер, Луконин 1987. Табл. 17; возможно Trousdale 1975. Fig. 72). К сожалению, практически полное отсутствие на сегодняшний день парадных сасанидских мечей V – раннего VI в. не позволяет развить эту тему. Но стоит обратить внимание на находку кинжала с инкрустированной гардой на Западном Кавказе, интерпретированного И. Боной, как иранский. Речь идет о кинжале V в. из Цибилума (рис. 54, 3) (Bona 2002. Fig. 104, 3), имеющем характерное «восточное» навершие, известное, в частности, уже в III в. по пальмирским изображениям (см. например Kazanski 1991. Fig. 3, 6, 9). Этот «персидский» по терминологии И. Боны кинжал имел, кроме того, четыре выступа для крепления портупейных ремней (Воронов 2003. Рис. 28, 3) – обычное явление для восточных кинжалов. Кинжалы с такими выступами, в частности, известны в Южной Сибири, Иране, Сирии, изредка у сармат Восточной Европы (см. подробнее: Кубарев 1981; Bepalyi, Perevoztchikov 1995, здесь же карта находок). Кинжал из Цибилума, таким образом, подтверждает возможность существования иранских мечей V в. с инкрустированной гардой. Однако следует заметить, что ни один из «персидских» мечей, приведенных И. Боной, не имеет широкой гарды, как на изучаемом нами типе.

География распространения мечей с инкрустированной гардой (рис. 43) позволяет предварительно наметить возможные центры их изготовления. Так, например, мечи типов 1 (Керчь, Гагра, Лермонтовская Скала), 3 (Дмитриевка, Дюрсо 479), 4 (Дюрсо, конское погребение 13) и 6 (Мокрая Балка) представлены исключительно в Северо-Восточном и Восточном Причерноморье, тип 7 пока известен только на Западе (Дижон), а типы 2 (Альтлюсхейм,

² Скорее всего, меч из Альтлюсхейма попал на Запад через средиземноморский бассейн (Kazanski 1988), поскольку такое оружие не представлено в Центральной Европе, за исключением близкого, но не идентичного меча из Паннонхалмы.

Тамань) и 5 (Покровск – Восход, Паннонхалма, Бежа, Шапка – Верин Холм) имеют очень широкое распространение.

Таким образом, можно предположить, что мечи типов 1, 3, 4 и 6 изготовлялись в каком-то восточном, может быть, черноморском (при этом не обязательно боспорском) ателье, работавшем в средиземноморской традиции. Точка зрения Б. Аррениус о том, что это изделия именно константинопольских мастерских, нам представляется возможной, хотя и нуждается в более убедительной аргументации. Типы 2 и 5 изготовлялись в каких-то средиземноморских центрах, локализовать которые пока сложно. Четырехлепестковый декор с вписанным квадратом на мече типа 2 из Тамани вроде бы свидетельствует о его западносредиземноморском (испанском?) происхождении. Что же касается мечей типа 5, то было высказано предположение об их восточно-европейском происхождении (Menghin 1983. S. 93; Szameit 1984. S. 149), может быть, дунайском или боспорском (Томка 1986. S. 454). Однако если принять за достоверную реконструкцию рукоятки меча из португальской могилы в Бежа (рис. 47, 7), предложенную Г. Кенигом (Koenig 1981. Abb. 20. Taf. 5), то восточное происхождение этих мечей становится сомнительным. В самом деле, по Г. Кенигу меч из Бежа имел продолговатое, достаточно крупное навершие, параллельное гарде.

Такие навершия типичны для западноевропейских мечей эпохи переселения народов и меровингского времени (многочисленные примеры: Menghin 1983), но зато совершенно отсутствуют в восточной половине Европы (Kazanski 1991. P. 132); самыми восточными, по нашим сведениям, являются мечи V в. из Блучины (Menghin 1983, № 3) и Виминациума (Zotović 1992–1993. Abb. 1)³. Не исключено, что какие-то мечи этого типа изготовлялись в Западном Средиземноморье.

Помимо мечей с массивной инкрустированной гардой на Кавказе несомненное средиземноморское происхождение имеет и короткий парадный меч из аланского некрополя Зарагидж, в Кабардино-Балкарии (Atabiev 2000). Действительно, его бутероль имеет наиболее близкую аналогию на мече франкского короля Хильдерика (умер в 481/482 гг., его могила обнаружена в г. Турнэ), изготовленном в каком-то западносредиземноморском ателье, может быть, в Равенне. Однако, как отметил Я. Тейрал, могила в Зарагидже содержала пряжку, явно относящуюся к более раннему времени, к концу IV – началу V в., а декор зарагиджской бутероли стилистически ближе изделиям гуннского времени, чем эпохи Хильдерика. Таким образом, зарагиджская бутероль, попавшая на Кавказ из Средиземноморья, может рассматриваться как прототип бутероли меча из Турнэ.

Как уже отмечалось, больше всего таких мечей (10 из 14) на сегодняшний день известно в Северо-Восточном Причерноморье и на Западном Кавказе.

³ В погребении Бежа были также обнаружены пряжки, имеющие аналоги в Восточной и Центральной Европе (подробнее см.: Kazanski 1982). Одна пряжка имеет кабошон на щитке, что типично скорее для средиземноморских изделий (подробнее см.: Kazanski 1994).

Показательно распространение средиземноморского парадного оружия в зоне византийских военно-политических интересов, на территории союзников Византии (апсилы и абасги Абхазии, аланы Пятигорья и Кабардино-Балкарии, утигуры Кубани, оногуры Приазовья, Боспора Киммерийского) или же у варваров, известных своими провизантийскими симпатиями (готы-тетракситы района Новороссийска). Скорее всего, престижные мечи поступали на Западный Кавказ из Константинополя в составе дипломатических подарков или, возможно, заказывались варварскими вождями в Византии под влиянием распространения в данную эпоху восточно-римского офицерского оружия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБКЛАДОК ЛЕНЧИКОВ СЕДЛА V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в.

Золотые обкладки ленчиков седла впервые фиксируются в памятниках южно-русских степей в гуннскую эпоху (первая половина V в.). Иногда они сочетаются с декоративными обкладками от луки седла. Подобные детали происходят из могил 8 и 9 у с. Новогригорьевка Запорожской области, из погребений, обнаруженных в Кизиярской балке близ Мелитополя и урочище Кубей в Одесской области (Засецкая 1994. Табл. 2, 7, 10; 4, 14, 15; 7, 9; 47, 9). Обкладки ленчиков найдены и в комплексах Волго-Уральского региона V – начала VI в.: например, в погребении с сожжением в кургане с усами Солончанка I Оренбургской области первой половины – середины V в. (Любчинский, Таиров 1999. Рис. 25, 13, 14), в детском погребении Владимирского могильника Самарской области и в мужском погребении из кургана 3 у станицы Шипово Оренбургской области – второй половины V – начала VI в. (рис. 39, 13; 42, 8) (Засецкая 1994. Табл. 35, 13; 41, 8). Кроме того, пластины от ленчиков встречены в ряде захоронений V – начала VI в. на территории Боспора, Ольвии, Северного Кавказа, Казахстана и Центральной Европы (Засецкая 1994. Приложение 3. С. 200–201).

О принадлежности пластин к декоративным деталям седла свидетельствует находка из шиповского погребения, где она была обнаружена с остатками деревянного седла и скреплена с ним бронзовыми штифтами. Окончательно их назначение было подтверждено после исследования грунтового могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска, в котором зафиксировано 16 конских захоронений. На четырех костяках коней, на спине, лежали по две симметрично расположенные сегментовидные пластины. Как убедительно доказал автор раскопок А. В. Дмитриев, парные металлические обкладки служили облицовкой выступающих вперед ленчиков седла (Дмитриев 1979. С. 212–229. Рис. 5).

К деревянной основе седла они крепились при помощи узких металлических полос и штифтов, о чем свидетельствуют равномерно расположенные по краям обкладок небольшие отверстия. Узкие серебряные полоски, служившие для закрепления пластин на седле, с остатками штифтов встречены также в ряде кочевнических погребений Северного Причерноморья и Волго-Уральского региона гуннского и постгуннского времени (Засецкая 1994. Табл. 4, 7, 29, 13; 31, 19; 47, 9).

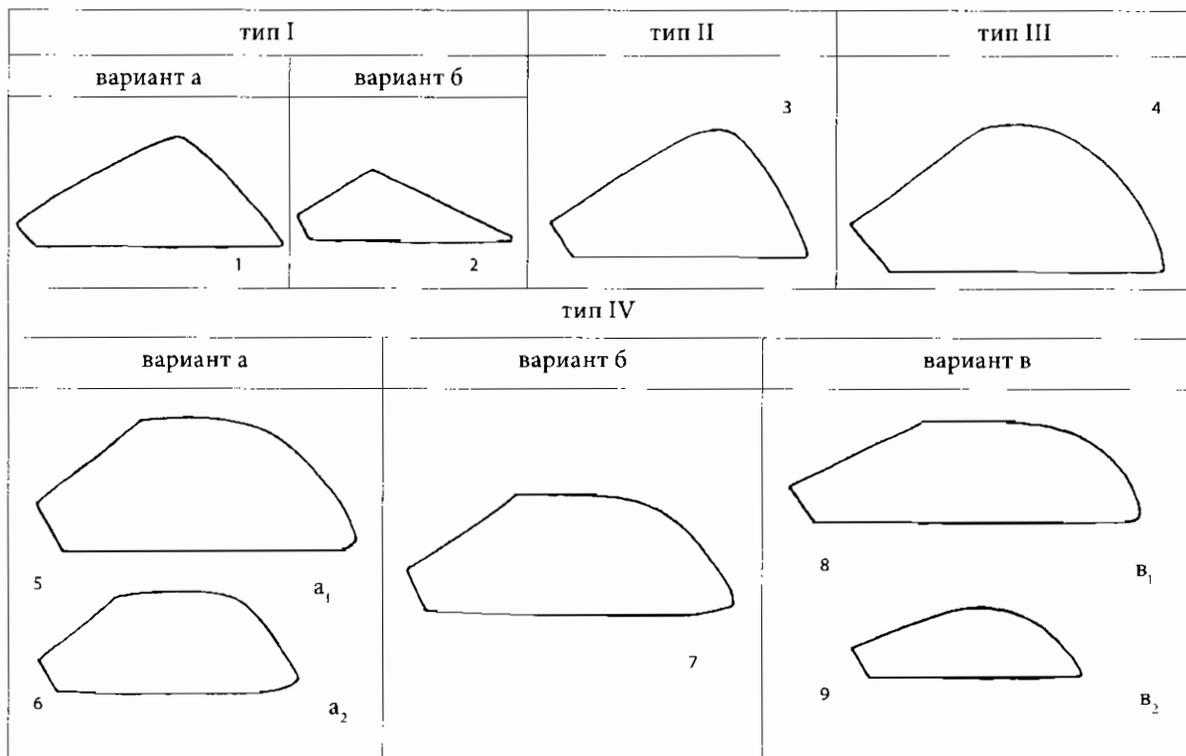

Рис. 55. Типология седельных накладок (по Засецкой 1994, рис. 6)

Несмотря на визуальное сходство этих функционально идентичных пластин, они различаются по форме, размерам, пропорциям и деталям орнамента. Среди них выделяются золотые треугольные, подтреугольные, полусферические и сегментовидные обкладки. Отличие в форме, а также в пропорциях, т. е. в соотношении высоты и длины основания пластины, позволили разделить их на четыре классификационных типа, с несколькими вариантами и разновидностями. В основу разделения на типы положены особенности формы, на варианты – соотношение длины к высоте, на разновидности – размеры (рис. 55, 56).

К первому типу отнесены треугольные обкладки двух вариантов (рис. 55, 1, 2). Вариант а – пластины, у которых высота равна половине длины основания или несколько меньшей величине, т. е. коэффициент соотношения длины и высоты варьируется в пределах 2,0–2,2; вариант б – имеет коэффициент 2,9, в этом случае высота составляет треть длины основания. К ним относятся три европейских находки гуннской эпохи первой половины V в. – Печюсег, Нодьсекшош (Венгрия) Мундельсхейм (Германия) (Засецкая 1994. Приложение 3. № 1, 2, 4).

Второй тип представлен одним вариантом подтреугольной формы с сильно выгнутой боковой стороной (рис. 55, 3). Высота пластин второго типа равна

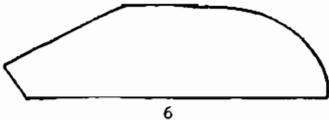
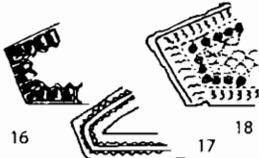
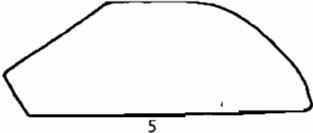
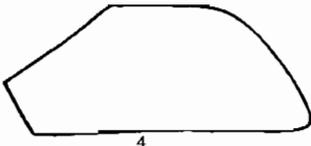
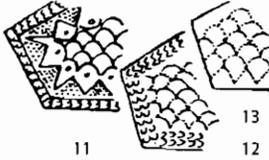
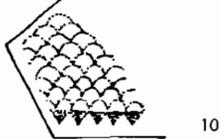
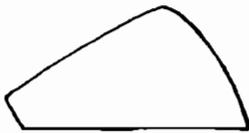
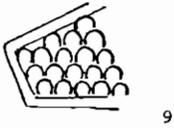
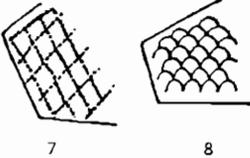
типы	форма пластин	орнамент	дата
тип IV вариант b			конец V в. – первая пол. VI в.
тип IV вариант b			середина – вторая пол. V в.
тип IV вариант a			середина – вторая пол. V в.
тип III			первая пол. – середина V в.
тип II			первая пол. V в.
тип I вариант a			первая пол. V в.

Рис. 56. Эволюционный ряд обкладок ленчиков седла и их хронология (по Засецкой 1994)

половине длины основания или несколько большей величине, коэффициент соотношения высоты и длины равен 1,8–2,0. Находки также гуннской эпохи – Новогригорьевка, могилы 8 и 9, Мелитополь (Запорожье), Кубей (Одесская область) и Лева (Венгрия) (Засецкая 1994. Приложение 3. № 3, 6–9).

К третьему типу относится пластина неправильной полусферической формы (рис. 55, 4). Высота ее равна половине длины основания, коэффициент соотношения – 2,2. Такая пластина происходит из могилы 10 (Лермон-

товская Скала 2) гуннской эпохи – первой половины – середины V в. н. э. (Засецкая 1994. Приложение 3. № 10) (рис. 53, 2).

В четвертый тип выделяются сегментовидные пластины, представленные тремя вариантами – высокие, средние и низкие – и двумя разновидностями – крупные и мелкие (рис. 55, 6, 7, 8). Для пластин варианта а коэффициент соотношения высоты к длине основания равен 2,2–2,4, для варианта б – 2,6–2,8 и для варианта в – 2,9–3,3. К варианту а относятся пластины из Ольвии и могильников Дюрсо и Шипово (Засецкая 1994. Приложение 3. № 11, 12, 16) (рис. 42, 8); к варианту б – две находки из Дюрсо (Засецкая 1994. Приложение 3. № 13, 14); вариант в представлен пластинами из Дюрсо, Керчи, Крефельд-Геллепа и Равенны (Засецкая 1994. Приложение 3. № 15, 17–19). Пластины варианта а и б происходят из комплексов постгуннской эпохи второй половины V в., а варианта в – конца V – первой половины VI в.

Таким образом, как свидетельствуют даты комплексов, из которых происходят вышеперечисленные типы обкладок ленчиков седла, развитие их шло от треугольных варианта а через подтреугольные к сегментовидным. При этом изменению формы пластин сопутствуют и изменения в орнаменте (рис. 56).

Так, например, накладки первого типа, варианта а и второго типа, как правило, покрыты штампованным или пунсонным орнаментом, состоящим из одного элемента – повторяющейся дугообразной линии. Дуги, расположенные одна над другой, в шахматном порядке, образуют чешуйчатый узор (рис. 56, 1, 2). Исключение представляет пластина из Печюсега (Венгрия), украшенная сетчатым пунсонным орнаментом из пересекающихся косых линий, образующих фигуры ромбов (рис. 56, 7). Пластина третьего типа, кроме чешуйчатого узора, украшена в основании бордюром из орнаментированных треугольников, имитирующих фигуры из зерни (рис. 56, 10).

Сегментовидные пластины также украшены чешуйчатым штампованным или, что чаще встречается, пунсонным орнаментом и дополнительно декорированы по краю разнообразными бордюрами. Наиболее распространенными элементами орнаментальных полос являются Е-образные фигуры и треугольники (рис. 56, 11, 12, 18). Поясок из Е-образных фигур и пунсонный чешуйчатый орнамент украшает также треугольную пластину первого типа варианта б, которая, будучи иной формы, сближается с сегментовидными накладками не только по декору, но и по соотношению высоты и длины основания (рис. 39, 13, 55, 2).

Своеобразны конструкция и декор накладок из Крефельд-Геллепа (Германия), которые состоят из золотой рамки в виде узкой согнутой полоски, образующей сегментовидную фигуру, и украшенной перегородчатой инкрустацией со вставками альмандина (рис. 56, 16). Рамка при помощи золотых штифтов прикреплялась к кожаной основе. Погребение из Крефельд-Геллепа принадлежит франкскому воину и датируется первой половиной VI в. (Pirling 1964. Abb. 2). В нем были обнаружены монеты Анастасия I (491–518) и большое количество изделий полихромного стиля типа находок, обнаруженных

в кладе Апахиды 2, которые датируются третьей четвертью V в. Аналогичные по форме пластины, орнаментированные бордюром из двойного ряда треугольников, происходят из остготского погребения в Равенне (Италия), относящегося к первой половине VI в. (Bierbrauer 1975, 302. Abb. 31) (рис. 56, 17).

Иногда обкладки четвертого типа, вариантов а и б, такие как находки из Шипово и Дюрсо, ошибочно датируются временем от 520–530 до 570–580 гг., якобы на основании подобных пластин, обнаруженных во франкском аристократическом погребении Крефельд-Геллеп (Гавритухин 2004. С. 214). На самом деле погребение 1972 в Крефельд-Геллепе, хотя и принадлежит к фазе меровингских древностей второй трети VI в., все же датируется по аналогии с «княжеским» захоронением мальчика из Кёльна, начальной стадии этой фазы. Дата кёльнского погребения определяется по дендрохронологии 537 г. (с возможным колебанием от 527 до 547 г.), т. е. в пределах 520–550 гг. (Périn 1995. P. 250; Die Franken 1996. Kat. V. 4, 8; Kazanski, Mastukova 1999. P. 530–536). Погребальный инвентарь кёльнского и крефельдского погребений отражает аристократическую материальную культуру конца V – первой половины VI в. Все вышеизложенное подтверждает, что время бытования металлических накладок ленточек указанных типов ограничивается первой половиной V – первой половиной VI в. Наиболее поздними являются крупные сегментовидные пластины удлинённых пропорций (четвёртый тип). При этом шиповские накладки, относясь к варианту а четвертого типа, занимают промежуточное положение между ранними и поздними экземплярами, что позволяет датировать их второй половиной V в.

Следует также отметить, что в отличие от находок из погребений гуннской эпохи, где подтреугольные пластины сочетаются с полудуговидными накладками от лука седла, в более поздних комплексах, в том числе и в конских захоронениях могильника на р. Дюрсо, последние отсутствуют.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МОРСКОГО ЧУЛЕКА

В Морском Чулке, в погребении 2, датируемом второй половиной V в., были найдены золотые ювелирные украшения и два комплекта предметов от ремней конской упряжи. В этой коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже, есть несколько вещей, сделанных с применением особых способов, изобретение которых ознаменовало новый этап в развитии ювелирной техники. Эти способы еще не рассматривались в археологической литературе, поэтому они заслуживают особого внимания.

1. *Два пластинчатых браслета* (кат. 2; табл. I, 7–8) выкроены ножницами из листового золота. Следы края видны на краях пластин. Толщина браслетов равномерная, поверхность гладкая. На золоте нет следов инструментов, с участием которых изготавливался лист. В древних хорошо развитых производствах такое качество изготовления листового металла достигалось путем сложной процедуры проковки листов между кожаными прокладками. На концах браслетов припаяны согнутые из полосок золота прямоугольные гнезда-касты для вставок. Касты обрамлены припаянной узкой полоской-каймой, на верхней стороне которой нанесено поперечное рифление. Пайка осуществлена довольно грубо – плохо растекшийся золотой припой оставлен незачищенным. Верхние кромки гнезд завалены внутрь, на бока несохранившихся вставок. Оба браслета не имеют следов использования. Вероятно, они были изготовлены специально для погребения умершего.

2. *Три золотых кольца* (кат. 4–6; табл. I, 3, 5, 6) с алмандиновыми вставками имеют овальные щитки, припаянные к шинкам. Шинки свернуты из обрезков треугольного в сечении прутка. Щитки сделаны из овальных пластин, на которые припаяны касты, вырезанные из полосок листового золота. Касты обрамлены рифленой каймой. Верхняя кромка аккуратно прижата на бока вставок. На внутренних краях шинок остались незачищенные маленькие заусенцы. На кольцах нет следов использования.

У этих браслетов и колец есть весьма примечательная деталь. Рифленая кайма, обрамляющая касты, сделана необычным для этого времени способом. Она представляет полукруглую в сечении полоску, на внешней поверхности которой с механической ритмичностью нанесены поперечные насечки, имитирующие либо зернь, либо рифленую проволоку. По бокам полоски проходят непрерывные острые швы (облой) (рис. 57, 1).

Полосками с продольным рифлением ювелирные изделия украшались издавна. Еще древнегреческие ювелиры делали из обрезков таких полосок ушки к подвескам, втулки-горлышки для амфоровидных подвесок, элементы декора других предметов (Минасян 1991). Такие детали можно видеть на высокохудожественных изделиях, выполненных в античных мастерских ювелирами, имевшими высокий уровень профессиональной подготовки.

Чтобы сделать полосу с фигурным продольным профилем, нужны специальные инструменты. Они могут быть трех видов. Один из них – фильера для протяжки проволоки, но не с круглыми, какими обычно пользуются, а с фигурными отверстиями. При протяжке полосы сквозь такое отверстие, она получит профиль в продольном направлении, но в данном случае на ее боках не появятся продольные швы.

Если же представить этот инструмент не сплошным, а сделанным из двух жестко скрепленных друг с другом деталей, имеющих общее отверстие, то после протяжки сквозь отверстие полоски на ней тоже сформируется продольный профиль, но тогда на ней с двух сторон появятся продольные швы (облой), образовавшиеся при затеке металла в щели инструмента, сделанного из двух частей. Эта ситуация сходна с литьем в составные формы. На предметах, отлитых в составных формах, на месте стыков частей тоже появляются литейные швы.

Поскольку на профильных полосках греческих изделий как-будто нет облоя, первыми инструментами для изготовления полосок с продольным рифлением, скорее всего, были фильеры с фигурными отверстиями. Мастера, подражавшие античным, но не имевшие фильер, часто имитировали рифление слесарным способом. Такая грубая подделка всегда легко распознается. Впрочем, где, когда и кто изготавливал и применял фильеры с фигурными отверстиями – это вопросы, требующие уточнения.

Когда на полосках с продольным рифлением появился облой, сказать трудно. Сведений об этом в археологической литературе нет и этот вопрос тоже требует исследования. Самые ранние предметы с такими полосками, нам известные, датируются I в. На окраине г. Азова в 1986 г. Е. И. Беспалым был раскопан сарматский курган «Дача», в нем был найден богатый погребальный инвентарь, в том числе украшения конской упряжи с железными удилами и золотыми фаларами. Фалары овальной и круглой формы, украшены эмалью и агатовыми вставками. По краю все предметы обрамлены отрезками одной и той же узкой полоски. С наружной стороны кайма идеально профилирована в продольном направлении, снизу плоская. С обеих сторон каймы (на нижней кромке) тянется непрерывный тонкий острый облой (Беспалый 1992. С. 175–190; *L'Or des Sarmates. Cat.* 98, 102). Работа выполнена в лучших традициях античной техники. Полосками подобной же конфигурации украшены золотые треугольные бляшки из Суук-Су (рис. 57, 2).

Инструмент, которым были сделаны полоски с облоем, обязательно должен был иметь две рабочие части с проходящим сквозь них фигурным отвер-

стием. Это мог быть «органа́риум», описанный в трактате Теофила (Теофил. III. 9). Это могли быть и вальцы. Согласно описанию Теофила, «органа́риум» делался из двух деталей и предназначался для нанесения зерен на толстой проволоке. Такую проволоку делали и античные ювелиры, поэтому «органа́риум», наверняка, им был известен. Приспособить же подобный инструмент и для протяжки полосок с продольным рифлением не представило бы трудности.

Протягивать такие полоски можно также в вальцах. Вальцы – инструмент, предназначенный для прокатки листового или профильного металла. Как известно, до эпохи Возрождения листовая металл не прокатывали. Полоски же научились прокатывать раньше. Рабочую часть вальцев образуют два валка. Для изготовления профильных полосок на валках нарезаются ручейки-канавки с продольным или поперечным рифлением. Полоски, прокатанные в ручейке с продольным рифлением и протянутые сквозь инструмент типа органа́риума, если таковой существовал, по своим параметрам будут схожи. Первые вальцы могли даже иметь всего один верхний валок, а вместо нижнего невращающуюся деталь. Такой инструмент мог бы быть переходным от органа́риума к вальцам с двумя валками. Как бы то ни было, можно безоговорочно утверждать, что убор узды из кургана «Дача» был сделан с участием не фильеры, а органа́риума или вальцев.

Поперечное же рифление на полосках столь высокого качества и с такими параметрами, как на украшениях из Морского Чулека, нельзя нанести ни чеканкой, ни гравировкой (вручную), ни протяжкой сквозь фигурное отверстие фильеры или «органа́риума». Такую операцию возможно осуществить только прокаткой полосы валком вальцев, на котором был ручеек (или ручейки) с поперечной насечкой. На вещах из Морского Чулека имеет место быть первый из известных нам случаев, когда применение вальцев в ювелирном производстве отчетливо фиксируется. Тот, кто имел вальцы, мог уже прокатывать полоски и с продольным, и с поперечным рифлением. С VI в. изделия, украшенные прокатанными в вальцах полосками с поперечным рифлением, встречаются регулярно. Ими декорированы золотые колты из погребения у станицы Верхне-Курмоярская, датируемые концом V – первой половиной VI в. Эти колты спаяны из многих деталей. Две тисненные бляшки в виде лунниц образуют основу, украшенную двумя рядами зерни, разделенных полоской с косым рефлением. Борт колта обрамлен такой полоской. Обе полоски прокатаны в вальцах (рис. 57, 3). С помощью прокатанных в вальцах полосок декорировалось оружие, конская упряжь, украшения пояса и портупей, найденные в Перещепинском кладе, золотые обкладки меча из Глудосского клада и подобные им вещи, найденные в других аварских памятниках (Бобринский 1914; Приходнюк 2001. Рис. 11, 1–4, 42; Съкровище на хан Кубрат 1989; Laszlo 1955. Tab. XXXVII, XXXVIII, XXXIX; Laszlo 1974). Поперечное рифление на полосках этих вещей образует повторяющиеся раппорты, по длине которых можно вычислить не только диаметр валков, но даже степень их изношенности (рис. 57, 4).

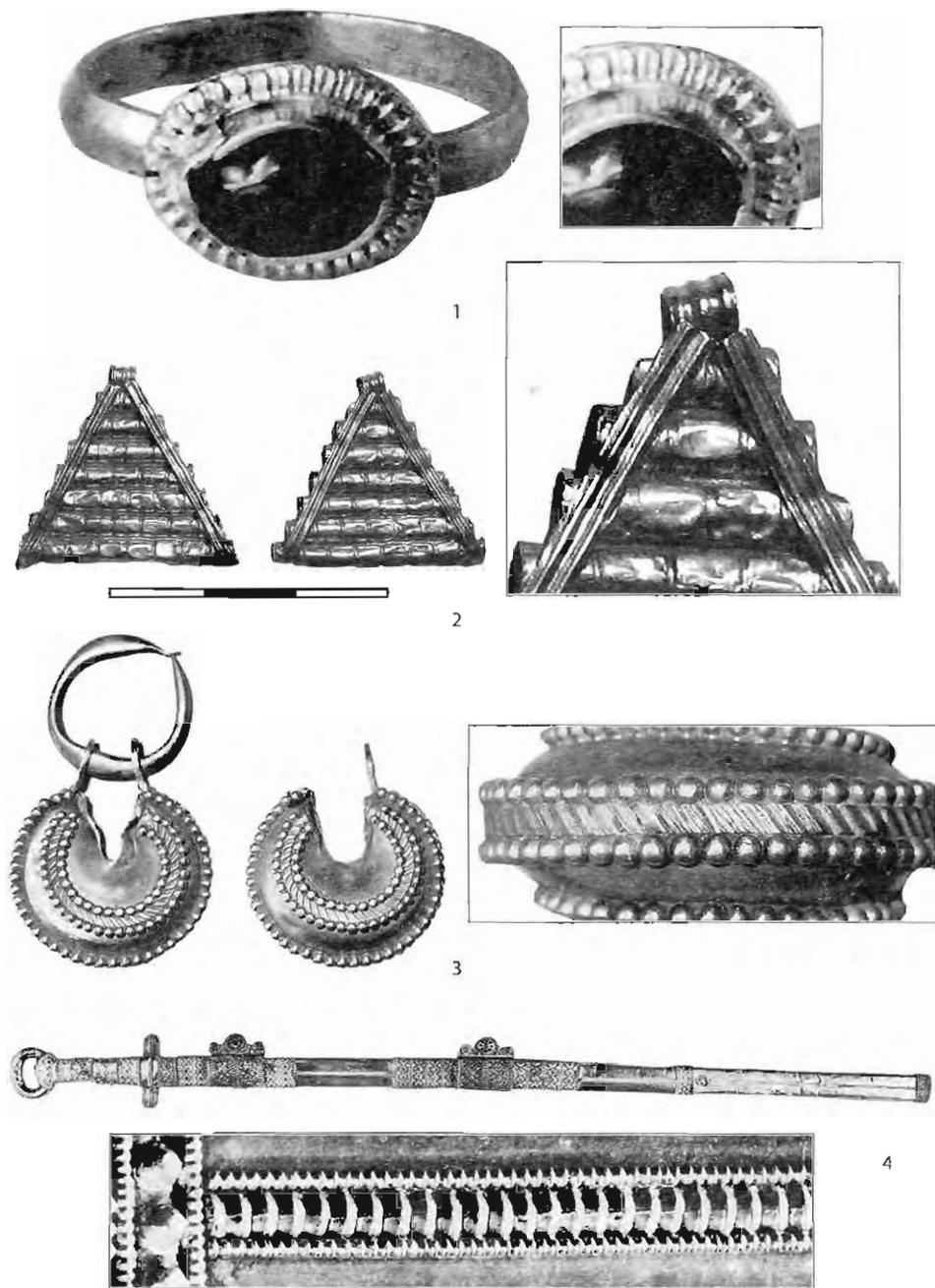

Рис. 57. Вещи с деталями, прокатанными в вальцах

1 – перстень и его фрагмент – рубчатый ободок вокруг каста (Морской Чулек); 2 – бляшки и фрагмент одной из них – рубчатые полосы (Суук-Су, Крым); 3 – пара колтов и фрагмент одного из них – рубчатый ободок, вид сбоку (станция Верхне-Курмоярская, Ростовская область); 4 – меч и фрагмент обкладки ножен – рубчатая полоска (с. Малое Чершепино, Полтавская область)

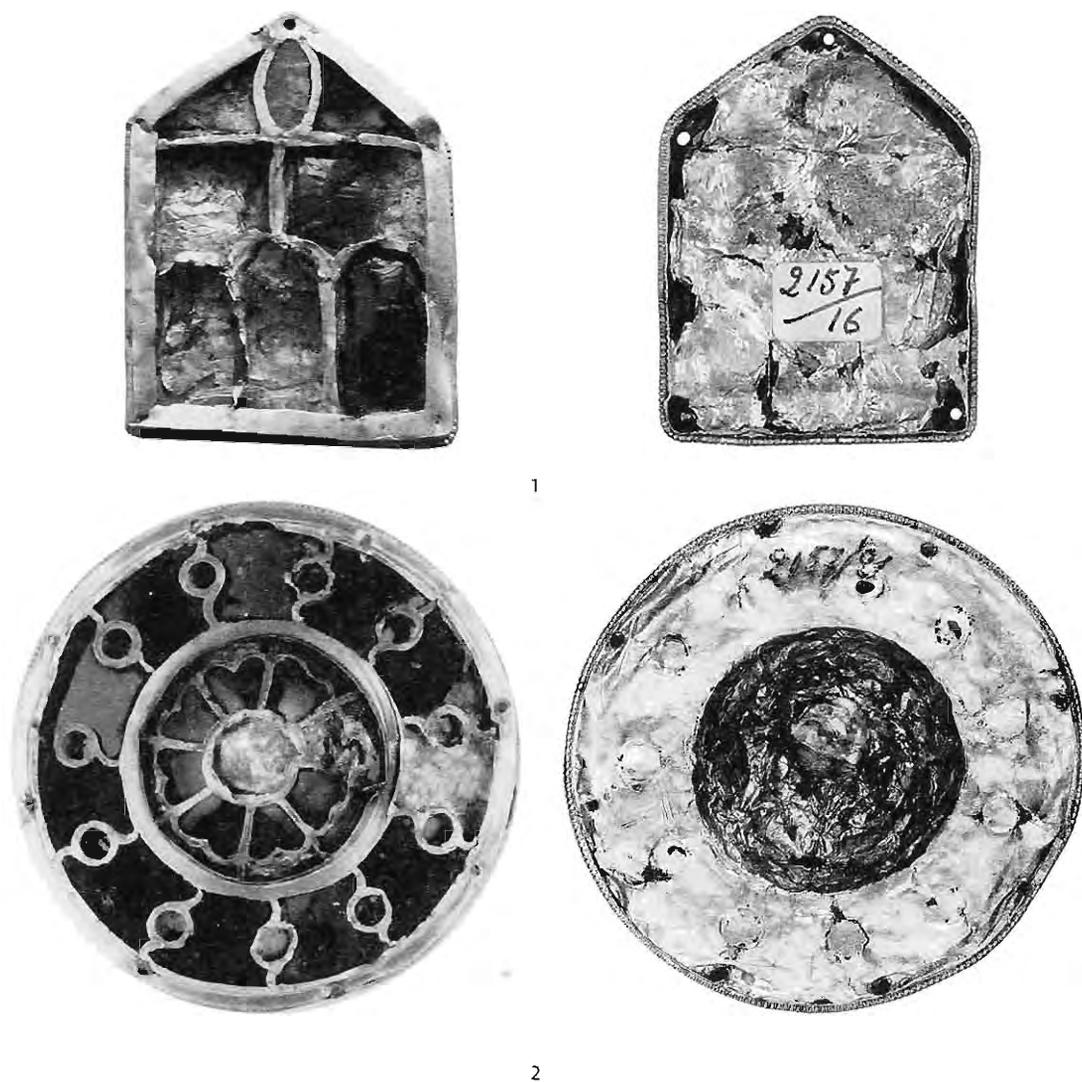

Рис. 58. Техника перегородчатой инкрустации на предметах конской узда, Морской Чулек
1 – пятиугольная бляха – лицевая сторона и оборотная сторона с рифленой проволокой по периметру основания, 2 – круглый фалар – лицевая сторона и оборотная сторона с рифленой проволокой по краю диска

Валки вальцев и ручейки на них – инструменты ручного изготовления. Оттиск, нанесенный ручейком, абсолютно индивидуален. Поэтому было бы желательно произвести полный учет археологических предметов и всех прокатанных полосок на них с указанием их точных параметров. Составленный по этим данным кадастр изделий с прокатанными деталями позволит выявлять вещи, изготовленные в одних мастерских.

Необходимо также продолжить поиск самых ранних вещей, сделанных с помощью вальцев. Судя по всему, поиск должен привести в Византию, ибо все известные нам вещи, сделанные с участием вальцев, представляют именно византийское производство. Вальцы, скорее всего, были изобретены византийскими мастерами, но не исключено, что этот инструмент был известен и в Риме. Другие средневековые мастера, помимо византийских, вальцев не имели. Эта проблема прежде не рассматривалась, поэтому для получения точных сведений о вальцах нужна изыскательская работа. Здесь следует обратить внимание на вещи позднего римского времени, отлитые в разъемных формах или тисненные, позолоченные или плакированные листовым золотом. Глиняные двухстворчатые литейные формы для отливки и инструменты для тиснения этих предметов делались путем печати. Эти инструменты орнаментировались рамками из обрезков полосок с поперечным рифлением. Примером таких изделий являются гарнитуры украшений конской упряжи из погребения Рискупорида III, датируемого III в. (ДБК 1854. Таб. XXXIX, 6), поясные бляхи из клада VI в., найденного в Мерсине (Bank 1985. Taf. 105, 9), другие вещи позднего римского времени и раннего средневековья.

Предметы для конской сбруи из Морского Чулука являются украшениями от двух гарнитуров. Комплект № 1 состоит из пяти пятиугольных, семи круглых блях и двух ворворок, украшенных каменными вставками. Все предметы (речь идет о золоте) сделаны из многих деталей, единообразно смонтированных и спаянных одним мастером. От набора № 2 сохранились только две бляшки и декоративные гвоздики.

3. *Пятиугольные фалары* (кат. 17; табл. VII, 1–5) представляют собой футляр с перегородками. Внешняя оболочка имеет основу, вырезанную из золотой фольги, к которой припаяна тисненная бляшка с двумя секторами, отделенными друг от друга вертикальной перемычкой. На лицевой стороне бляшки ножом вырезаны гнезда для вставок. Перегородки гнезд сделаны из тонких полосок золота, небрежно припаянных между основой и верхней бляшкой (рис. 58, 1). Припой (фуга), которым паялись перегородки, растекся неравномерно – остались участки, не охваченные пайкой. Периметр основания обрамлен тонкой рифленой проволокой прекрасного качества. В бляшках просверлены сквозные отверстия диаметром до 1 мм. Закрепка камней осуществлена так же, как на круглых фаларах (см. ниже).

4. *Ворворки* (кат. 18; табл. VII, 6–7) по форме представляют маленькие цилиндры с двойными стенками, спаянные из трех деталей, вырезанных из золотой фольги. Корпус образован двумя втулками, вставленными одна в дру-

гую. С одного торца втулки соединяются колечком, с другого торца колечко образовано отогнутым краем внешней втулки. На внешней втулке вырезаны гнезда для вставок. Пространство между втулками перегорожено припаянными пластинками, образующими стенки гнезд. Внутренние втулки имеют по два отверстия с заусенцами внутрь, которые были пробиты перед закрепкой вставок в своих гнездах. Ниже просверлено три маленьких отверстия. Закрепка камней осуществлена так же, как на круглых фаларах.

5. *Круглые фалары* (кат. 15–16, Табл. IV, 1–3; V, 1–2; VI, 1–2) представляют собой сложной конструкции тонкий диск, спаянный из большого количества деталей, вырезанных из золотой фольги. Внешняя оболочка конструкции состоит из широкого кольца с выпуклой розеткой в центре и узкого борта, припаянного на основание, вырезанное из фольги. Основание диска обрамлено тонкой рифленой проволокой (рис. 58, 2). На лицевой стороне (на кольце и розетке) в геометрическом порядке вырезаны ножом различной формы окна для гнезд, отделенные друг от друга узкими перемычками. Внутреннее пространство диска разделено вертикально поставленными перегородками, вырезанными из фольги, образующими стенки гнезд для вставок. Перегородки снизу припаяны на основание, сверху – к нижней стороне узких перемычек между ажурными окнами. Таким образом, соединение перегородок с перемычками образует Т-образную конструкцию. Это самая примечательная особенность данного гарнитура. Перегородки для круглых лазуритовых вставок, заключенных между фигурными алмандиновыми, представляют собой втулку с отходящими от нее изогнутыми лучами. Перегородки для алмандиновых вставок под выпуклой бляшкой сделаны из отрезков пластин: в центре цилиндр с отходящими от него лучами, делящими круг на 8 секторов, каждый из которых перегорожен волнообразной перегородкой. (рис. 58, 2).

Все перегородки припаяны плохо – швы залиты не полностью. Плохое качество пайки внутренних деталей, больше похоже на слабое прихватывание их для установки в нужной позиции, вряд ли было случайным. Мастер, сделавший гарнитур, был прекрасным ювелиром. Все швы на наружной стороне исключительно чисто и тонко залиты припоем. Видимо, в тщательной пайке внутренних деталей не было необходимости. С одной стороны, паять крупную вещь сложной конструкции, сделанную из многих тонких деталей, чрезвычайно трудно и опасно. С другой стороны, прочность данной конструкции обеспечивалась подогнанными друг к другу вставками и подложенным под них заполнением, местами сохранившимся, представляющим собой какое-то затвердевшее вещество белого цвета (гипс?).

Каменные вставки удерживаются в своих ячейках краями ажурных перемычек между окнами, перекрывающими вертикально поставленные перегородки (Т-образная конструкция). Верхние же детали (розетка и кольцо), под которыми находятся вставки, жестко спаяны с Г-образным бортом, рифленой проволокой и основанием. Здесь был применен какой-то сложный прием закрепки вставок. Припаивать верхние детали к основанию с уже

вставленными снизу в свои гнезда камнями было бы невозможно – алмадины и лазурит разрушатся. Следовательно, камни укладывались в свои гнезда сверху уже после пайки всех деталей фаларов. Но в таком случае непонятно, каким образом уложили камни в глухие снизу гнезда, сверху имеющие более узкие – из-за нависающих над перегородками перемычек кольца и розетки, входные окна.

Можно предположить, что после завершения сборки и пайки всей металлической конструкции, осторожно отогнули вертикально края ажурных перемычек. Высокопробное мягкое золото, вероятно, позволило бы совершить такую операцию. После этого вставили в гнезда камни и вновь расправили перемычки. Таким образом, камни могли бы попасть в свои гнезда, но чтобы окончательно решить данную техническую задачу, следует все же по этому поводу провести специальное исследование, подтвердив полученное решение экспериментальными действиями.

Сквозь верхнее поле Г-образного борта аккуратно просверлено восемь маленьких отверстий. В основании напротив этих отверстий тоже есть восемь отверстий большего диаметра, но уже не просверленных, а как бы развороченных. Сквозь отверстия проходят медные (или из медного сплава) гвоздики с маленькими грибовидными шляпками толщиной несколько более одного миллиметра, которыми бляхи к чему-то крепились. Нижние концы гвоздиков не сохранились, поэтому нельзя сказать, были ли они загнутыми или расклепанными. Создается впечатление, что бляхи были сорваны с мест своего первоначального крепления. При этом их слегка раскачивали, из-за чего нижние отверстия приобрели больший диаметр и аморфную форму. В противном случае было бы невозможно объяснить появление грубых отверстий на изящных ювелирных изделиях, сделанных так точно и весьма искусно.

Предмет, к которому могли быть прикреплены бляхи, вряд ли был кожаным. Чрезвычайно деликатная конструкция блях (имеется в виду их первоначальное состояние) не способна выдержать даже малейшую деформацию на изгиб. Такое действие непременно привело бы к разрыву фольги, разрушению перегородок и поломке тонких гвоздей. Будучи прикрепленными на гибкую кожу, они не смогли бы служить по назначению в качестве украшений конской упряжи. Возможно, бляхи имели еще какую-то несохранившуюся жесткую основу, усиливавшую конструкцию, с которой они были сорваны. В могилу же положили поврежденные украшения, которые из-за развороченных отверстий на основании вовсе нельзя было вновь прочно прикрепить к кожаным ремням упряжи. Может быть для погребальной церемонии и сделали новую упряжь, но снарядили ее уже поломанными украшениями с утратами части камней и фрагментов от оправы. Такая упряжь представляла еще дорогую (из-за золота), но бесполезную вещь.

Первоначальное качество изготовления гарнитура было безукоризненным. Рифление на тонкой проволоке, идеально залитые припоем наружные швы, точность подгонки фигурно обточенных камней, гипсовая подложка,

характерная для античной техники, – все говорит о высоком профессионализме ювелира, сделавшего эту работу. По всем показателям этот уздечный гарнитур был сделан византийским мастером.

6. *Овальная бляшка с сердоликовой вставкой* (кат. 20; табл. VIII, 2) имеет серебряную основу, на которую припаян золотой каст из тонкой золотой полоски (овал с выступом), обрамленный рядом крупных золотых шариков. В центре основы пробито отверстие, сквозь которое бляшка прибивалась к какому-то предмету, после чего в гнездо помещали вставку со скошенным боковым краем, на него завалили верхнюю кромку каста. Сквозь полупрозрачный камень не просматриваются шляпки гвоздей – очевидно, под вставки подложена золотая фольга.

7. *Крупная овальная бляха* (кат. 19; табл. VIII, 1) с выпавшим из гнезда камнем сделана таким же образом. Здесь каст с заваленной внутрь кромкой обрамлен двумя поясками из крупной зерни и овальным плоским колечком, уложенным между ними. Центральная часть основы (внутри гнезда) выломана. На краю излома сохранилось маленькое просверленное отверстие. Очевидно крепление бляхи осуществлялось так же, как на вышерассмотренной бляшке.

8. *Золотая цепочка* (кат. 7; табл. II, 3) *квадратного сечения* собрана из вдвое сложенных проволочных колец со спаянными концами, продетыми одно в другое. На концах цепочки надеты замки в виде прямоугольных призм, скрепленные штифтами со звеньями. На боковых гранях замков припаяны прямоугольные касты для вставок, сделанные из полосок золота и обрамленные зернью. К внешнему торцу одного из замков припаяна рифленая втулка, в которую вставлен аморфной формы обломок стержня. В изломе стержня просматриваются концы трех проволок (?). На цепочке подвешен медальон с гранатовой вставкой, сделанный из овальной пластины с припаянным на нее кастом, вырезанным из полоски золота, обрамленным двумя рядами крупной зерни и узким колечком, уложенным между ними. К вершине медальона припаяно два ушка из обрезков односторонне рифленой полоски, вероятно, прокатанной в вальцах. В ушки продет штифт с расклепанными концами.

9. *Браслеты* (кат. 9, 10; табл. III, 5–6), откованные из литого дрота, имеют аморфные, незачищенные послековки концы. Поверхность орнаментирована чеканным узором. Чекан имел конический боек со слегка уплощенным кончиком, который при нанесении по нему легких ударов держали не всегда перпендикулярно к поверхности, поэтому отпечатки в виде ямок получились разной глубины и не всегда круглыми. Состояние поверхности не позволяет с уверенностью определить, носились ли эти браслеты или нет.

10. *Перстень* (кат. 12; табл. II, 5) с фигурным щитком и тремя кастами для вставок, спаян из нескольких деталей. Шинка откована. Наружная сторона шинки по краю украшена парой косичек, скрученных из двух проволочек. Между косичками уложена проволочка. На раскованные концы шинки сверху припаян щиток, основа которого выкроена из пластины. На основу в центре

и по бокам припаяны три круглых каста, сделанных из тонких полосок. Центральный каст обрамлен парой косичек, скрученных из двух проволок, в окружении поставленных друг на друга шариков зерни. Маленькие касты обрамлены одинарными шариками. Кромка кастов закатана на камни.

11. *Серьги-подвески* (кат. 8; табл. II, 1–2) спаяны из деталей, вырезанных из тонкого листового золота и уложенных в виде перегородок на основу. Они украшены зернью и алмандиновыми вставками, точно подогнанными под размеры гнезд и закрепленными в них заваленными кромками перегородок. Основа представляет футляр, собранный из трех деталей: верхней и задней пластин, вырезанных в форме сердца, и боковой узкой полоски, также свернутой в виде сердца, но меньшего размера, сформировавшей боковую стенку футляра. С двух сторон к основе припаяны рамки, размерами и конфигурацией повторяющие боковую стенку, перегороденные двумя согнутыми пластинками, образующими три фигурных гнезда для вставок. Гнезда для прямоугольных вставок на боковой грани отделены перегородками, припаянными к основе футляра. Лицевая рамка для вставок обрамлена цепочкой зерни. Внизу припаяны четыре крупных шарика, уложенных пирамидкой. Наверху – два пластинчатых ушка с просверленными отверстиями. Камни уложены в гнезда непосредственно на основу. Наружные кромки деталей основы и ушек без каких-либо повреждений идеально сохранили следы края ножницами. Это свидетельствует о том, что эти вещи не использовались после того, как были сделаны. Работа характеризуется исключительной чистотой пайки, точностью подгонки деталей и вставок, что говорит о высоком профессионализме ремесленника, сделавшего эти серьги.

12. *Золотые колты* (кат. I; табл. I, 1–2) сделаны из двух тисненых лунообразных бляшек, украшенных пятью узкими полосками, обрамленными рядами крупной зерни. Концы центральной полоски, уложенной по линии шва, соединяющей бляшки, свернуты и образуют спаянные петли. Размеры зерни равномерно увеличиваются от концов рядов к центру. Золото отшлифовано (или изношено) только на вершинах шариков, из-за чего некоторые из них потеряли округлость и стали слегка уплощенными.

13. *Золотая цепочка* (кат. 3; табл. I, 4), *квадратная в сечении*, собрана из сложенных вдвое проволочных колец со спаянными концами, продетыми одно в другое. Конечные звенья цепочки вставлены внутрь полых наконечников, спаянных из двух кусков тонкого листового золота (припой визуально прослеживается), и прикреплены к ним золотыми штифтами с расклепанными концами. На тыльных заглушках наконечников припаяны кольца, согнутые из толстой проволоки. Цепочка в первоначальном состоянии представляла вполне качественную ремесленную работу. В дальнейшем ее, вероятно, разрубили и изъяли кусок из средней части. На последнем звене одного из сохранившихся концов есть зарубка. Потом цепь ремонтировали. К короткому концу добавили новые звенья из колец меньшего диаметра и иначе согнутых, сделанных из более тонкой проволоки. Последнее звено новой вставки

мастер, чинивший цепь, не стал спаивать и соединил с оригинальной частью механически. Совсем не сложный, этот ремонт был произведен крайне небрежно. Очевидно, его сделали по случаю комплектования погребального инвентаря, поэтому не было необходимости в качественной работе. В документах поступления вещей в музей значатся не одна, а две цепочки. Вероятно, из-за неспяянного звена части цепи разъединились и были вновь соединены вместе уже в музее.

Большинство золотых украшений из Морского Чулека представляют добротную работу античных мастеров. В первую очередь это касается тех вещей, которые имеют рифленые детали, зернь, каменные вставки, уложенные между перегородками. Вопрос о месте производства ювелирных изделий, найденных на территории Восточной Европы, датируемых второй половиной I тысячелетия, достаточно сложный и ответить на него можно по-разному. Часть изделий, конечно, изготавливалась проживавшим здесь населением: племенами готов, кочевников южнорусских степей, славян, летто-литовцев, восточных финнов. Неоднократно предпринимались и предпринимаются до сих пор попытки отнести найденные в Восточной Европе престижные золотые и серебряные вещи, сделанные с помощью сложных технических приемов, славянам, болгарам, аварам. Для этого нет оснований.

В Европе картина развития металлообработки в эпоху средневековья выглядела следующим образом. Как известно, после падения Рима центрами высокого производства стали Германия и Византия. В Германии, в свое время завоеванной римлянами, прогресс осуществлялся за счет импульса, полученного от античных технологий. В Византии же античная техника, впитавшая элементы восточной, продолжала развиваться и достигла высочайшего уровня.

В раннем средневековье варвары не делали работу такого уровня и качества, как византийские мастера. Они не владели навыками античного ремесла, не умели делать точные специализированные инструменты, не умели паять, чеканить металлическую посуду, украшать изделия позолотой, чернью, эмалью, инкрустировать их, делать многое из того, что производилось в античных и восточных мастерских.

Представляется, что техника инкрустации ювелирных изделий камнями фигурных очертаний, уложенными в напаянные гнезда с тонкими стенками, какую представляют изделия из Морского Чулека, именно в Византии получила дальнейшее развитие. В императорских византийских мастерских в VIII–IX вв. стали делать сложные золотые украшения с перегородчатой эмалью. С этого времени литургические предметы, церковную утварь и атрибуты верховной власти стали украшать медальонами-клеймами с изображением религиозных сюжетов и греческими чеканными надписями. Перегородчатую эмаль, к тому же самой богатой цветовой гаммы, делали только в Византии. Именно отсюда изумительной красоты вещи поступали в христианские страны. Византийские эмали есть на коронах Отона Великого, венгерского

короля Св. Стефана. Величественный иконостас собора Св. Марка в Венеции украшен перегородчатыми эмалями, вывезенными крестоносцами из Византии. Византийские вещи с перегородчатыми эмалями появились в Болгарии, Грузии, на Руси в связи с распространением православия. Интересно заметить, что в странах, где распространялся католицизм, получила развитие не перегородчатая, а выемчатая эмаль, так называемая лиможская, производная от римской техники эмалирования. После падения Византии искусство перегородчатой эмали исчезло и больше нигде не возрождалось. Напоминанием о былом существовании этой прекрасной техники служит православная иконопись, основанная на византийских традициях, с ее выразительным линейным рисунком золотом, имитирующим золотые перегородки.

КАТАЛОГ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОРСКОГО ЧУЛЕКА

ПОГРЕБЕНИЕ 1

1. Колты. Табл. I, 1-2

Золото

Размеры: 2,5 x 2,1 x 2,0 (толщина)*

Инв. № ГЭ 2157 – 1 (а), 2 (б)

Колты – височные подвески в виде калачика – состоят из двух спаянных половин, полых внутри. Шов закрыт узкой напаянной пластинкой, заканчивающейся двумя петельками, которые соединились с проволоочной дужкой. Поверхность колтов с лицевой и оборотной сторон украшена рядами крупной зерни, между которыми напаяны узкие гладкие пластинки.

Техника изготовления: тиснение, пайка

Сохранность: а – сломана петелька и утрачено несколько зернинок около сломанной петли. У обоих колтов утрачены дужки.

2. Браслеты. Табл. I, 7-8

Золото

Длина обруча: а – 17,2, б – 17,0, ширина: а – 1,4, б – 1,0

Инв. № ГЭ 2157 – 4 (а), 5 (б)

Пара браслетов из гладкой пластины со слегка расширяющимися несомкнутыми концами. На концах по квадратному гнезду из напаянной ребром узкой полоски. Вокруг гнезд ободки из напаянной рубчатой проволоки, имитирующей зернь.

Техника изготовления: ковка, пайка

Сохранность: слегка погнуты, у обоих браслетов утрачены вставки. В гнезде одного из них сохранились следы мастики.

3. Цепь. Табл. I, 4

Золото

Длина 38,5

Инв. № ГЭ 2157-3

* Все размеры даны в сантиметрах.

Шейное украшение, составленное из трех кусков: два от одной цепи и один от цепи другого вида. На концах прямоугольные наконечники из согнутой пластины. Верхнее отверстие закрыто напаянной пластинкой, к которой припаяна проволочная петелька. Наконечники соединены с цепью при помощи золотых заклепок.

Техника изготовления: куски цепи соединены в древности. Основная часть цепи (два фрагмента) изготовлена в технике double loop-in-loop, т. е. каждое звено состоит из двух колец, образующих путем сжатия с боков эллипсовидные фигуры, согнутые так, что округлые концы оказываются расположенными параллельно друг другу. Затем следующее звено, изготовленное таким же образом, пропускается через концы предыдущего звена и т. д. Цепи такого «плетения» в разрезе имеют прямоугольное сечение. Третий фрагмент от цепи, изготовленной в технике single loop-in-loop, т. е. каждое звено состоит из одного согнутого кольца.

Сохранность: В целом – хорошая. Три куса от цепей были соединены в древности. Утрачена основная часть застежки.

4. Кольцо-перстень. Табл. I, 3, 3 а

Золото, гранат

Диаметр щитка 2,1

Инв. № ГЭ 2157 – 8

Перстень состоит из пластинчатой шинки с овальным щитком. Щиток украшен вставкой граната – кабошоном в овальном гнезде из напаянной на ребро узкой ленточки. Вокруг гнезда ободок из напаянной катушечной проволоки, имитирующей зернь. На вставке вырезано изображение дельфина.

Техника изготовления: ковка, пайка, гравировка

Сохранность: повреждений нет

5. Кольцо-перстень. Табл. I, 5

Золото, гранат

Диаметр щитка 2,1

Инв. № ГЭ 2157 – 7

Перстень, аналогичный предыдущему с выпуклой гладкой вставкой (кат. 4).

6. Кольцо-перстень. Табл. I, 6

Золото, гранат

Диаметр щитка 2,1

Инв. № ГЭ 2157 – 6

Перстень, подобный предыдущим (кат. 4, 5)

ПОГРЕБЕНИЕ 2

7. Цепь с медальоном. Табл. II, 3; III, 4

Золото, гранат, свинец

Длина 47,8, размеры медальона: 3,2 x 2,3

Инв. № ГЭ 2157 – 9

Цепь массивная, с декоративной подвеской. На одном конце сохранился четырехгранный золотой наконечник, прямоугольные стороны которого украшены плоскими вставками граната в гнездах из напаянной на ребро узкой полоски. Вокруг гнезд – ободки из зерни. Сверху отверстие наконечника закрыто напаянной квадратной втулкой, свернутой из желобчатой золотой пластинки и заполненной свинцом. Подвеска-медальон состоит из золотой овальной пластины, на которую напаяно овальное гнездо из узкой ленточки с гранатовой вставкой крупного кабошона. Вокруг гнезда и по краю – ободки из зерни, между ними напаяна узкая гладкая полоска. К верхнему краю медальона припаяны пластинчатые петли, сквозь которые продет согнутый из проволоки стержень с загнутыми концами. Он соединен с петелькой, припаянной к пластинчатой с желобчатой поверхностью обойме, надетой на цепь (табл. III, 4).

Техника изготовления: ковка, пайка. Цепь сделана в технике double loop-in-loop.

Сохранность: Один конец цепи оборван и утрачен, другой с наконечником заканчивается оплавленным свинцом.

8. Серьги-подвески. Табл. II, 1–2

Золото, гранат

Размеры: 3,4 x 2,0

Инв. № ГЭ 2157 – 39, 40

Пара подвесок (а, б) в виде коробочки миндалевидной формы. Каждая подвеска состоит из двух пластин с овальной прорезью в верхней, широкой части. Пластины соединены при помощи узкой напаянной к краям полоски, которые образуют боковые стенки коробочки и одновременно внешние стенки гнезд. Внутри гнезда, с лицевой и оборотной стороны, разделены напаянными перегородками на три фигурные ячейки с плоскими вставками граната. Боковые стороны подвесок также украшены вставками плоского граната в десяти прямоугольных ячейках, образованных напаянными перегородками. По краям подвесок – с двух сторон – ободки из зерни. На конце каждой подвески припаяна пирамидка из четырех крупных зернинок. В верхней части расположены напаянные проволочные петли, для соединения с дужкой. Техника изготовления: ковка, пайка, вставки крепились на «мастику». Сохранность: а – сохранилась одна вставка на одной из сторон и четыре на боковых сторонах; б – сохранилась одна вставка на одной из сторон и одна на боковых сторонах. В некоторых гнездах сохранились следы мастики.

9. Браслет. Табл. III, 5

Золото

Диаметр 7,3; сечение на концах 1,2; сечение проволоки в середине 0,5

Инв. № ГЭ 2157 – 10

Браслет из массивного золотого дрота с раструбообразным расширением на концах. Концы не сомкнуты.

Техника изготовления: ковка

Сохранность: погнут

10. Браслет. Табл. III, 6, 6 а, б

Золото

Диаметр 7,45; сечение на концах 0, 8; сечение проволоки в середине 0,4

Инв. № ГЭ 2157 – 11

Браслет из массивного золотого дрота со слегка расширенными несомкнутыми концами. С внутренней стороны имеется латинская надпись, нанесенная наколотыми точками. Надпись содержит весовые данные.

Техника изготовления: ковка

Сохранность: слегка погнут, на поверхности мелкие царапины

11. Перстень. Табл. III, 3

Золото, сердолик, гранат

Длина 4,4; ширина 2,2

Инв. № ГЭ 2157 – 12

Перстень с фигурным пластинчатым щитком в виде овала с двумя боковыми выступами округлой формы. В центре щитка овальное гнездо из напаянной на ребро узкой ленточки со вставкой плоского сердолика. Такие же гнезда, но круглой формы, со вставками выпуклого граната расположены на боковых выступах. Вокруг центрального гнезда ободок в виде «плетенки», образованный двумя витыми проволочками, напаянными параллельно, и три ободка из крупной зерни. Боковые гнезда окаймляют ободки из рубчатой проволоки и зерни. На оборотной стороне перстня имеется петлеобразное пластинчатое кольцо-шинка, украшенное орнаментом «косичкой», образованной тремя параллельно напаянными проволочками – двумя витыми и расположенной между ними гладкой. Концы шинки расплющены и припаяны к щитку перстня.

Техника изготовления: ковка, пайка

Сохранность: повреждений нет

12. Перстень. Табл. II, 5

Золото, сердолик, гранат

Длина 4,3; ширина 2,2

Инв. № ГЭ 2157 – 13.

Перстень, подобный предыдущему (кат. 11)

13. Перстень. Табл. III, 1

Золото, сердолик, гранат

Длина 4,7; ширина 2,5

Инв. № 1257 – 14

Перстень, подобный предыдущим (кат. 11, 12)

Сохранность: выпали две зернинки, на вставке сердолика и на одном гранате выбоины.

14. Перстень. Табл. II, 4

Золото, сердолик, гранат

Длина 4,0; ширина 2,6

Инв. № 2157 – 15.

Перстень неполный, подобный предыдущим (см. кат. 11–13)

Сохранность: утрачены один боковой выступ и большая часть шинки.

15. Фалары от набора № 1 конской упряжи (3 экз. – а, б, в). Табл. IV, 1–3

а) золото, альмандин, лазурит, мастика

Диаметр 6,8

Инв. № ГЭ 2157 – 21

б) золото, альмандин, мастика

Диаметр 6,9

Инв. № ГЭ 2157 – 22

в) золото, альмандин, лазурит, мастика

Диаметр 6,9

Инв. № ГЭ 2157 – 23

Фалары круглой формы сумбоновидным выступом в центре, украшенные с лицевой стороны инкрустацией из фигурных пиленых пластинок альмандина и круглых вставок из лазурита в 39 гнездах. Расположение и форма 17 вставок на выпуклой части фаларов создают узор восьмилепестковой розетки: в центре помещена вставка в виде усеченного конуса из альмандина, диаметром 1 см, окруженная восьмью трапециевидными фигурами. Каждая фигура состоит из двух видов вставок – верхних – сердцевидных с вогнутой нижней стороной – и нижних – трапециевидной формы, верхняя сторона которых повторяет очертания нижнего края верхних вставок. Плоская часть фаларов украшена 22 чередующимися вставками: 11 фигурными из пластинок альмандина и 11 мелкими круглыми, диаметром около 0,5 см, из лазурита. Край бляхи окаймляет ободок из рубчатой проволоки. Кроме того, по краю расположены на одинаковом расстоянии друг от друга восемь отверстий, служившие для прикрепления фаларов к ремням конской упряжи. В некоторых из них сохранились окислы, вероятно, следы от бронзовых штифтов.

Техника изготовления: ковка, пайка, фальцовка.

Фалары отличаются сравнительно сложной конструкцией, основу которой составляет объемный каркас из спаянных между собой узких

золотых пластинок разной величины и конфигурации, заполненный специальной массой – «цементом», на который крепились вставки. Снизу конструкция имеет подкладку из тонкого золотого листка – фольги.

Каждый фалар состоит из двух частей: широкого плоского кольца и вставленной в него полусферической формы бляхи. Кольцо образовано двумя пластинчатыми ободками – внешним и внутренним, к стенкам которых припаян ажурный каркас. Сверху и снизу к ободкам напаяны горизонтально расположенные узкие пластинки. Центральная умбонovidная часть фаларов также имеет пластинчатый ободок и припаянный к нему ажурный каркас. Фигурные отверстия каркаса образуют гнезда – ячейки разнообразных очертаний. Гнезда же для мелких круглых вставок имеют цилиндрическую форму, спаяны из двух половин и припаяны к каркасу. До размещения вставок гнезда заполнялись особой цементаобразной массой серого цвета, которая служила средством для закрепления вставок в гнезде. Кроме того, чтобы уберечь вставки от выпадения верхний край перегородок каркаса фальцевали. По краю фаларов расположены маленькие проколотые отверстия, которые проходят насквозь через горизонтальные полосы верхнего и нижнего ободков и нижней подкладки из золотой фольги.

Сохранность: нижняя подкладка из золотой фольги помята и по всей поверхности ее фиксируются мелкие утраты металла, выбоины и трещины.

а – внешний ободок кольца погнут, по краю трещины, одна перегородка на выступе сломана, утрачено 19 вставок, одна неполная. В четырех отверстиях сохранились следы окиси меди от штифтов.

б – утраты металла, края порваны, в отверстиях окислы, сохранилось только 12 вставок.

в – утраты металла, 25 пустых гнезд, на поверхности окислы, вставки подвижны, на одной трещина.

16. Фалары от набора № 1 конской упряжи (4 экз.). Табл. V, 1–2 (а, в) – VI, 1–2 (б, г)

а – золото, альмандин, лазурит, мастика

Диаметр 7,9

Инв. № ГЭ 2157 – 24

б – золото, альмандин, лазурит, мастика

Диаметр 7,8

Инв. № ГЭ 2157 – 25

в – золото, альмандин, мастика

Диаметр 7,9

Инв. № ГЭ 2157 – 26

г – золото, альмандин, лазурит, мастика

Диаметр 8,0

Инв. № ГЭ 2157 – 27

Фалары, подобные по форме, конструкции и технике изготовления предыдущим (см. кат. 15), но отличаются сохранностью и несколько большим диаметром.

Сохранность: нижняя подкладка из фольги помята и по всей поверхности фиксируются утраты металла, выбоины и трещины.

а – перегородки центральной части смяты и сохранились не полностью, утрачены вставки в десяти гнездах, на сохранившихся вставках фиксируются трещины, сколы и утраты.

б – центральная часть отсутствует, в 14 гнездах утрачены вставки.

в – центральная часть отсутствует, 4 вставки разбиты, вставки выпадают и крошатся.

г – центральная часть утрачена, одно гнездо отдельно, утрачены части ободка, перегородок и почти все вставки. Две сохранившиеся вставки альмандина имеют утраты

17. Фалары от набора № 1 конской упряжи (5 экз.). Табл. VII, 1-5

а – золото, альмандин, мастика, клей

Высота 4,9, ширина 3,8

Инв. № ГЭ 2157 – 16

б – золото, альмандин, лазурит, мастика, клей

Высота 4,9, ширина 3,8

Инв. № ГЭ 2157 – 17

в – золото, альмандин, лазурит

Высота 5,0, ширина 3,8

Инв. № ГЭ 2157 – 18

г – золото

Высота 5,1, ширина 3,7

Инв. № ГЭ 2157 – 19

д – золото

Высота 4,8, ширина 3,8

Инв. № ГЭ 2157 – 20

Фалары пятиугольные, прямоугольные в основе с треугольным верхом, напоминающие по форме модели трехнефного храма. С лицевой стороны украшены инкрустацией из фигурных пластин альмандина и лазурита в восьми гнездах. Прямоугольная часть фаларов украшена пятью вставками из пластинок альмандина: тремя аркообразными и расположенными над ними двумя неправильной формы, нижний фигурный край которых вписывается в верхний волнообразный край арочных вставок. Треугольная часть фаларов инкрустирована тремя вставками: одной овальной из лазурита – в центре, и двумя из пластинок альмандина подтреугольной формы, расположенными по сторонам. По краю фалары украшены ободком из напаянной рубчатой проволоки. По углам бляхи расположены пять отверстий от бронзовых штифтов. Техника изготовления: конструкция и техника изготовления те же, что и у круглых фаларов (кат. 15).

Сохранность: погнуты, нижняя подкладка из фольги помята с мелкими утратами металла по всей поверхности.

а – сохранились четыре вставки, две расколоты, штифты утрачены. По краям внешнего ободка разрывы.

б – на внешнем ободке с одной стороны два разрыва. Сохранились четыре вставки, от одной сохранилась половина, перегородки гнезд поломаны и частично утрачены.

в – сохранились три вставки, одна в обломках.

г – вставки не сохранились, перегородки разорваны, крупные утраты металла.

д – сильно помята, большие утраты металла, один фрагмент отдельно.

18. Ворворки от конской упряжи (2 экз.). Табл. VII, 6–7

а – золото, альмандин, клей

Высота 2,3, диаметр 2,6

Инв. № ГЭ 2157 – 28

б – золото, альмандин, клей

Высота 2,3, диаметр 2,6

Инв. № ГЭ 2157 – 29

Ворворки – втулки цилиндрической формы, украшенные по всей поверхности инкрустацией из пластинок альмандина в шестнадцать гнездах: восемь – аркообразные, аналогичные вставкам на пятиугольных фаларах, и восемь фигурные, соединенные прямыми перегородками с волнообразным краем арочных гнезд. Основу ворворок составляют: верхнее и нижнее кольцо из узкой пластины и припаянный к ним ажурный каркас из спаянных между собой узких золотых пластинок разной величины и конфигурации, образующих гнезда-ячейки. Внутренняя сторона втулок закрыта тонким золотым листком – фольгой. Внутри изделий фиксируются три сквозных крупных и одно мелкое отверстия, вероятно, служившие для прикрепления ворворок к уздечным ремням.

Техника изготовления и конструкция в целом те же, что и на фаларах (кат. 15–17)

Сохранность:

а – помята, по верхнему краю крупные и мелкие выпадения металла. Сохранились 6 вставок, из них одна неполная, одна в трех обломках, одна в двух обломках и еще у одной утрачена часть верхнего края.

б – помята, трещины и разрывы металла, сохранилось 6 вставок, на двух трещины.

19. Бляха – медальон от конской упряжи. Табл. VIII, 1

Золото, серебро

Размеры: 6,1 x 5,0

Инв. № ГЭ 2157 – 31

Бляха овальной формы состоит из серебряной пластины, покрытой

сверху золотым листом. В центре – гнездо для овальной вставки из напаянной на ребро узкой золотой полоски. Вокруг гнезда и по краю ободки из крупной зерни, между ними напаяна узкая золотая пластинка. С одной стороны на серебряной пластине имеется небольшое сквозное отверстие.

Техника изготовления: ковка, пайка, литье

Сохранность: Утрачены вставка, почти вся нижняя серебряная пластина, часть внутреннего и значительная часть внешнего ободков.

20. Бляшка – медальон от конской упряжи. Табл. VIII, 2

Золото, серебро, сердолик

Размеры: 3,3 x 3,0

Инв. № ГЭ 2157 – 30

Бляшка овальной формы состоит из серебряной пластины, покрытой сверху золотым листом. В центре овальная вставка сердолика в гнезде из напаянной ребром узкой золотой полоски. Вокруг гнезда и по краю ободки из зерни, между ними припаяна узкая золотая пластинка.

Техника изготовления: ковка, пайка, литье

Сохранность: Утрачены часть нижней серебряной пластины, внешнего ободка и небольшой кусочек вставки.

21. Декоративные гвозди (7 экз. – а, б, в, г, д, е, ж). Табл. VIII, 3

а–д – золото, серебро, сердолик

е–ж – золото, серебро, алмадины

Длина: а – 2,8; б – 1,3; в – 1,2; 1,1; д – 2,7. Диаметр: а, в, г – 1, 4; б, д – 1, 5

Инв. № ГЭ 2157 – 32–38

Гвозди с круглыми шляпками, состоящими из серебряной нижней пластины, покрытой сверху золотым листом с выпуклой вставкой сердолика или алмадина в гнезде из напаянной на ребро узкой золотой полоски.

Сохранность: у четырех гвоздей (б, в, г, е) стерженьки сохранились не полностью, у одного (ж) стерженек утрачен, частично утрачена нижняя серебряная пластинка у гвоздей а, б, в, г.

22. Вставки (35 экз.). Табл. VIII, 4–5

Альмандин, лазурит

Инв. № ГЭ 2157 – 41–43.

Вставки из алмадина представлены фигурными пластинками и кабашонами, одна круглая из лазурита. Плоские вставки из алмадина, а также вставка из лазурита относятся к блямхам и ворворкам конской упряжи (кат. 15–18).

Сохранность: некоторые сохранились не полностью

Табл. I. Золотые украшения из погребения 1, Морской Чулек

1-2 (кат. 1) – пара колтов; 3 (кат. 4) – кольцо-перстень с резным изображением дельфина на гранатовой вставке; 3 а – фигурка дельфина на вставке (увеличена); 4 (кат. 3) – цепь; 5-6 (кат. 5, 6) – два кольца-перстня со вставками граната; 7-8 (кат. 2) – браслеты

Табл. II. Золотые украшения из погребения 2, Морской Чулек: 1–2 (кат. 8) – серьги-подвески; 3 (кат. 7) – цепь с медальоном; 4–5 (кат. 14, 12) – перстни со вставками сердолика и граната

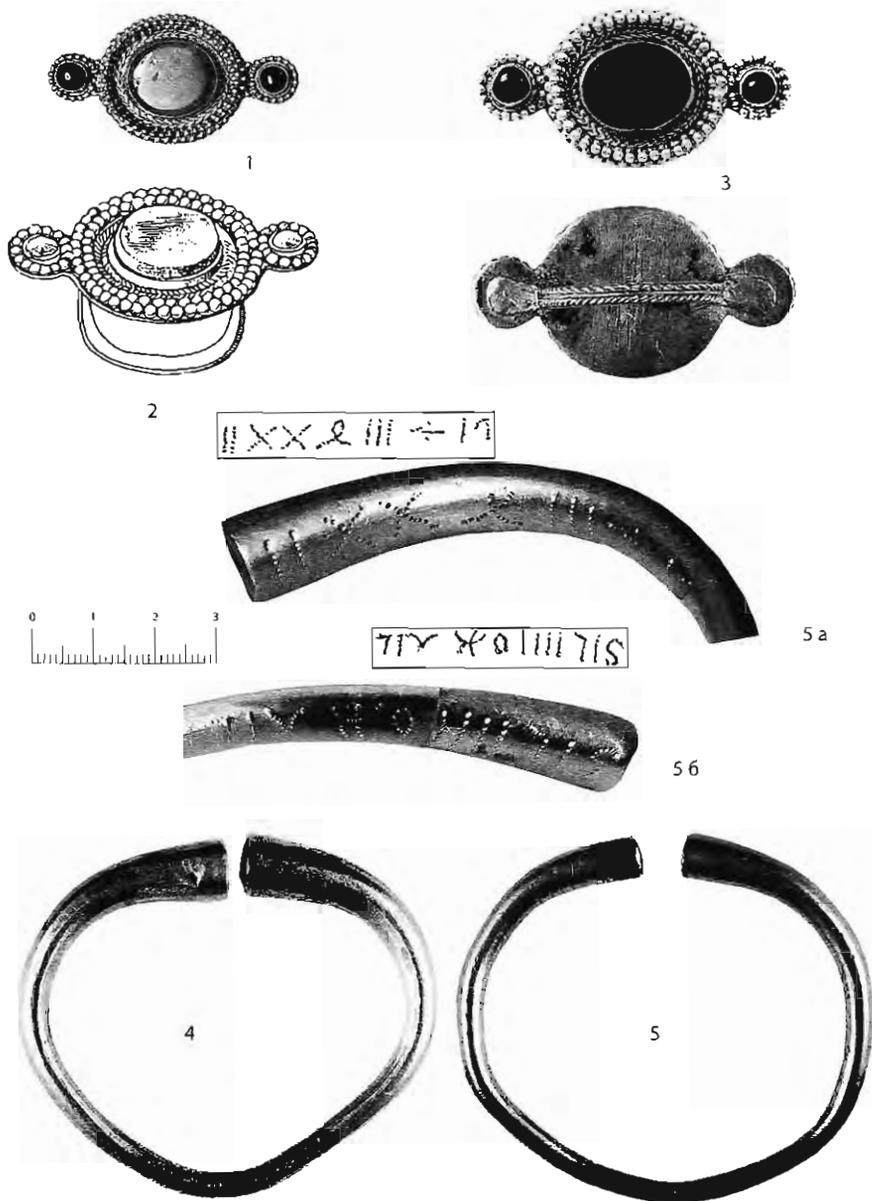

Табл. III. Золотые украшения из погребения 2, Морской Чулек

1 (кат. 13) – перстень со вставками сердолика и граната; 2 – прорисовка перстня (увеличен); 3 (кат. 11) – перстень со вставками сердолика и граната; 4 – рисунок соединительного устройства подвески с цепью (цепь – кат. 7); 5 (кат. 9) – браслет с раструбообразным расширением на концах; 6 (кат. 10) – браслет с латинской надписью; 6 а, б б – детали браслета с латинской надписью и прорисовка надписи

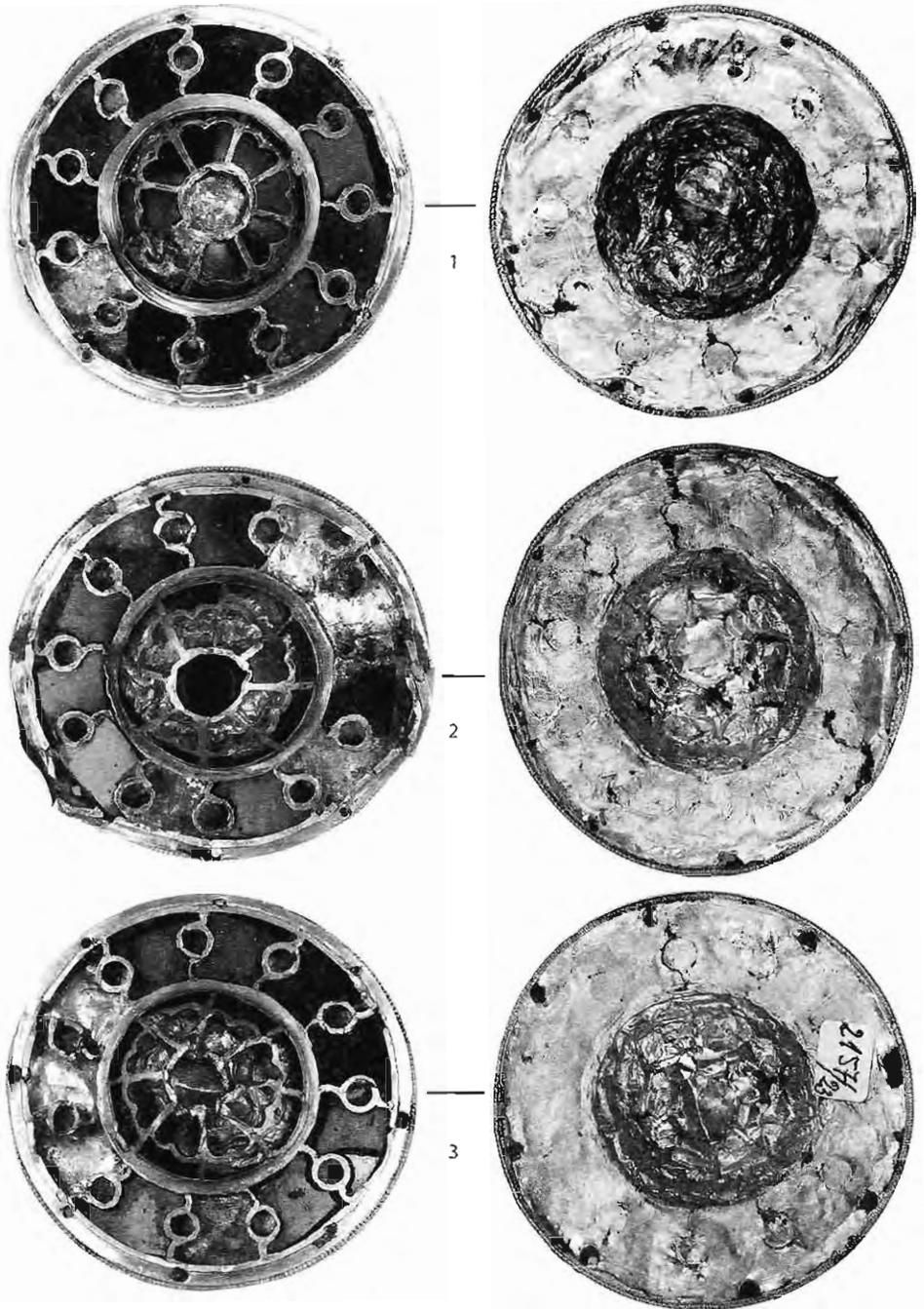

Табл. IV. Фалары от набора № 1 конской упряжи византийского происхождения, Морской Чулек

1–3 (кат. 15 а, б, в) – золотые бляхи со вставками альмандина и лазурита

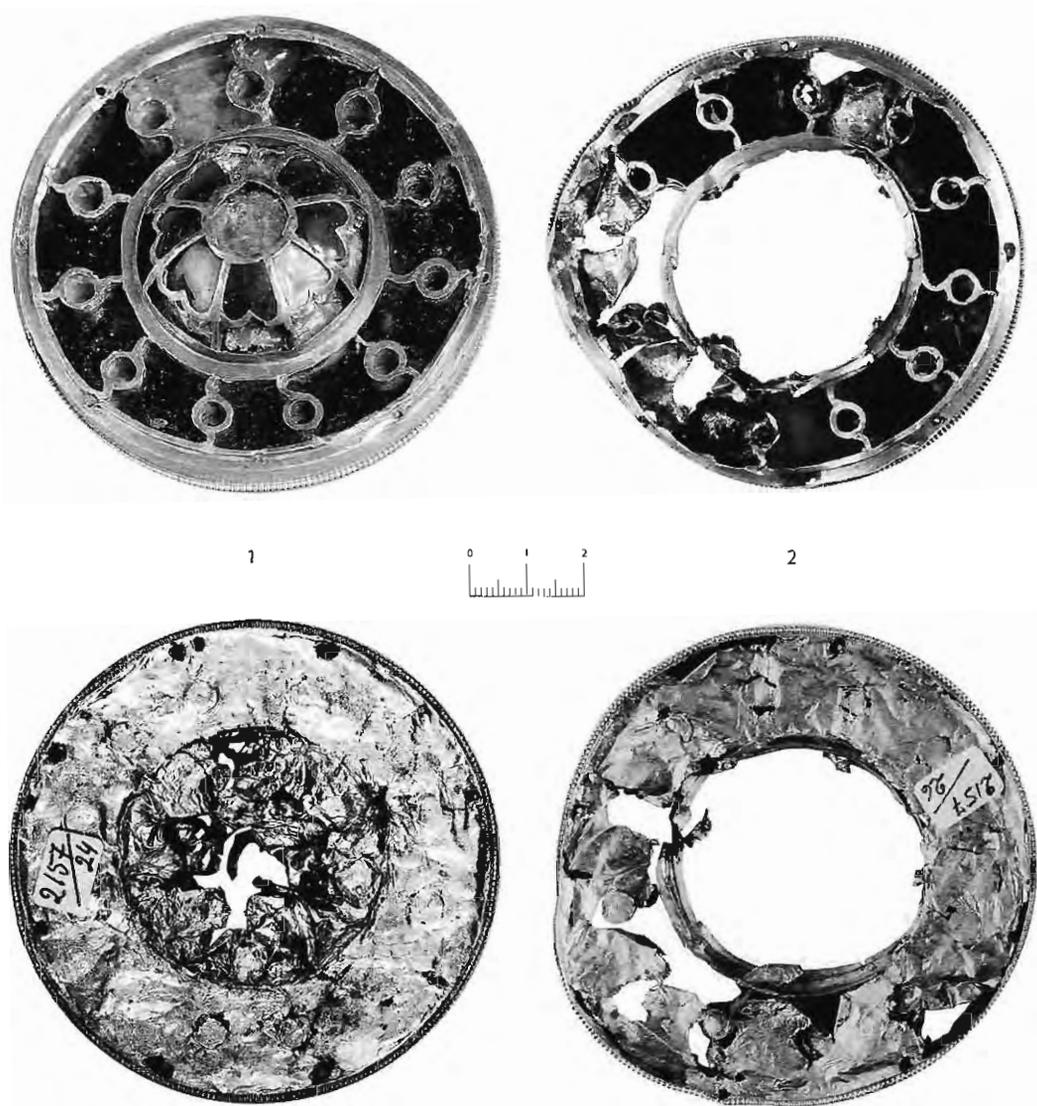

Табл. V. Фалары от набора № 1 конской упряжи византийского происхождения, Морской Чулек

1-2 (кат. 16 а, в) – золотые бляхи со вставками альмандина и лазурита

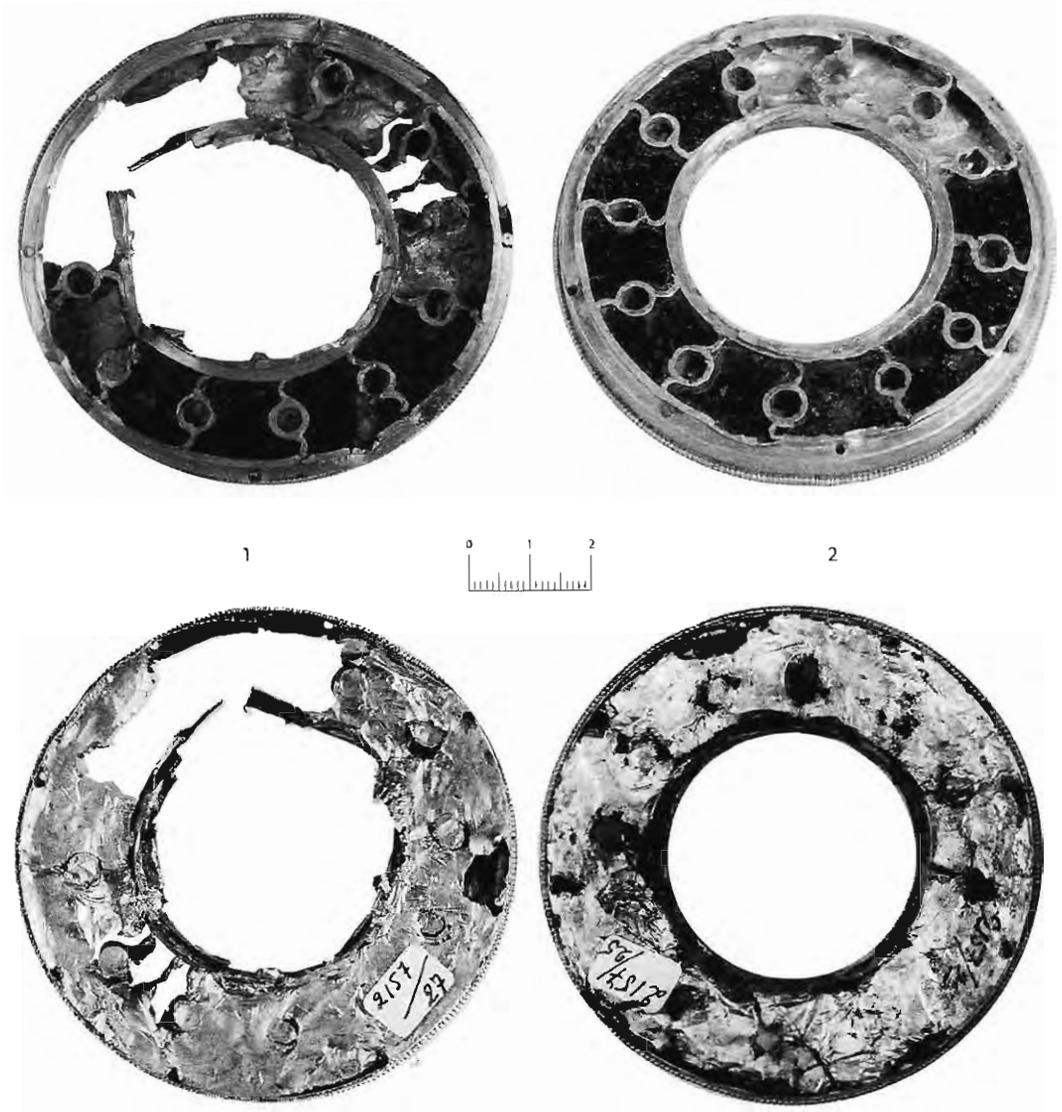

Табл. VI. Фалары от набора № 1 конской упряжи византийского происхождения, Морской Чулек

1-2 (кат. 16 б, г) – золотые бляхи со вставками альмандина и лазурита

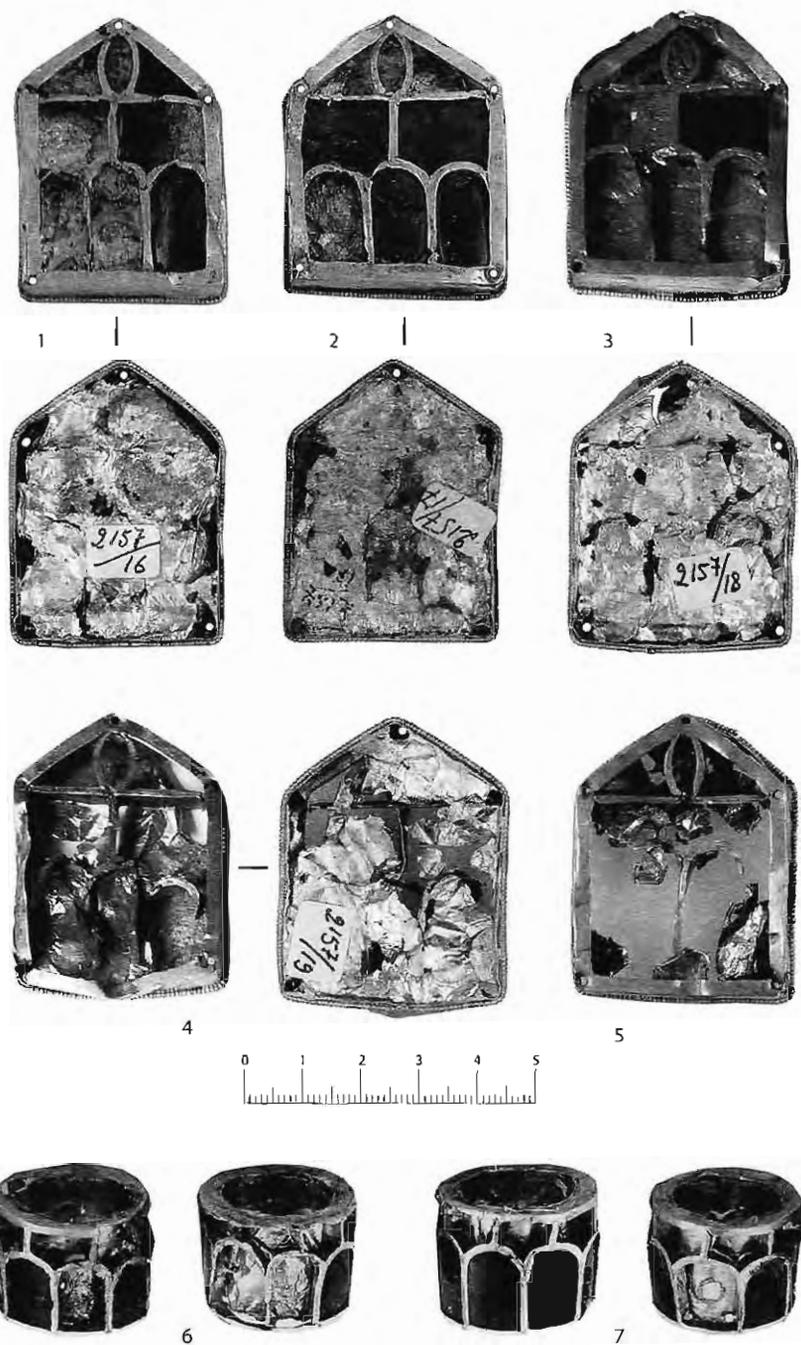

Табл. VII. Пятиугольные фалары и ворворки от набора № 1 конской упряжи византийского происхождения, Морской Чулек:

1–5 (кат. 17 а–д) – золотые бляхи со вставками альмандина и лазурита; 6–7 (кат. 18 а, б) – золотые ворворки со вставками альмандина и лазурита

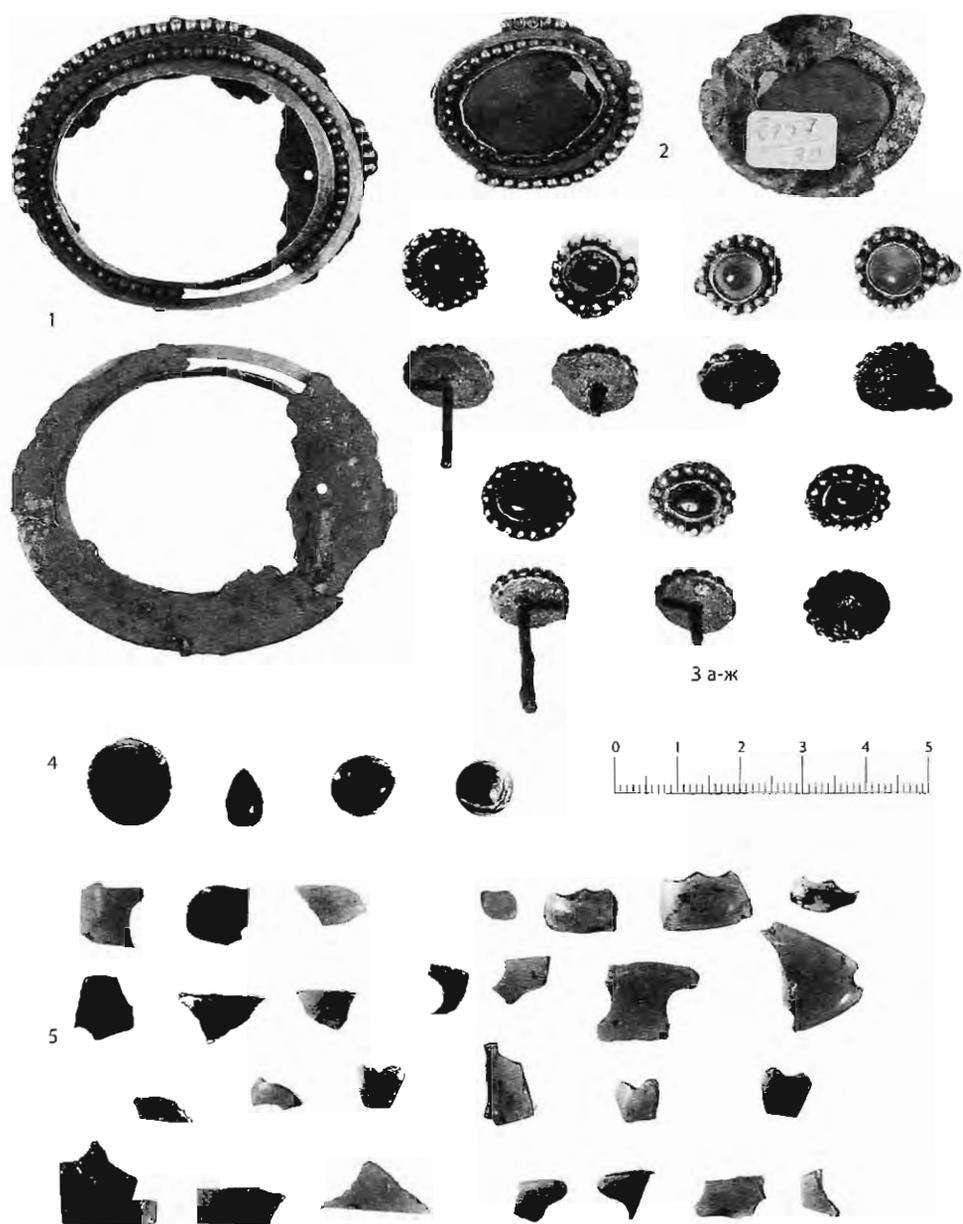

Табл. VIII. Декоративные детали от конского набора № 2 и гранатовые вставки инкрустированных блях от набора № 1 конской упряжи, Морской Чулек:

1 – крупная овальная бляха (кат. 19); 2 – бляшка со вставкой сердолика (кат. 20); 3 а-ж – декоративные гвозди (кат. 21); 4 – выпуклые вставки (кат. 22); 5 – плоские вставки в виде фигурных пластинок (кат. 22)

БИБЛИОГРАФИЯ

А

Абрамова 1972. *Абрамова М. П.* Нижне-Джеулатский могильник. Нальчик, 1972

Абрамова 1974. *Абрамова М. П.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974

Абрамова 1980. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980

Абрамова 1997. *Абрамова М. П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997

Агафий. *Агафий.* О царствовании Юстиниана / Пер. М. Левченко. М.; Л., 1953

Айбабин 1999. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999

Айбабин 2001. *Айбабин А. И.* Склеп эпохи «Великого переселения народов» на могильнике близ с. Лучистое в Крыму // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001

Айбабин 2003. *Айбабин А. И.* Памятники крымского варианта салтовомаяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М., 2003

Амброс 1966. *Амброс А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Д. 1–30. М., 1966

- Амброз 1973. Амброз А. К. Das Gröberfeld von Nevolino / Рец. I. Erdelyi, E. Ojtozi, W. Gening // СА. 1973. № 2
- Амброз 1981. Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981
- Амброз 1986. Амброз А. К. Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 3
- Амброз 1989. Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. V–VII вв. н. э. М., 1989
- Аммиан Марцеллин. Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 2000
- Анфимов 1980. Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980
- Апакидзе и др. 1958. Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. Мцхета I: Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг. Тбилиси, 1958
- Артамонов 1962. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962
- Артамонова, Плетнева 1997. Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. 6
- Афанасьев, Рунич 2001. Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Мокрая Балка. Дневник раскопок. М., 2001. № 1
- Ахмедов 1997. Ахмедов И. Р. К истории раннесредневековой узды // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997
- Ахмедов 2001. Ахмедов И. Р. Военские погребения из могильника Борок II // Тверской Археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4.
- Ахмедов 2002. Ахмедов И. Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // ТГИМ. М. 2002. Вып. 135
- Ахмедов, Казанский 2004. Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004

Ахмеров 1951. *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения IV–VII веков нашей эры. // КСИИМК. 1951. Вып. 40

Б

Баранов 1973. *Баранов И. А.* Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. № 3

Беляев 1926. *Беляев Н. М.* Украшения античной и ранневизантийской одежды // Recueil d'études dédiées a la mémoire de N. P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines. Prague, 1926

Беовульф. Беовульф / Пер. В. Тихомирова // Западноевропейский эпос. Л., 1977

Бернштам 1949. *Бернштам А. Н.* Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. музея антропологии и этнографии. 1949. Вып. 13

Беспалый 1992. *Беспалый Е. И.* Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1

Блаватский 1951. *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. Вып. 19

Бобринский 1914. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад. 1914 // МАР. 1914. № 34

Богачев 1996. *Богачев А. В.* К вопросу о поздней дате древностей «гуннского круга» // РА. 1996. № 4

Божилев, Димитров 1995. *Божилев И., Димитров Х.* Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantino-Bulgarica. 1995. Vol. 9

В

Веймарн, Айбабин 1993. *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев 1993

Винников, Афанасьев 1991. *Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991

Воронов 1979. *Воронов Ю. Н.* Материалы по археологии Абасгии и Санигии II–VII вв. // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1979

Воронов 2003. *Воронов Ю. Н.* Могилы апсиров: Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино, 2003

Воронов, Бгажба 1985. *Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985

Воронов, Шенкао 1982. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982

Воронов, Юшин 1973. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Новые памятники цебельдинской культуры // СА. 1973. № 1

Высотская 1998. *Высотская Т. Н.* Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский). Проблемы этноса и хронологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. 6.

Г

Гаврилов 1996. *Гаврилов А. В.* Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. 5

Гавритухин 1999. *Гавритухин И. О.* В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999

Гавритухин 2001. *Гавритухин И. О.* Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2

Гавритухин 2004. *Гавритухин И. О.* Среднеднепровские ингумации второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004

Гавритухин, Паромов 2003. *Гавритухин И. О., Паромов Я. М.* Ильчевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М. 2003

Гавритухин, Пьянков 2003. *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Раннесредневековые древности побережья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003

Гадло 1979. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979

Гайдукевич 1949. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949

Генинг 1979. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильника в Прикамье) // КСИА. 1979. Вып. 158

Гросу 1990. *Гросу В. И.* Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990

Гудименко 1990. *Гудименко И. В.* Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. 1990. Вып. 9

Гумилев 1993. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993

Гущина, Засецкая 1994. *Гущина И. И., Засецкая И. П.* «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994

Д

Джерджети 1988. *Джерджети Д.* Съкровище от златни накити и сребърни предмети от Рациария // СА. 1988. № 3

Дитлер 1995. *Дитлер П. А.* Раннесредневековый могильник Мешоко // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995

Дмитриев 1979. *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4

Дмитриев 1982. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982

Дмитриев 2003. *Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М., 2003

Драчук 1975. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975

Древности 1901. *Древности* // Труды Московского Императорского археологического общества: Протоколы заседаний. М., 1901. Т. 19–20

Ж

Жиров 1940. *Жиров Е. В.* Об искусственной деформации головы // КСИ-ИМК. 1940. Вып. 8

3

Засецкая 1975. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975

Засецкая 1979. *Засецкая И. П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. 1979. № 20

Засецкая 1980. *Засецкая И. П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1

Засецкая 1982. *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982

Засецкая 1984. *Засецкая И. П.* Дата мелитопольского комплекса в свете проблемы хронологии памятников гуннской эпохи // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984

Засецкая 1986. *Засецкая И. П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1986. Вып. 27

Засецкая 1989. *Засецкая И. П.* Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3

Засецкая 1993. *Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV– первой половины V в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. 3

Засецкая 1994. *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб., 1994

Засецкая 1995. *Засецкая И. П.* О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995

Засецкая 1998. *Засецкая И. П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода: К вопросу о методике исследования // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. 6.

Засецкая 2001. *Засецкая И. П.* Золотые украшения костюма знатных женщин гуннской эпохи (конец IV – V в. н.э.) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Самара, 2001. Ч. 1

Земцов 2003. *Земцов Г. Л.* Миграционные потоки III–V вв. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино 2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара, 2003

Зосим. *Зосим.* История // *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1

И

Иоанн Малала. *Иоанн Малала.* Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. СПб., 2001.

Иордан. *Иордан.* О происхождении и деяниях гот. *Getica* / Лат. текст и пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001

Искусство Византии 1977. Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977. Вып. 1

К

Кадырбаев 1959. *Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 7

Казанский 1994. *Казанский М. М.* Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. № 4

Казанский 1997. *Казанский М. М.* Остроготские королевства в гуннскую эпоху. Рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum + Петербургский археологический вестник.* СПб.; Кишинев, 1997

Казанский 2001. *Казанский М. М.* Хронология начальной фазы некрополя Дюрсо // Историко-археологический альманах. 2001. Вып. 7

Казанский 2002. *Казанский М. М.* Пряжки раннесасанидской традиции в северной Евразии // Первобытная археология, человек и искусство. Новосибирск, 2002

Казанский, Мастыкова 1998. *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов // Историко-археологический альманах армавирского музея. 1998. Вып. 4

- Казанский, Мастыкова 1999. *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. № 4
- Казанский, Мастыкова 2001. *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Материалы и исследования по археологии России. М., 2001. Вып. 3
- Книпович 1949. *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949
- Ковалевская 1981. *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981
- Комар 2000. *Комар О. В.*, Ранні хозари у Північному Причорномор'ї // Археологія. 2000. № 1
- Комар 2004. *Комар А. В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004
- Кондаков 1896. *Кондаков Н.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. 1
- Кондић, Поповић 1977. *Кондић В., Поповић В.* Царичин град. Београд, 1977
- Корпусова 1973. *Корпусова В. М.* Сільське населення пізньоантичного Боспору. Археологія. 1973. № 8
- Костюков 1995. *Костюков В. П.* Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995
- Кошкарлы 1985. *Кошкарлы К. О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985
- Кругликова 1957. *Кругликова И. Т.* Погребение IV–V вв. н. э. у дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2
- Кубарев 1981. *Кубарев В. Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981
- Кудрявцев, Гаджиев 1991. *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV): Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991

Кулаков 1998. *Кулаков В. И.* Halibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н. э. // Гістарична-Археалагічны Зборнік. 1998. 13

Кулаковский 1891. *Кулаковский М. Ю.* Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. 1891. Т. 6

Л

Левина 1994. *Левина Л. М.* Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыасарская культура. Могильники Алтынасар 4. М., 1994. Ч. 3 – 4.

М

Магомедов 1983. *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983

Мажитов 1968. *Мажитов И. А.* Бахмутинская культура. М., 1968

Маркиан. *Маркиан.* Объезд внешнего моря / Пер. В. В. Латышева // В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1

Масленников 1997. *Масленников А. А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997

Мастыкова 2005. *Мастыкова А. В.* Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // РА. 2005. № 1

Мацулевич 1926. *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926

Мацулевич 1934. *Мацулевич Л. А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Л., 1934

Мельник 1893. *Мельник К.* Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. Киев, 1893. Вып. 1

Менандр. *Менандр.* Продолжение истории Агафиевой / Пер. С. Ю. Дестуниса // Византийские историки. Рязань, 2003

Миллер 1909. *Миллер А. А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИИАК. 1909. № 13

Минасян 1991. *Минасян Р. С.* Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана // *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991

Мошкова, Федорова-Давыдова 1974. *Мошкова М. Г. Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Т. 1.

Н

Немсадзе 1977. *Немсадзе Г. М.* Погребения иберийской знати из Згудери // КСИА. 1977. № 151

Никифор. *Никифор.* Бrevиарий / Пер. И. С. Чичурова // *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бrevиарий» Никифора. М., 1980

Носкова 2002. *Носкова Л. М.* К вопросу об этническом составе Закубания в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. 2002. № 3

О

Обломский 2002. *Обломский А. М.* Днепровское Лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002

Олимпиодор. *Олимпиодор.* История / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб., 1999

Охонько, Отюцкий 1982. *Охонько Н. А., Отюцкий И. В.* Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // СА. 1982. № 4

П

Памятники Киргизии 1983. Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. Л., 1983

Пигулевская 1946. *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946

Пигулевская 2000. *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. СПб., 2000

Плетнева 1980. *Плетнева С. А.* Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1980

Плетнева 1989. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989

Плетнева 2003. *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003

Попов, Новочеркасск. *Попов Х. И.* Описание Археологического отдела Донского музея. Новочеркасск, [б. г.]

Приск. *Приск Панийский.* Готская история / Греч. текст и пер. В. В. Латышева // *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1

Приходнюк 2001. *Приходнюк О. М.* Степове населення України та східні слов'яни. Київ; Чернівці, 2001

Приходнюк и др. 2001. *Приходнюк О. М., Евдокимов Г. Л., Данилко Н. М.* Ранньосередньовічне поховання кочовика із с. Суханове на Херсонщині // *Археологія.* 2001. № 2

Прокопий из Кесарии. Война с готами. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950

Прокопий Кесарийский. Война с персами. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 2001

Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб., 2001

Прохорова, Гугуев 1992. *Прохорова Т. А., Гугуев В. К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // *СА.* 1992. № 1

Пугаченкова 1978. *Пугаченкова Г. А.* Сокровища Дальверзин-Тепе. Л., 1978

Пьянков 2002. *Пьянков А. В.* Погребение с серебряной фибулой с антропоморфной накладкой из могильника Бжид 1 // *Донская Археология.* 2002. № 1–2

Р

Равеннский Аноним. *Равеннский Аноним.* Космография / Латин. текст и пер. А. В. Подосинова // *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002

Раев 1985. *Раев Б. А.* «Княжеские» погребения сарматского времени в

г. Новочеркасск // Археологические памятники в Европейской части СССР. М 1985

Раев 1989. *Раев Б. А.* Аланы в евразийских степях. Восток – Запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989

Рамишвили 1977. *Рамишвили Р. М.* Новые открытия на новостройках арагвского ущелья // КСИА. 1977. № 151

Распопова 1980. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980

Ратнер, Костюк 1989. *Ратнер И. Д., Костюк Л. И.* Древности Херсонщины. Симферополь, 1989

Рашев 2004. *Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век. София, 2004

Репников 1906. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИИАК. 1906. № 19

Ромашов 2001. *Ромашов С. А.* Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2000–2001. № 11

Ростовцев 1925. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925

Рунич 1975. *Рунич А. П.* Скельні могильники у верхів'ях р. Эшкакон на північному Кавказі // Археологія. 1975. № 16

Рунич 1976. *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3

Рыков 1936. *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. 1936. № 1

С

Сарианиди 1983. *Сарианиди В. И.* Афганистан. Сокровища безымянных царей. М., 1983

Саханев 1914. *Саханев В. В.* Раскопки на северном Кавказе в 1911–1912 годах // ИИАК. 1914. № 56

Симоненко, Лобай 1991. *Симоненко А. В., Лобай Б. И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991

Синай, Византия, Русь 2000. Синай, Византия, Русь. Православное искусство с VI до начала XX века: Каталог выставки 2000 года в Государственном Эрмитаже / Опубликовано фондом Св. Екатерины. 2000

Синицын 1936. *Синицын И. В.* Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // Известия Нижневолжского Саратовского Института Краеведения. 1936. № 7

Сиротенко 1972. *Сиротенко В. Т.* Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972

Скрипкин 1990. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990

Славяне и скандинавы 1986. Славяне и скандинавы. М., 1986

Смирнов 1909. *Смирнов Н. Я.* Восточное серебро. СПб., 1909

Смирнов 1951. *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах исследований могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. № 27

Созомен. *Созомен.* Церковная История / Греч. текст и пер. В. В. Латышева // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1

Спицин 1907. *Спицин А. А.* Могильник V века в Черноморье // ИИАК. 1907. № 23

Сретеновић 1984. *Сретеновић М.* Мокраньске Стене. Вишескодно насеље // Берданске свеске. 1984. № 2

Ставиский, Яценко 2002. *Ставиский Б. Я., Яценко С. А.* Искусство и культура древних иранцев. М., 2002

Съкровище на хан Кубрат 1989. Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни. София, 1989

Т

Теофил. *Теофил.* Записка о разных искусствах // Всесоюзная Центральная Научно-исследовательская лаборатория по консервации и рестав-

рации музейных художественных ценностей: Сообщения. М., 1963. Вып. 7

Толстой, Кондаков 1890. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб., 1890

Толстой, Кондаков 1897. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897

Тревер, Луконин 1987. *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987

У

Уварова 1900. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. [Т.] 8

Ф

Феофилакт Симокатта. *Феофилакт Симокатта.* История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957

Филосторгий. *Филосторгий.* Церковная История / Греч. текст и пер. В. В. Латышева // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1

Х

Хазанов 1963. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4

Халиков 1989. *Халиков А. Х.* Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989

Ханенко 1899. *Ханенко Б. И и В. И.* Древности Приднепровья. Киев, 1899

Ч

Чеченов 1987. *Чеченов И. М.* Новые материалы и исследования по сред-

невековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987

Ш

Шаламон, Баркоци 1982. *Шаламон А., Баркоци Л.* Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376–476 гг.) // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982

Шелов 1984. *Шелов Д. Б.* Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984

Шефер 1981. *Шефер Э.* Золотые яблоки Самарканда. М., 1981

Щ

Щукин 2000. *Щукин М. Б.* Находки у с. Залевки в Поднепровье и проблема происхождения северо-европейского филигранного стиля I–II вв. // *Stratum plus* 2000. № 4

Я

Яценко 1993. *Яценко С. А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // Петербургский Археологический Вестник. 1993. № 3

Яценко 2001. *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001

A

Adams 2000. *Adams D.* The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Budapest; Napoli; Roma, 2000

Agulnikov, Simonenko 1993. *Agulnikov S. M., Simonenko A. V.* A Late Sarmatian Bridle from Moldova // Communicationes Archaeologicae Hungaricae. 1993

Aibabin 1999. *Aibabin A.* Hunnen, Alanen und Goten, Chasaren und Polowzen // Unbekante Krim: Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999

Akhmedov 2002. *Akhmedov I.* Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno, 2002

Alföldi 1932. *Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest, 1932

Altheim 1952. *Altheim F.* Attila et les Huns. Paris, 1952

Ambrosiani 1983. *Ambrosiani B.* Regalia and symbols in the boat-graves // Vendel Period Studies. Stockholm, 1983

Anazawa, Manome 1980. *Anazawa W., Manome J.* The Problems on a Gold Dagger with Cloisonné. Decorations from Kerim-lo 14 Tomb in Kyongu, Korea // Kobunka Danson. 1980. 7

Anazawa, Manome 2000. *Anazawa W., Manome J.* The Inlaid Gold Dagger from Kerim-loo and its Western Connections // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Budapest; Napoli; Roma, 2000

Andersson 1985. *Andersson K.* Intellectuel import eller romersk dona? // Tor. 1985. 20

Anke 1998. *Anke B.* Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Weissbach, 1998

Arrhenius 1980. *Arrhenius B.* The Chronology of the Vendel Graves. Rapport från Stocholms Universitets Arkeologiska forskningslaboratorium. 1980. № 2

Arrhenius 1985. *Arrhenius B.* Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985

Arrhenius 1990. *Arrhenius B.* Connections between Scandinavia and the East Roman Empire in the Migration period // From the Baltic to the Black Sea: Studies in Medieval Archaeology. Lodon; Boston; Sydney; Wellington, 1990

Arrhenius 1995. *Arrhenius B.* Regalia in Svealand in Early Medieval Times // Tor. 1995 27/1.

Art of the Greek Goldsmiths 1998. *The Art of Greek Goldsmiths.* London, 1998

Atabiev 2000. *Atabiev B.* Tombe 118, Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie // L'Or des princes barbares. Du Caucase a la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris, 2000

B

Balint 2000. *Balint C.* Byzantinisches zur Herkunftsfrage des Vielteilen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Budapest; Napoli; Roma, 2000

Bank 1985. *Bank A.* Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1985

Baratte 1993. *Baratte F.* La vaisselle d'argent // *Breton J.-F., Abd Al-Qadir Bafaqih M.* Trésors du Wadi Dura (république du Yémen): Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya. Paris, 1987

Bavant 1990. *Bavant B.* Les petits objets // *Bavant B., Kondić V.* (dir.) Caričin Grad II. Le quartier sud-ouest de la ville haute. Rome; Belgrade, 1990

Bespalyi, Perevoztchikov 1995. *Bespalyi E. I., Perevoztchikov V. I.* La cache du kourgane 1 de Datchi dans la banlieu d'Azov // L'Or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Abbayé de Daoulas, 1995

Bierbrauer 1974. *Bierbrauer V.*, c.-r. de. Moosbrugger-Leu R. Die Schweiz zur Merowingerzeit // Zeitschrift für schweizerische Archéologie und Kunstgeschichte. 1974. 31/3

Bierbrauer 1975. *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975

Böhme 1988. *Böhme H. W.* Les Thuringiens dans le Nord du royaume franc // Revue Archéologique de Picardie. 1988. 3-4

Böhner 1948. *Böhner K.* Das Langschwert des Frankenkönigs Childerich // Bonner Jahrbücher. 1948. 148

Bona 2002. *Bona I.* Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris, 2002

Breton, Abd Al-Qadir Bafaqih 1993. *Breton J.-F., Abd Al-Qadir Bafaqih M.* Trésors du Wadi Dura (république du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya. Paris, 1987

C

Caillet 1985. *Caillet J.-P.* L'antiquité tardive et haut moyen âge et Byzance au Musée Cluny. Paris, 1985

Carnap-Bornheim 1999. *Carnap-Bornheim C. von.* Germanische Rangabzeichen in Reiternomadischen Milieu des 4. und 5. Jahrhunderts? – oder ist eine »Gotisierung« der »Hunnen« archäologisch nachweisbar? // Pannonia and beyond. Studies in Honour of László Barkóczy. Budapest, 1999

Chandra 1979. *Chandra R. G.* Indo-Greek Jewellery. New Delhi, 1979

Csallany 1961. *Csallany D.* Archäologisches Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaunraum 454–568 u.Z. Budapest, 1961

D

Damm 1988. *Damm I. G.* Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet: Katalog der Sammlung Diergardt 2. Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. 21

Dannheimer 1961. *Dannheimer H.* Zum Germanengrab von Beja-Pax Julia // Germania. 1961. 39

Dannheimer 2000. *Dannheimer H.* Ostmediterrane Prunksättel des frühen Mittelalters // Germania. 2000. 87/2

Davidson, Oliver 1984. *Davidson P. F., Oliver A.* Ancient Greek and Roman Jewelry in the Brooklyn Museum. New York, 1984

Demougeot 1979. *Demougeot E.* La formation de l'Europe et les invasions barbares. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. Paris, 1979

Diatrita 1999. *Yeroulanou A.* Gold pierced-work jewellery from the 3rd to the 7th century. Athens, 1999

Doppelfeld 1960. *Doppelfeld O.* Das frankische Frauengrab unter dem Chor des Kölner Domes // Germania. 1960. 38/1–2

E

Eagles, Ager 2004. *Eagles B., Ager B.* A Mid 5th to Mid 6th Century Bridle-Fitting of Mediterranean Origin from Breamore, Hampshire, England with a Discussion of its Local Context // *Acta Archaeologica Lovaniensia: Monographiae*. 2004. 15

Ellegerd 1987. *Ellegerd A.* Who were the Eruli? // *Scandia*. 1987. 53/1

Emery, Kirwan 1938. *Emery W. B., Kirwan L. P.* The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo, 1938

Escher 2003. *Escher K.* Objets mobiliers du Ve siècle découverts sur le territoire du deuxième royaume burgonde // *Burgondes, Alamans, Francs et Romains*. Besançon, 2003

Eugippe. Vie de Saint Severin: (texte latin et traduction en français de P. Regerat) Paris, 1991

F

Fettich 1951. *Fettich N.* Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Budapest, 1951

Fettich 1953. *Fettich N.* La trouvaille de la tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszéksos. Budapest, 1953

Fiedler 1992. *Fiedler U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992

Franken 1996. Die Franken, Wegbereiter Europas. Mainz, 1996

Fremersdorf 1953. *Fremersdorf F.* Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt. Köln, 1953

G

Gabuev 1990. *Gabuev T.* Epoca delle Grandi Migrazioni etniche IV – V sec. d. C. // *I tesori dei kurgani del Caucaso settentrionale*. Locarno, 1990

Garam 1992. *Garam E.* Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // *Awaren Forschungen*. Wien, 1992. 1

Garam 1992. *Garam E.* Über Halsketten, Halsschmucke mit Anhängern und Juwelenkragen byzantinischen Ursprungs aus der Awarenzeit. // *Acta*

Arcaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1991. 43

Garam 2000. *Garam E.* Über die Beziehung der byzantinischen Goldschnallen und der awarenzeitlichen Pseudoschnallen // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Budapest, 2000

Garscha 1936. *Garscha F.* Das völkerwanderungszeitliche Fürstengrab von Altusheim // Germania. 1936. 20

Garscha 1960. *Garscha F.* Zum Grabfund von Altusheim // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1960. 7

Gercen, Maczynska 2000. *Gercen A. Maczynska M.* Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Alamlyk-Dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000

Germanen 1987. Germanen, Hunnen, Awaren // Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987

Gorokhovskiy 1992. *Gorokhovskiy E.* The Nomads of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages // Medieval Europe. 1992. 4: Death and Burial. York, 1992

Grabar 1966. *Grabar A.* L'âge d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'islam. Paris, 1966

Greek Gold Jewelry 1994. *Williams D., Ogden J.* Greek Gold Jewelry of the Classical World. New York, 1994

Grégoire de Tours. *Grégoire de Tours.* Histoire des Francs / Traduction française de R. Latouche. Paris, 1975

H

Hackens, Winkes 1983. *Hackens T., Winkes R.* Gold Jewelry. Craft, Style and Meaning from Mycenae to Constantinopolis. Louvain-La-Neuve, 1983

Haith 1982. *Haith C.* Recherche en cours sur les collections mérovingiennes du British Museum et la tombe perdue d'Artres // Bulletin de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. 1982. 6

Hanfmann 1975. *Hanfmann G. M. A.* Restauration and excavations at Sardis 1973. Türk Arkeoloji Dergesi. 1975. 22

Harhoiu 1998. *Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998

Haussig 1971. *Haussig H. W.* Histoire de la civilisation byzantine. Paris, 1971

Haussig 1987. *Haussig H. W.* Die ethnischen Verhältnisse der Spätantike und des frühen Mittelalters in Südrussland // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Göttingen, 1987. 4

Hayes 1972. *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. London, 1972

Henriksen, Horsnæs 2004. *Henriksen, M. B., Horsnæs H. W.* Guldskatten fra Boltinggård Skov på Midtfyn // Fynske Minder. 2004

Higgins 1961. *Higgins R.* Greek and Roman Jewellery. London, 1961.

Higgins 1980. *Higgins R.* Greek and Roman Jewellery. London, 1980.

Histoire auguste / Texte latin et traduction en français d'A. Chastagnol. Paris, 1994

Historia 1940. Historia de España. Vol. III. España visigoda. Madrid, 1940

Hoffmann, Davidson 1965. *Hoffmann H., Davidson P. F.* Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. Mainz, 1965

Horedt, Protase 1972. *Horedt K., Protase D.* Das zweite Fürstengrab von Apahida (Siebenbürgen) // Germania. 1972. 50

Howard-Johnston 1998. *Howard-Johnston J.* Trading in Fur, from Classical Antiquity to the Early Middle Ages // Leather and Fur: Aspects of Early Medieval Trade and Technology. London, 1998

I

I Goti 1994. I Goti. Milano, 1994

I Goti a San Marino 1995. I Goti a San Marino. Il tesoro Domagnano. Milano, 1995

Ivanišević 1990. *Ivanišević V.* Les monnaies // *Bavant B., Kondić V. (dir.)* Caričin Grad II: Le quartier sud-ouest de la ville haute. Rome; Belgrade, 1990

Ivanišević, Kazanski 2002. *Ivanišević V., Kazanski M.* La nécropole de l'époque des Grandes Migrations a Singidunum. Singidunum. 2002. 3

J

Jewelry: Ancient to Modern 1979. Jewelry: Ancient to Modern. Baltimore, 1979

Jordanès. *Jordanès*. Histoire des Goths / Traduction en français de O. Devilliers. Paris, 1995

K

Kazanski 1982. *Kazanski M*. Deux riches tombes de l'époque des grandes invasions au nord de la Gaule Airan et Pouan // *Archéologie Médiévale*. 1982. 12

Kazanski 1988. *Kazanski M*. Quelques parallèles entre l'armement en Occident et a Byzance, IVe-VIIe s. // *Gaule mérovingienne et monde méditerranéen. Les derniers Romains en Septimanie, IVe-VIIIe s.* Lattes, 1988

Kazanski 1990. *Kazanski M*. La tombe de cavalier a Mundolsheim (Bas-Rhin) // *Attila. Les influences danubiennes dans l'ouest de l'Europe au Ve siècle*. Caen, 1990

Kazanski 1991. *Kazanski M*. A propos des armes et des éléments de harnachement "orientaux" en Occident a l'époque des Grandes Migratons // *Journal of Roman Archaeology*. 1991. 4

Kazanski 1992. *Kazanski M*. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // *Germania*. 1992. 70/1

Kazanski 1993. *Kazanski M*. Les armes de Wadi-Dura // *Breton J.-F., Abd Al-Qadir Bafaqih M*. Trésors du Wadi Dura (république du Yémen). Fouille franco-yémenite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya. Paris, 1987

Kazanski 1993a. *Kazanski M*. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien // *Antiquités Nationales*. 1993. 25

Kazanski 1994. *Kazanski M*. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. 24

Kazanski 1996. *Kazanski M*. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // *L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Sophia; Antipolis, 1996

- Kazanski 1999. *Kazanski M.* Les Slaves. Les origines (Ier-VIIe siècle après J.-C.). Paris, 1999
- Kazanski 2001. *Kazanski M.* Les épées "orientales" a garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // International Connections of the Barbarians in the 1st – 5th centuries A.D. Aszod-Nyiregyhaza, 2001
- Kazanski 2002. *Kazanski M.* La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne) d'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales. Montagnac, 2002
- Kazanski 2003. *Kazanski M.* Qal'at Sem'an. IV: Rapport final. 3: Les objets métalliques. Beyrouth, 2003
- Kazanski, Mastykova 1999. *Kazanski M., Mastykova A.* Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. 5
- Kazanski, Mastykova, Périn 2002. *Kazanski M., Mastykova A., Périn P.* Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno, 2002
- Kazanski, Périn 1988. *Kazanski M., Périn P.* Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie 1988. 3-4
- Kazanski, Périn 1996. *Kazanski M., Périn P.* La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. 28
- Kessler, Schnellenkamp 1933. *Kessler A., Schnellenkamp W.* Ein frühmerowingisches Grab bei Rommersheim Eichloch in Rheinhessen // Mainzer Zeitschrift. 1933. 28
- Kidd 1989. *Kidd D.*, The History of the Early Medieval European Collections in the British Museum // Journal of the History of Collections. 1989. 1/1
- Kiss 1987. *Kiss A.* Archäologische Angaben zur Geschichte der Sättel des Frühmittelalters // Alba Regia. 1984. 21
- Kiss 1987. *Kiss A.* Die Herrscher des Karpatenbeckens im 5/6. Jahrhundert aus archäologischer Sicht // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1987
- Kiss 1991. *Kiss A.* Dilemma dei der interpretation der fruhgeschichtlichen Grabfunde von Mezobereby (1884) // Folia Archaeologica. 1991. 42

Kiss 1994. Kiss A. Stand und Bestimmung archäologischer Denkmäler der "gens Alanorum" in Pannonien, Gallien, Hispanien und Afrika // *Acta Antiqua Hungarica*. 1994. 35

Koch 1998. Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kappfesweise im frühen Mittelalter am Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragricmenhaltern aus dem 6. 8. Jahrhundert n. Chr. // *Jahrbucher des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz, 1998. 45

Koch 1999. Koch A. Zum Prunkdolch von Kyerim-lo, Kyôngju (Südkorea) // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1999. 29

Koch, Wenzel 2000. Koch A., Wenzel A. Waffentechnologie zwischen China und Byzanz. Anmerkungen zu einem Miniaturschwert aus dem Grab des Kaisers Wudi der Nördlichen Zhou-Dyanstie (557–581 n. Chr.) // *Studia Antiquaria-Festschrift für Niels Bantelmann*. Mainz, 2000

Koenig 1981. Koenig G. G. Wandalische Grabfunde des 5. und 6. Jhs. // *Madri der Mitteilungen*. 1981. 22

Kolendo 1999. Kolendo J. L'importation de fourrure du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain // *Münsterische Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte*. 1999. 18/2

Koltès 1993. Koltès J. Les verres // Breton J.-F., Abd Al-Qadir Bafaqih M. Trésors du Wadi Dura (république du Yémen). Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya. Paris, 1987

Kožomberdieva et al. 1998. Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // *Eurasia Antiqua*. 1998. 4

Kubitschek 1911. Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf em Marchfeld) // *Jahrbuch für Altertumskunde*. 1911. 5/1-3

Kyhlberg 1986. Kyhlberg O. Late Roman and Byzantine Solidi // *Excavations at Helgö X. Coins, Iron and Gold*. Stockholm, 1986

L

L'Or des princes barbares 2000. L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris, 2000

L'Or des Sarmates 1995. L'Or des Sarmates. Daulas, 1995

Lamaigre 1983. *Lamaigre A. C.* Chains and Necklaces // *Hackens T., Winkes R.* Gold Jewellery. Craft, Style and Meaning from Mycenae to Constantinopolis. Louvain-La-Neuve, 1983

Laszlo 1955. *Laszlo G.* Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars // *Archeologia Hungarica*. Budapest, 1955. XXXIV

Laszlo 1974. *Laszlo G.* A nepvandorlaskor muveszete Vagyarszagon. Budapest, 1974

Legoux, Lieger 1989. *Legoux R., Lieger A.* La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Cutry, Meurthe-et-Moselle // Actes des Xe journées internationales d'archéologie mérovingienne. Sarreguemines, 1989

Legoux, Périn, Vallet 2004. *Legoux R., Périn P., Vallet F.* Chronologie normalisée du mobilier mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye, 2004

Leguilloux 2004. *Leguilloux M.* Le cuir et la pelleterie a l'époque romaine. Paris, 2004

M

Marshall 1911. *Marshall F. H.* Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities, British Museum. London, 1911

Marshall 1951. *Marshall J.* Taxila. Cambridge, 1951

Marti 1991. *Marti R.* Das frühmittelalteliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne, 1990

Martin 1980. *Martin M.* Burgunden. III. Archäologisches // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York, 1980. 4/3-4

Martin 1987. *Martin M.* Redwald Börse. Gewicht und Gewichtskategorien völkerwanderungszeitlicher Objekte aus Edelmetall // *Frühmittelalterliche Studien*. 1987. 21

Menghin 1983. *Menghin W.* Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart, 1983

Menghin 1994-1995. *Menghin W.* Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin: *Acta Praehistorica et Archaeologica*. 1994-1995. 26-27

Menke 1986. *Menke M.* Archäologische Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhunderts in der Zone nordwärts der Alpen // *Peregrinatio Gothica*. Lodz, 1986

Molinero Perez 1948. *Molinero Perez A.* La necropolis visigoda de Duraton Segovia. Excavaciones del Plan Nacional de 1942 y 1943. Madrid, 1948

Molinero Perez 1971. *Molinero Perez A.* Aportaciones de las excavaciones y hallazgos casuales 1941–1959 al Museo Arqueológico de Segovia. Madrid, 1971

Moosbrugger-Leu 1982. *Moosbrugger-Leu R.* Die frühmittelalterlichen Gräberfeld von Basel (Führer durch das Historische Museum Basel 1). Basel, 1982

Muche 1988. *Muche B.* Vorderasiatische Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden, 1988

N

Nagy 2002. *Nagy M.* Die gepidischen Adlerschnallen und ihre Beziehungen // *Budapest Régiségei*. 2002. 36

Niezabitowska 2004. *Niezabitowska B.* Lustra z kolekcji wroclawskiej // *Sarmaci i Germanie*. Lublin, 2004

O

Oexle 1992. *Oexle J.* Studien zu Merowingerzeitlichen Pferdgeschirr am Beispiel der Trtensen // *Germanische Denkmaler der Volkerwanderungszeit: Serie A*. Mainz am Rhein, 1992. Bd. 16

Overlaet 1989. *Overlaet B.J.* Swords of the Sasanians, notes on scabbard tips // *Archaeologia Iranica et Orientalis II*. Gent, 1989

P

Périn 1995. *Périn P.* Les tombes des “chefs” du début de l’époque mérovingienne // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye, 1995

Pfeiler 1970. *Pfeiler B.* Römischer Goldschmuck des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. nach datierten Funden. Mainz, 1970

Piccirillo 1989. *Piccirillo M.* Chiese e mozaici di Madaba // *Studium biblicum franciscanum. Collectio Maior.* 1989. 34

Pilet 1980. *Pilet C.* La nécropole de Frénuville. Etudes d'une population de la fin du IIIe a la fin du VIIe siècle. Oxford, 1980

Pilet 2001. *Pilet C.* Témoignages de modes germaniques orientales dans la Lyonnaise Seconde (Normandie actuelle). bilan provisoire // *International Connections of the Barbarians in the 1st – 5th centuries A.D.* Aszod-Nyiregyhaza, 2001

Pirling 1974. *Das romisch – frankische Gräberfeld von Krefeld-Gellep.* Berlin, 1974

Posta 1905. *Posta B.* Archaologische Studien auf russischem Boden. Budapest; Leipzig, 1905. Bd. 2

Preda 1980. *Preda C.* Callatis. Necropola romano-bizantină. București, 1980

Q

Quast 1996. *Quast D.* Ein byzantinischer Gürtelbeschlag der Zeit um 500 aus Weingarten (Lkr. Ravensburg) Grab 189. // *Fundberichte aus Baden-Württemberg.* 1996. 21

Quast 1999. *Quast D.* Closionnierte Schibenfibeln aus Achmim-Panopolis (Ägypten) // *Archäologisches Korrespondenzblatt.* 1999. 29/1

R

Raddatz 1959. *Raddatz K.* Das völkerwanderungszeitliche Kriegergrab von Beja, Südpotugal // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.* 1959. 6

Ripoll Lopez 1987. *Ripoll Lopez G.* Reflexiones sobre arqueología funeraria, artesanos y producción artística de la Hispania visigoda // *Corsi ravennate.* 1987. 34

Ross 1962. *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1962. Vol. 1

Ross 1965. *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1965. Vol. 2

Roth 1980. *Roth H.* Almandilhandel- und verarbeitung im Bereich des Mittelmeers, Allgemeine und vergleichene Archäologie. 1980. Beiträge 2

Rouquette 1969. *Rouquette D.* Les parures wisigothiques de Marseillan Herault // *Revue Archéologique de Narbonnaise*. 1969. 2

Ruxer, Kubczak 1972. *Ruxer M. S., Kubczak J.* Naszyjnik grecki w okresach hellenistycznym i rzymskim. Warszawa; Poznan, 1972

S

Salin 1949. *Salin E.* La civilisation mérovingienne. Paris, 1949. Vol. 1.

Salin, France-Lanord 1956. *Salin E., France-Lanord A.* Sur le trésor barbare de Pouan (Aube) // *Gallia*. 1956. 14

Sarianidi 1985. *Sarianidi V.* Bactrian Gold, from the excavations of the Tillya-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985

Šarov 1994. *Šarov O.* Ein reiches Pferdgeschirr aus Kerč // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg; Lublin, 1994

Schach-Döriges 2004. *Schach-Döriges H.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Aldingen am mittleren Neckar. Stuttgart, 2004

Schmauder 2000. *Schmauder M.* Vierteilige Gürtelgarnituren des 6.–7. Jahrhunderts. Herkunft, Aufkommen und Trägerkreis // *Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt*. Innsbruck, 2000

Schulze-Dörrlamm 1993. *Schulze-Dörrlamm M.* Die spätrömischen und frühmittelalterlichen Gräberfelder von Gondorf, Gem. Kobern-Gondorf, Kr. Mayen-Koblenz. Stuttgart, 1993

Schulze-Dörrlamm 2002. *Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Bd. 1: Die Schnallen ohne Beschläg, mit Laschenbeschläg des 5. bis 7. Jahrhunderts. Mainz, 2002

Ščukin 1993. *Ščukin M. B.* A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye, 1993

Shchukin 1994. *Shchukin M.* Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu

römischer und barbarischer Bewaffnung in den erten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994

Shelton 1981. *Shelton K. J.* The Esquiline Treasure. London, 1981

Slabe 1978. *Slabe M.* Kulturna sled iz obdobja prersljevanja ljudstev v Ljubljani // *Arheološki Vestnik*. 1978. 29

Soupault 2003. *Soupault V.* Les éléments métalliques du costume masculin dans les provinces romaines de la mer Noire IIIe-Ve s. ap. J.-C. Oxford, 2003

Soupault-Becquelin 1997. *Soupault-Becquelin V.* Les fibules dites "impériales". Attribution et perspectives de recherche // *Antiquités Nationales*. 1997. 29

Spiedel 1996. *Spiedel M. P.* Late Roman Military Decorations. Vol. 1. Neck- and Wristbands // *Antiquité Tardive*. 1996. 4

Spiedel 1997. *Spiedel M. P.* Late Roman Military Decorations. Vol. 2. Gold-Embroided Capes and Tunics // *Antiquité Tardive*. 1997. 5

Splendeur des Sassanides 1993. Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224-642). Bruxelles, 1993

Szameit 1984. *Szameit E.* Zu den Waffen von Wien-Leopoldau // *Archaeologia Austraica*. 1984. 68

T

Tassinari 1993. *Tassinari S.* Propos sur la vaisselle de bronze // *Breton J.-F., Abd AlQadir Bafaqih M.* Trésors du Wadi Dura (république du Yémen): Fouille franco-yémenite de la nécropole de Hajar am-Dhaybiyya. Paris, 1987

Tejral 1988. *Tejral J.* Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // *Archaeologia Austraica*. 1988. 72

Tejral 1997. *Tejral J.* Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno, 1997

Theune-Grosskopf 1995. *Theune-Grosskopf B.* Zwiebelknopffibeln und ihre Träger – Schmuck und Rangabzeichen // *Die Schraube zwischen Macht und Pracht. Das Gewinde in der Antike*. Sigmaringen, 1995

Thompson 1996. *Thompson E. A.* The Huns. Oxford, 1996

Tomka 1986. *Tomka P.* Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1986. 38

Török 1988. *Török L.* Late Antique Nubia. History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A. D. Budapest, 1988

Treister 1997–1998. *Treister M. Y.* Further Thoughts about the Necklaces with Butterfly-Shaped Pendants from the North Pontic Area // *The Journal of the Walters Art Gallery*. 1997–1998. Vol. 55–56

Trousdale 1975. *Trousdale W.* The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington, 1975

Tudor 1974. *Tudor D.* Sucidava. Bucuresti, 1974

U

Uenze 1992. *Uenze S.* Die spätantiken Befestigungen von Sadovec. München, 1992

V

Vallet 1995. *Vallet F.* Une tombe de riche cavalier lombard découverte à Castel Trosino // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye, 1995

Vallet 1993. *Vallet F.* Parures féminines étrangères du début de l'époque mérovingienne, trouvées dans le Soissonnais // *Studien zur Sachsenforschung*. 1993. 8

Vallet et al. 1995. *Vallet F., Kazanski M., De Pirey D.* Eléments étrangers en Bourgondie dans la deuxième moitié du Ve siècle // *Les Burgondes, apports de l'archéologie*. Dijon, 1995

Varsik 1992. *Varsik V.* Byzantinische Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donauraum im 6. und 7. Jahrhundert // *Slovenska Archeologia*. 1992. 40/1

Von Carnap-Bornheim, Ilkjaer 1996. *Von Carnap-Bornheim C., Ilkjaer J.* Illerup Ådal. 5. Die Prachtausrüstungen. Aarhus, 1996

W

Werner 1956. *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. Munich, 1956

Werner 1958. *Werner J.* Eine ostgotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1958. 3

Werner 1961. *Werner J.* Katalog der Sammlung Diergardt. Bd. 1: Die Fibeln. Berlin, 1961

Werner 1966. *Werner J.* Zu den donauländischen Beziehungen des Alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel // Helvetia Antiqua. Festschrift Emil Vogt. Zurich, 1966

Werner 1980. *Werner J.* Der goldene Armring des Frankenkönigs Childerich und die germanischen Handgelenkringe der jüngeren Kaiserzeit // Frühmittelaltelich Studien. 1980. 14

Wierck 1981. *Wierck H.* Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Uppsala, 1981

Wührer 2000. *Wührer B.* Merowingerzeitlicher Armschmuck aus Metall. Montagnac, 2000

Z

Zaseckaja 1993. *Zaseckaja I. P.* To the Dating of the Dagger from Borovoye-Lake find in Kazakhstan // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993

Zaseckaja 1995. *Zaseckaja I.* A propos du lieu de fabrication des plats en argent portant la représentation de Constance II et trouvés à Kertch // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1995

Zaseckaja 1999. *Zaseckaja I. P.* Les steppes pontiques à l'époque hunnique // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations. Brno, 1999

Zasetskaya 2004. *Zasetskaya I. P.* On the chronology of eagle-head buckles from the necropolis of Bosporus and South-Crimean burial-grounds of the early medieval period (6 – early 7 centuries AD) // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Brill NV, Leiden, 2004. Vol. 10. No. 1–2

Zeiss 1933. *Zeiss H.* Ein Schatzfund der Gruppe Untersiebenbrunn von Coşoveni (Kleine Walachei) // Germania. 1933. 17

Zengel 1987. *Zengel E. Prunkschwert // Germanen, Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987*

Zotović 1994. *Zotović L. Die Gepidische Nekropole bei Viminacium // Старинар. 1992–1993. 43–44*

SUMMARY

MORSKOY CHULEK BURIALS OF THE POST-HUN NOBILITY FROM THE SEA OF AZOV REGION AND THEIR HISTORICAL CONTEXT

In 1868 two princely burials were discovered in the course of casual excavations carried out on the Morskoy Chulek River shore near the city of Taganrog (north-east coast of the Sea of Azov). All the finds from both burials, except few that have disappeared, have been held in the Hermitage collection since 1869. The documents describing this discovery are to be found in the archive of the Institute of Material Culture of the Russian Academy of Science in St Petersburg (fund 1, record 4/1868). Both burials were unearthed on the same site, which means that they belong to the same burial place. The type of the burials was a mere shallow pit in which the body was deposited, with no marks left on the surface. The first burial was excavated at a depth of 1 m, the second one at 2.4 m.

The Burial 1 contained two gold crescent-shaped earrings, two gold bracelets with openings for inlay works lost in ancient times, gold chain made of three pieces and three rings with garnets, one of which comes from the Mediterranean (Byzantium) and has an intaglio with dolphin (pl. 1, Cat. Nos. 1–6). Besides, the Burial 1 used to have a silver buckle and a stone round piece, non-extant today. There were no remains of the skeleton in it.

In spite of being rich, the Burial 1 contents are hard to date. Parallels to its gold rings and chain embrace a long chronological period, while there are no exact analogues of its bracelets. Crescent-shaped earrings, similar to those from the Morskoy Chulek, were also found in the North Black Sea coast steppes (e.g. Verkhne-Kuromoyarskaya on the Don River and Lisyi Mogily on the Lower Dnieper River), but their dating is obscure. It is obvious, though, that ornaments of this kind were made in the post-Hun epoch, as they are not extant among artifacts dated earlier than the middle of the 5th century BC. Typological research of the earrings and close to them temple pendants decorated in the cloisonné style (recently unearthed in the post-Hun burials in Novopokrovka in the Crimea, Mikhaelsfeld in Kuban and in Bashkiriya) reveals that the Morskoy Chulek ornaments must have preceded in their type later ornaments with cloisonné, which allows us to date the earrings from the Burial 1 to the second half of the 5th century.

The Burial 2 (the skeleton is completely preserved) used to include a gold chain with a pendant adorned with a garnet of the Mediterranean-Byzantine origin (found on the neck), two earrings-pendants with garnets and two heavy gold bracelets widening towards their ends (on the wrist), one of which has a Latin inscription indicating the weight of the object. The fingers of both hands had four rings with cornelian and garnets (pls. II and III, Cat. Nos. 7–14). Displayed at the feet, at a distance up to 71 cm from each other, were elements of

the gold decoration of a horse harness decorated in the cloisonné style with lapis lazuli and almandine (pls. IV–VII, Cat. Nos. 15–18), two plaques or medallions (one with cornelian) and seven bronze nails with gold heads adorned with cornelian (pl. VIII, 1–3, Cat. No. 19–21). There were also two gold round pieces, “gilded bronze plates, a small silver top, four elements of a gilded bronze bridle and nineteen broken buckles and their details” (non-extant).

The contents of the Burial 2 allow us to date it to the second half of the 5th – early 6th century. Its gold chain’s ends have a cloisonné décor, reminiscent of the decorative elements of chains from the second half of the 5th – early 6th century (e.g. Clui-Somsheni, Olbia). The rings with three medallions have close analogues in the burials from the late 5th – early 6th century (Shamsi in Kyrgyzstan) and from the second half of the 6th – first half of the 7th century (Sukhanovo in the Ukraine and Ufa in Bashkiriya). Their prototypes imported from Rome were known in Scandinavia in the 3rd – 4th century. The heavy gold bracelets widening towards the ends are of the Mediterranean origin, which is proved by the Latin inscription. Such bracelets, however, had appeared in Europe as early as the 1st century BC in the result of Central Asian influence. They are discovered in the European hoards and burials (mostly of women) from the 5th – second half of the 6th century, such as the East German burial of Regöly in Pannonia, grave of the Frank “princess” Cologne-Saint-Severine and a Gepid burial in Beregovo (Ukraine).

Particularly noteworthy is the horse harness from the Burial 1. It comprises elements of two sets. The first set decorated in the cloisonné style (pls. IV–VII) is of the Byzantine origin and has close parallels in the Gepid princely burial of Apachida-2 in Rumania. The second one (pl. VIII, 1–3) is embellished with cornelian and filigree. Its analogies can be found in the Asian princely burials of Shamsi (Kyrgyzstan) and Borovoye (Kazakhstan) dated from the second half of the 5th – early 6th century.

The richness of the contents of both burials on the Morskoy Chulek testifies to the princely or aristocratic rank of the dead laid in them. The objects of luxury from Byzantium attest to diplomatic contacts between the kings of the steppe tribes and the Roman Empire in the post-Hun period. According to Priscus, in 463 an envoy of the Saragurs, Onogurs and Urogs (Ugrians), nomadic tribes from Asia, visited Constantinople. Well known are diplomatic contacts of Emperors Justin I and Justinian I with the Huns living in the Cimmerian Bosphorus as well as with the Sabirs (Sabirians) of the North Caucasus. The ornaments and Byzantine horse harness set excavated on the Morskoy Chulek most possibly came from the diplomatic gifts sent by the Emperor to the barbarians. Of interest is the fact that according to some written sources (Priscus and John Malala) noble women of the steppe tribes, such as the wife of Bleda, king of the Huns, and Boariks, queen of the Sabirs, often received diplomatic gifts.

The Morskoy Chulek burials represent the post-Hun period of which little archaeological evidence is available in the steppes of Pontus. There are few nomadic burials in this region dating from the second half of the 5th – early 6th century – Dmitriyevka, Taman, Chikarenko, Novopokrovka and Novogrigoryevka (figs. 33, 34; 2, 4, 40). Most of the post-Hun nomadic graves are located in the steppes of the Volga and South Urals – Pokrovsk-Voskhod, Vladimirskoye, Shipovo (figs. 33, 37–39, 41, 42) and others. This group is known as the chronological horizon of “Shipovo”.

The attribution of the burials to this or that culture is possible only with the help of written sources. According to ancient writers, after the death of Attila his sons retreated from the middle Danube and in 456–466 settled on the Dnieper where they took lead of

the Ultinzurs, Bittugurs and Bardors. At the same time, i.e. in 463, the Asian tribes of the Saragurs, Onogurs and Urogs, forced from the east by the Sabirs, came to the East European steppes and conquered the Akacirs who populated the Pontic part of Scythia. The Saragurs settled on the Volga shores, the Onogurs, most probably, in the Don steppes and the Sea of Azov coast. The Bulgars who invaded the steppes of the North Black Sea coast, the territory once controlled by the sons of Attila, were first mentioned in 480.

The analysis of the ethno-political situation in the Pontic steppes in the second half of the 5th – first half of the 6th century makes us conclude that the Morskoy Chulek burials must have belonged to the Onogur tribe. Their Asian origin is manifested in the Central Asian type of the horse harness from the Burial 2, while their diplomatic contacts with Byzantium described by Priscus are proved by the Mediterranean objects of luxury.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДАК	Дело Археологической комиссии
ДБК	Древности Боспора Киммерийского
ЗРАО	Записки Российского археологического общества
ИИАК	Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК	Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАК	Материалы по археологии Кавказа
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	Отчет Археологической комиссии
РА	Российская археология
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
ТГИМ	Труды Государственного Исторического музея
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа

Научное издание

Ирина Петровна Засецкая
Михаил Михайлович Казанский
Илья Рафаэлевич Ахмедов
Рафаэль Сергеевич Минасян

МОРСКОЙ ЧУЛЕК:
ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТИ ИЗ ПРИАЗОВЬЯ
И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В ПОСТГУННСКУЮ ЭПОХУ

Редактор Е. А. Васильева
Корректор Е. Г. Шабалова
Перевод резюме на английский язык Ю. Р. Редькина

Подписано в печать 06.12.07. Формат 70x100 1/16
Уч.-изд. л. 14. тир. 700. Зак. 173

Издательство Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
190005, Санкт-Петербург, наб. обводного канала, д.14